

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

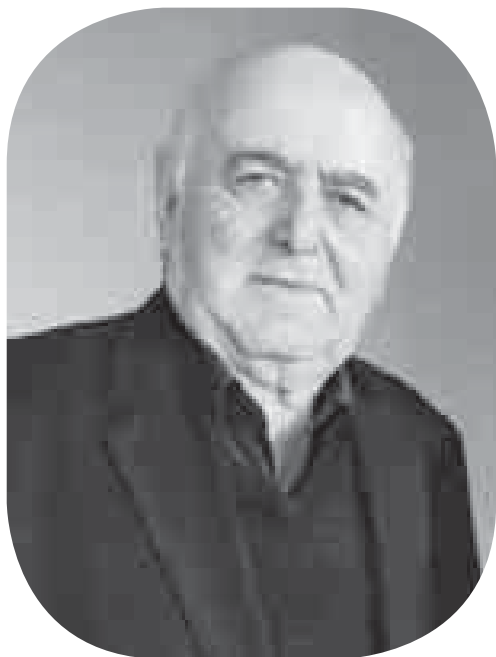
Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Нина Емузова
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2018 ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

*Хасан ШАБАЕВ,
заслуженный работник культуры
КБАССР*

НАШ ХАСАН

Добродушный, обаятельный человек – таким я узнала потрясающего Хасана Шаваева ещё в школьные годы. Придя всем классом в гости к легенде, к писателю, которого мы только читали в учебниках родной литературы и который был недостижим для нас, учащихся простой средней школы маленького села Жанхотеко, мы были ошарашены, нет, очарованы простотой и душевностью этого действительно доброго человека.

Оценив глубину и насыщенность его произведений, серьёзность проблем, которые он поднимает в своих творениях, мы были чрезвычайно заинтригованы общением с самим автором. Были безумно рады подаренным книгам с автографом и пожеланиями Хасана, которые до сих пор хранятся дома у каждого из нас, у меня по крайней мере точно сохранился экземпляр. Вдвойне приятно было получить коробку конфет в качестве презента девочкам – джентльменский жест, красноречиво свидетельствующий о характере и натуре Хасана Шаваева.

Уже во взрослой жизни сталкиваясь с ним на различных культурных мероприятиях и торжествах, была приятно удивлена тем, что Хасан Исмаилович за прошедшие годы нисколько не растерял своего обаяния и шарма. Как и тогда внимательный, всегда очаровательный, всегда мудрый Хасан Шаваев. По воле судьбы теперь мы с ним коллеги, и присутствие рядом столь крупной личности переполняет гордостью моё сердце, греет душу.

Хасан Исмаилович – человек с чрезвычайно тяжелой судьбой. Детство в ссылке, нескончаемая борьба за жизнь, лишения, непосильный труд – всё это, как правило, закаляет характер, наполняет мудростью и отвагой. К счастью, Хасан Исмаилович направил всё испытанное, пережитое в своё творчество. Написав первые рассказы на киргизском языке, он сделал начальные шаги по творческой стезе. Человек высокой культуры, несмотря на недостаток образования, тяжелые условия жизни и жестокость со стороны властей, он сумел выстоять, убить в себе ещё в зачатке озлобленность и с удвоенной силой начал трудиться на благо своей Родины. Работал на полях, в школах, в газете, в журналах – и всё это время писал, изливал свою мудрость в рассказах, очерках, романах и вскоре добился всеобщей любви и признания.

Творчество Хасана Шаваева настолько многогранно, что его книгами зачитываются далеко за пределами Кабардино-Балкарии, даже страны.

Его произведения актуальны для каждого народа, каждого человека, перенесшего тяготы и лишения. В его повестях, романах и рассказах каждый читающий найдёт себя, свою боль и свою радость, ибо в построении сюжета и наполнении образов своих героев Хасан Исмаилович настолько точен, настолько глубок, что поневоле начинаешь сопереживать, сострадать этим людям, будто описываемое действие происходит совсем близко, буквально в соседнем дворе – настолько его произведения реалистичны. Каждая книга, а их более 20, в числе которых шесть выдающихся романов, наполнена глубочайшим смыслом, интересной сюжетной линией, многогранными персонажами, и что самое главное – в них каждый читатель найдет отклик на собственные мысли и переживания.

Читая Хасана Шаваева, проникаясь описанными событиями и персонажами, несмотря на тяжелую, в некоторых случаях даже трагическую сюжетную линию, никогда не теряешь надежды на хороший итог. В основном Хасан Шаваев пишет о событиях, пережитых им лично, о людях, которых он знает, об испытаниях, через которые прошёл его народ, про всё то, что он пронёс в своём большом сердце. В каждом его произведении на первом месте стоит родная земля, любовь к отчему краю. Художественная ценность произведений Шаваева несомненно высока, о чём свидетельствуют актуальность, востребованность творений автора и по сей день. Ценными его произведения делает также и обращённость к реальным историческим фактам. Его творчество изучают в школах, колледжах, университетах, его имя ценимо множеством читателей на всей территории бывшего СССР.

Хасан Исмаилович, проживший долгое время на чужбине, за короткий срок ставшей родиной для него, легко заводит дружеские отношения с представителями самых разных национальностей. Он тесно общается со многими представителями народов бывшего СССР, переводит на балкарский язык произведения зарубежных авторов и тем самым знакомит читателей с огромной вселенной мировой литературы. В его творческой копилке можно найти произведения русских, абхазских, киргизских, азербайджанских, башкирских, чеченских, ингушских авторов, и это далеко не весь список. Нужно отметить, что, в свою очередь, Хасана Шаваева переводят и читают в странах ближнего зарубежья: Киргизии, Башкирии, Казахстане, Узбекистане, Турции.

В прошедшем году Хасану Исмаиловичу исполнилось 80 лет! В свои годы он ведёт активную жизнь творческого человека, много переводит, публикуется, издаётся как в местных газетах и журналах, так и в зарубежных. Хочется пожелать многоуважаемому Хасану Исмаиловичу неиссякаемой энергии и вдохновения для продолжения активной социальной и творческой жизни и познакомить вас, дорогие читатели с переводом на русский язык его документальной повести об Омаре Батырбиеве.

Жамиля Додуева-Кульчаева

ОМАР

Документальная повесть

Это документальная повесть о Батырбиеве Омаре Жарашуевиче. Он родился в 1917 году в селении Кёнделен. Омар – один из великих героев, проявивших небывалое мужество на фронтах Великой Отечественной войны.

Достиг ли я своей цели, не знаю, но определенно буду счастлив, если это так. Мою работу оценит читатель – и, в первую очередь, люди, которые хорошо знали Омара. В некоторых местах я воспользовался литературными приёмами, но в целом постарался не выходить за рамки документальной повести.

Хочу выразить свою признательность замечательным людям, которые во время сбора сведений о моём герое от души помогли мне: Хочуеву Ахмату, Боташеву Иссе, Доттуевым Мариям и Ибрагиму, Атмурзаеву Ахмату, Улакову Добаю, Малкондуеву Хасану и сыну самого Омара – Борису.

А теперь прошу отправиться со мной по пути следования моей повести.

I

Он родился для того, чтобы жить на этом свете.

II

Несмотря на то, что пекло солнце и под его лучами грелись тела людей, сердца их отчаянно дрожали. Даже дувший с низовьев тёплый ветер заставлял мёрзнуть. Раньше люди советовались друг с другом, собирались вместе на лавочках, а сейчас как будто забылись эти обычаи. Да и кто будет выходить на такие сборища? Старики, бывшие завсегдатаями таких посиделок, теперь и днём и ночью заняты житейскими проблемами.

Народ беспокоен, все постоянно прислушиваются к происходящему на улице. Даже в природе это прослеживается. Огороды с зеленой кукурузой, яблоневые, грушевые деревья, леса на теневой стороне Кёнделена иссушены и запущены – всё словно насторожилось. Нет, народ пока не отчаялся. В колхозах и у себя дома все работают втрое усердней, чем раньше. Есть и такие, кто устраивает свадебные гулянья, и пусть звуки гармони и распеваемые песни не радуют сердца людей, как раньше, но, по крайней мере, развеивают их тяжёлые мысли, помогают с надеждой смотреть в будущее.

Сельские мальчишки тоже не веселы, не озорничают, не проказничают, как в мирные дни. Самая большая радость для них – рассказы

товарищей о новом письме, пришедшем с фронта. Но, хоть и загружены тяжёлой работой и всякими домашними делами, они всё же находят время для развлечений. Сбежать на Таш кёпюр¹ и прыгать с него в речку Юрдю² – в этом их мимолётное счастье. Первый, кто с самой высокой точки спрыгнет в воду и первым же выскочит из неё, приравнивал себя к знаменитому герою Омару Батырбиеву. Они ещё не забыли, с какого именно места Омар прыгал в реку. Поэтому все мальчишки толпятся у этого гладкого чёрного камня, ожидая своей очереди прыгать.

С особым трепетом мальчишки вспоминали те времена, когда все вместе ходили к Дому советов (местные жители так называли здание Эльбрусского райкома и райисполкома), где на берегу реки Кёнделен проводились конные игрища. «Нет, это были не просто игрища, это были военные тренировки», – спорили некоторые. Были и те, кто, широко расправляя руки, рассказывал о прутьях, воткнутых в два ряда на площадке у побережья реки.

– Ох, чёрт побери! – говорит лохматый, рослый мальчик. – А помните, как Омар, разогнав коня и размахивая своей огромной шашкой, на скаку рассекал по очереди эти прутья с двух сторон?

– Ой, да это что! А то, как он переворачивался в седле, пока конь мчался на огромной скорости, и, нырнув под живот, садился обратно в седло? Про это вы забыли? – говорит другой мальчишка, гордясь тем, что первым рассказал эту историю.

– Да ради бога, Магометик, как будто мы этого не видели, – говорит парень, первым начавший разговор. – Мы даже видели, как Омар, привязав себя к подпруге коня, ехал лёжа на его спине и читал газету! Магомет, а тебя в этот день там и вовсе не было.

Магомета очень рассердили эти слова.

– Никто из присутствующих не знает Омара лучше меня! – воскликнул он. – Я как раз тот самый парень, который видел, как на скачках Омар опередил командира! Вы же знаете того здоровенного карачаевца? Вот он был командиром Омара. Могучий парень был. Плюс ко всему очень высокий. И вообще, в прошлом году Омар, взяв меня в седло, отвёз до Хаймаши и обратно!

Спор всё разгорался, мальчишки уже наперебой начали рассказывать о героических подвигах своих родственников на войне. Переполненные гордостью, они бахвалились ратными достижениями отцов или братьев и тем, как же здорово они навредили Гитлеру. Тот, кто бойчее, разговорчивее – того отец или брат герой. Жадно прислушиваясь к разговору, но не решаясь подойти к сидящим на прогретом солнцем камне старшим, поодаль, приложив ладошки к глазам, тем самым за-

¹ *Таш кёпюр* – каменный мост через речку Юрдю.

² *Юрдю* – высокогорная речка, протекающая по левой стороне Кёнделена.

щищаясь от солнца, стояли абсолютно голые малыши. Ох, как же они им завидовали в тот час!

В какой-то момент мальчиков насторожил звук взорвавшейся мины, донёсшийся со стороны Акъ Къая¹. Их перепугал вражеский огонь. Наши войска были с северной стороны села, а фашисты пролезли со стороны Къарма Къабакъ² и обосновались на южной стороне, у Акъ Къая. Обе стороны, хоть и не встречались ещё лицом к лицу, но периодически давали о себе знать. Враги любыми путями хотели захватить Кёнделен. Но, вероятно не располагая достаточными данными о расстановке наших войск, не рисковали без колебаний входить в село. Да и наши войска, несмотря на то, что всё колхозное имущество и скот переправили в недоступное для врагов место, отдавать село точно не собирались. Если бы они проявили хоть каплю малодушия, фашисты вошли бы в село даже по прямой дороге, ведущей в Баксанское ущелье.

В один из таких дней с войны вернулся Омар Батырбиев. Не днём пришёл – ночью. Когда все улеглись. Увидев закрытые двери и окна родного дома, забыл про все свои беды. Нижнюю челюсть Омара снесло вражеской пулей и вместо неё теперь была искусственная, крепко перевязанная белой тканью. Омар, несмотря на чёрный замок, висящий на двери, несколько раз постучал правой рукой. Попробовал потянуть, подвигал замок. Но нигде не заметил признаков жизни. Даже собаки не лаяли.

Эта тишина заставила трепетать сильное сердце Омара, героя, прославившегося своим бесстрашием и мужеством. Резко вытащив пистолет из кобуры, оглядываясь по сторонам, он вышел за ворота на улицу. Не было видно ни одного дома, в котором бы горел свет. С тех пор как Омара на окраине села высадила машина, направлявшаяся в Тырнауз, он не встретил ни одной живой души. Да если бы и встретил, туман настолько плотно окутал село, что никто никого и не мог заметить, разве что только если бы столкнулись нос к носу. Парень, прислонившись к подгнившей перегородке, дал немного отдохнуть своим безмерно уставшим от постоянного напряжения ногам.

«Насколько я знаю, враг ещё не вошел в село, – размышлял Омар про себя. – Если даже и так, шофер, подвозивший меня, наверняка сказал бы об этом. Нет, нет, здесь что-то не так...»

Мысленно Омар просил у Всевышнего только о том, чтобы его жена Зайнаф и сынишка Борис были живы и здоровы. «Отца нет, матери нет. Идти им некуда». Эти мысли доводили Омара до умопомрачения. Собраться с духом и разбудить кого-то из соседей тоже пока не в его власти.

В какой-то момент Омар пошёл вверх по главной дороге и, дойдя до Дома советов, остановился, не выпуская пистолет из рук. Так и не решившись пройти через главные ворота, словно испугавшись чего-то,

¹ *Акъ Къая* – название горы в с. Кёнделен.

² *Къарма Къабакъ* – с. Каменномост.

повернул обратно. Закинув вещмешок на плечо, зашагал назад так быстро, будто за ним кто-то гнался по пятам.

Опять зашел в свой двор, с новой силой начал колотить в дверь. Вероятно, ушибив руку от частых ударов по запертой двери, засунул ладонь подмышку и какое-то время стоял молча. В это время со стороны дома Батоки Доттуева отчаянно залаяла собака. Омар тут же оживился. Будь его воля, от радости даже закричал бы, глядя в небо. Но, к сожалению, не было сил не то что кричать, нельзя было даже просто открыть рот.

Батока и Омар всегда жили по соседству. Батока всю жизнь присматривал за Омаром и его сестрой Шамшият, с самого детства оставшимися без родителей. В том, что и сегодня он окажет ему поддержку, Омар ни на секунду не сомневался. Он даже удивился, почему не вспомнил про него раньше. Но, несмотря на это, не смог в ту же секунду отправиться к дому Батоки. Ноги подкосились, от бессилия не мог даже сдвинуться с места. И всё же беспокойство, охватившее сердце, понемногу отступало. Конечно, он не может быть уверенным в том, что Зайнаф, прижимая к груди их маленького сына, сейчас же выйдет к нему. Ничего не поделаешь, у него всё ещё нет сил передвигаться.

* * *

Через какое-то время, немного отдохнув и придя в себя, Омар подошёл к дому Батоки, открыл калитку и, пройдя во двор, закрыл её за собой. Собака рычала, заливаясь громким лаем, пыталась сорваться с цепи, но, к счастью, была надёжно привязана и не представляла для Омара никакой опасности. Скорее всего, Батока всё же встал с постели, но, увидев стоящего в темноте человека, тут же закрыл дверь на засов. Омар же, поднимаясь по ступенькам крыльца к коридору, остановился посередине. Не имея возможности даже шёпотом произнести: «Батока, это я, открой», – но всё же переполненный огромной радостью, облегченно дыша полной грудью, тихонько постучал в дверь. Однако в доме было всё так же тихо. Домочадцы, хоть и старались выглядывать из щелей двери и окон, но всё, что они видели, – темный силуэт на ступенях дома. Батока даже не сомневается, что это какой-то немец стучится в его дверь. Ах, если бы он знал, что это Омар, он бы в ту же секунду вышел к нему, даже если бы пришлось ползти на животе!

Осознав всю беспомощность своего состояния, Омар просто сел в коридоре и, прислонившись к стене, решил отдохнуть в ожидании рассвета. Знай он, что Зайнаф с маленьким Борисом находятся совсем рядом, в соседнем доме Хаулат Аласовой, бросился бы туда со всех ног. Но и они ни за что не открыли бы ночью дверь, каждому дорога жизнь, никто не захочет стать жертвой врагов. Более того, никому не нужна такая бессмысленная смерть.

Зайнаф и Бориса к Хаулат отправил Батока. После ухода Омара на войну они ещё какое-то время перебивались в своем доме, но каждый стук в дверь или в окно пугали, заставляя забыть обо всём на свете совсем молодую Зайнаф, которой не было ещё полных двадцати лет от роду. В отчаянии она как-то раз пришла к Батоке и поделилась своими страхами.

– Дочка, постарайся жить, – сказал Батока. – Если тебе уж настолько неспокойно, живи с нами. Если отказываешься, могу переселить вас к Хаулат, чего уж там, наши дворы друг напротив друга. Она тоже одинока, ни днём, ни ночью покоя не знает.

– Аллах велик, я рада больше второму предложению, – отвечала Зайнаф. – Отец Бориса чуть ли не с рождения на твоём попечении жил. Нельзя, чтобы и мы стали грузом для вас.

Хаулат, услышав об этом разговоре, безмерно обрадовалась. Даже больше – отнеслась к этому как к огромному благу для своего дома. Если бы Омар, сидя на том же месте, заговорил чуть громче, семья бы его точно услышала.

В какой-то момент он, не выдержав этой неопределенности, встал и с силой постучал в окно. Наверное, Батока подумал про себя: «В один день родился, в один день умру», – и, отодвинув засов, толкнул створки. В это же время с другой стороны Омар широко раскрыл створки и прислонился лбом к стеклу. Батока сделал то же самое. Аксакал сразу узнал его и пулей бросился к двери.

III

У радости от этой встречи был короткий срок. Было время, когда человек, выйдя поутру из дома, не рассчитывал вернуться обратно живым. Свист пролетающих пуль, непрекращающиеся взрывы снарядов лишили покоя как людей, так и всю землю. Немало было тех, кто ушёл из дома в поисках более спокойной жизни. Многие семьи переехали в пещеры у реки Юрдю. Как переехали – взяли пару вещей, пожитки, еды на пару дней, а остальное всё осталось в селе. Отдалённо даже колхоз напоминал умирающего человека. Как и говорилось, немцы, захватив половину России, остановились в верховьях Кёнделена, уткнувшись в Акъ Къая, но никто не сомневается в том, что этот страшный сель в какой-то момент прорвется и пронесётся по селу. Однако были и такие, кто всё ещё верил в постоянство и могущество советской власти. Вот именно эти люди и поднимали дух односельчан, а то от печалей и тревог многие чуть не лишились рассудка. Не бывает леса без волка, села без дурака, есть и такие, кто не только о завтрашнем дне не думает, но и живёт только сегодняшним, ищет во всём только выгоду, заботятся только о собственном довольстве. К счастью, таких никчемных лентяев меньшинство.

Омар хоть и не вмешивается в дела села, но за всем наблюдает, всё видит и обо всём знает. Даже не сменил своей военной одежды. Омар – старший лейтенант. И пистолет всегда при нём. Так как его рану нужно было часто обрабатывать и перевязывать, Зайнаф искала помощи на стороне. К счастью, невестка Батоки Доттуева – Мариям была медсестрой. Она никому не доверяла перевязку раны Омара. Зайнаф очень радовалась такому соседству и такой замечательной подруге. Всю оставшуюся жизнь она просила у Всевышнего для Батоки и его семьи самого лучшего.

Август 1942-го для кёнделенцев выдался особенно тяжёлым. Свист пуль и грохот снарядов раздавались чуть ли не во всех дворах. Немецкий истребитель, с рёвом пролетая над селом, наполнял ужасом сердца людей и так же улетал обратно. Всё это будоражило кровь Омара, злость так и клокотала в его груди. Если бы это было в его руках, он за день уничтожил бы всех врагов. Но пусть треснет его могила, если он, пока живёт на этом свете, не будет мстить фашистам, доставившим столько бед людям. Он очень смелый. Ему нужно во что бы то ни стало показать свою отвагу в битве с врагом, стать примером для остальных и ни в коем случае не отступить, если село, если Родина будут в опасности. Такие мысли клубились в голове у парня с огненным сердцем.

В один из таких тревожных дней от вражеских войск отделилась группа и, пройдя через Къарма Къабакъ, остановилась в местечке под названием Тёбе арты ¹. Услышав об этом, кёнделенцы забеспокоились ещё больше. Все всполошились, в панике разыскивая родных и близких по горам и кошарам. В это время всеми уважаемый Юзейир Энеев как раз был на выпасе в Жамбаши ².

«Делайте что хотите, но верните его домой!» – с таким требованием выступили женщины села. Причина их тревоги была ясна: все слышали, как несколько человек с того выпаса непонятно почему переметнулись к вражеским войскам. И без того немало бед свалилось на их головы, так если ещё и Юзейира сведут с правильного пути, то весь род станет посмешищем для села.

Исполнить волю женщин выбрали зятя Юзейира – Исмаила Макитова. Исмаил работал учётчиком в овечьих кошарах колхоза. Плюс ко всему он по велению военкомата отбирал из колхозных табунов лошадей для отправки на фронт, а после отвозил на комиссию. Ему приходилось заниматься этим делом и днём, и ночью – коней, не прошедших комиссию, отправляли обратно. Были и те, кто говорил: «Как отцовских коней водишь туда-сюда? А твой отец не так много коней сдавал в колхоз».

¹ *Тёбе арты* – название местности.

² *Жамбаши* – пастбищные угодья.

В последнее время Исмаил и партизанам начал помогать с лошадьми. Утром, когда он отправился за Юзейиром, партизаны как раз были в селе. Но события в вечернем сумраке заставят Исмаила и Юзейира забыть навсегда о партизанах.

...Когда Исмаил добрался до кошары, был уже полдень. Встретил свёкра и рассказал ему обо всех обстоятельствах дела, они быстренько собрались и, не задерживаясь, вышли в путь. К ним решил присоединиться Ахмат Жантуев.

Путники ехали в глубоких раздумьях, мало общаясь между собой. Какие же сложные дни переживает народ, так спокойно и мирно живший на своей прекрасной земле! Если и дальше всё продолжится таким печальным образом, нельзя быть уверенным в том, что колхозы, которые они все вместе создавали и с таким трудом налаживали их работу, будут и дальше функционировать. Как говорят в народе, уронивший топор в воду, вслед за ним кидает и топорище. Так же и путники были обеспокоены, с одной стороны, тем, что вслед за колхозами исчезнут лучшие люди села, а с другой – тем, что от всего этого растает как дым их любимое дело.

Вдруг лошадь под Юзейиром неудачно споткнулась, чуть не выбив всадника из седла. Он тут же резко натянул поводья. Хотя и не показал виду, но всё же это происшествие своевременно отрезвило его, привело в чувство. Юзейир сердито обернулся назад в поисках предполагаемой помехи, глубоко вздохнул. Он не был суеверным человеком, но то, как неожиданно споткнулась лошадь, ему совсем не понравилось. «Да чтоб тебя волки задрали!» – мысленно ругнулся он.

– Ты чего это? – спросил Исмаил. – Перепугал так, что чуть душа в пятки не ушла.

– Так до сегодняшнего дня не было у неё такой привычки, чтоб её голодные волки задрали!

– Слушайте, друзья, а если всё же, как все говорят, немцы войдут в село, что будет с нами? – заговорил неожиданно молчавший всю дорогу Ахмат.

Чуть не вылетевшего из седла, да ещё не оправившегося от потрясения Юзейира такой вопрос разозлил:

– Да что будет-то! Придут хорошие деньки, жди, как же, радуйся! Эх, друзья, очень плохие вести ходят. Если правду говорят, не почитают немцы ни женщин, ни детей, ни стариков. Разве не удивительно: врываются в чужой дом, приходят и на чужой земле устраивают беспорядок?

– Ах, если бы только беспорядком ограничивались! – говорит Исмаил. – Говорят, их жестокость не имеет никаких границ, они ни перед чем не останавливаются.

– Давайте уже прекратим эти плохие разговоры, – сказал Ахмат.

– Так сам же начал! Ты спросил, мы ответили, – заметил Юзейир.

О чём бы ни заговаривал Юзейир, вид у него был весьма печальный. Даже в такой тёплый день его губы были посиневшими. Да и глаза не похожи на глаза живого человека. Больше всего его беспокоили похолодевшие кончики пальцев. Он по очереди их помял. Потом потёр переносицу. Исмаил, заметив его состояние, даже подумал спросить, всё ли у него в порядке, не заболел ли он. Но, посчитав, что, возможно, это он так переживает за друзей, оставшихся на кошаре, не стал беспокоить Юзейира.

Ехал-ехал Юзейир и встретился с тем, чего так боялся. Как только выехали из теснины Юрдю¹, Ахмат заехал к себе, так как при въезде в село его дом был первым. Когда до села оставалось два шага, неожиданно, как из-под земли, появились непонятные люди, вмиг окружив Юзейира с Исмаилом. Исмаил сразу понял, что дело плохо. Юзейир-то они, скорее всего, не навредят, но вот Исмаил – он ведь комсомолец. Если удача будет сопутствовать ему, возможно, сможет убежать, конь его очень быстр. Но оставить свёкра и сбежать ему не позволит совесть. «Никто не спасётся от воли Всевышнего», – так он себя настраивал на положительный исход дела. Пока он прокручивал всё это в голове, вражеские солдаты уже стащили его с коня. В вечернем сумраке не было видно лиц фашистов, но, если Юзейир с Исмаилом не ошиблись, их было около двадцати человек.

Сначала проверили Исмаила. Во внутреннем кармане нашли комсомольский билет и пропуск, выданный военкоматом. «Мне конец», – подумал Исмаил.

– Комсомол! Партизан! – обрадовались фашисты. Такого человека они и искали. Вот и нашли.

Погоня впереди себя Исмаила и Юзеира, немцы дошли до дома Солтанбека Атмурзаева у Ташкёпура. У обоих пленников были связаны руки. Увидев, как во дворе того дома жестоко избивают до полусмерти Мухаммата, сына Жарашты Боташева, пленники отчаялись.

– Партизан! Партизан! – только это и слышится в ночи от немцев. В округе же все заперлись по домам и, выключив свет, спрятались по углам.

Когда, продолжая зверски избивать, Мухаммата ударили по голове железным прутом, его крик от невыносимой боли разнёсся выше гор. Юзейир, не вытерпев этой жестокости, несмотря на связанные руки, бросился на немцев. Но этим только сделал хуже себе и ничем не помог Мухаммату.

Подняв окровавленного Мухаммата на ноги, подвели его к Юзейиру с Исмаилом. Когда его, еле волочащего ноги, грубо толкнули в спину,

¹ *Юрдю* – название ущелья в верховьях с. Кёнделен.

Мухаммат, не удержавшись, чуть было не упал на каменную землю, разбив лицо, но, к счастью, шатаясь, уткнулся в Юзейира.

Фашисты опять подняли шум, постоянно озираясь. Успокоившись, привязали всех троих друг к другу за руки и, периодически ударяя их по спине железной цепью, повели к местечку Тёбе Арты, что над Кён-деленом.

А там оказалось полным-полно фашистов. Палачи опрокинули пленников на землю и начали допрос. Задавали обычные вопросы: «Где партизаны? Сколько вас?»

– Какие партизаны? О чём вы? – возмутился Юзейир. – Мы скотники. Только с кошары спускаемся.

– Если вы не партизаны, почему вы убили пятерых наших людей? Сначала мы спросим с вас за них, а потом уже повесим!

– Да мы до сегодняшнего дня не то что немцев, даже фотографий их не видели, – прошептал Мухаммат, еле шевеля губами.

– Ну нет, только что ты совсем по-другому пел, – говорит немец с перевязанной правой рукой. – Разве не ты говорил, что сделал это в темноте, не зная, кто это был.

Немец размахнулся левой рукой, но не ударил.

После того как не получили никаких ответов на заданные вопросы, фашисты оставили их там до утра, скованных по рукам и ногам железной цепью. Через какое-то время к пленникам подошли несколько человек и осветили их лица. Скорее всего, показывали их односельчанину для опознания. После этого уже не били.

Поутру, спустив их с Тёбе арты к месту, где сельчане обычно лепили кирпичи, пленников подвели к какой-то яме и передали в руки других людей.

– Помяните бога, – шептал Юзейир. – Пришёл наш конец. Очевидно, что живыми мы отсюда не уйдём.

Яма оказалась очень глубокой. Не успел Мухаммат повернуть голову, как фашист выстрелил ему в затылок. Кровь брызнула на лицо Исмаила. Падая в яму, Мухаммат потянул за собой остальных, так как они были связаны вместе. Раздалась ещё одна пулемётная очередь. Руки и поясница Исмаила горели, как в огне. Он заметил, что стреляли и в третий раз. К счастью, веревку, которой они все были связаны, разорвало пулей, освободив их друг от друга. Почувствовав это, Мухаммат попытался было встать, но в ту же секунду бессильно упал обратно.

Через некоторое время к яме подошли с пистолетом в руках. Исмаил всё ещё был в сознании и замер в ожидании палача. Немец каждого толкнул ногой...

Вокруг часто слышатся автоматные очереди. С южной стороны села наши, а с северной фашисты ни на минуту не прекращают огонь. Тяжелораненый Исмаил видит всё это. Юзейир скончался на месте.

Мухаммат остался в живых. В скором времени к ним пришли родные и забрали раненых в горы, спрятав в пещере.

В этот раз немцы не смогли взять село и были отброшены назад.

IV

После зверств, учиненных над Юзейиром и остальными, сельчане осознали всю безысходность своего положения, окончательно приняли неизбежность беды, нависшей над селом. Со стороны партизан всё ещё приходили обнадеживающие вести. Но даже в таком случае реакция некоторых была не слишком радостной. Увидев воочию, на что способны фашисты, несмотря на положительные новости, мало кто верил в хороший исход этого дела. «Малодушие, проявленное во время войны, вызвано в первую очередь тем, что никто своевременно не объяснил всех деталей происходящего, не обнадежил, не сказал обоснованных слов народу», – подрывали надежду некоторые. «Коммунисты, которые сейчас ходят перед народом, угоняя колхозный скот, вполне себе спокойно проводят время в горах. Вместо этого могли бы поднимать боевой дух народа, настраивать его на беспрестанную борьбу с врагом. Вот в этом случае ни один фашист не смог бы ногой ступить в горное ущелье, уж будьте уверены. Если бы каждый, как Омар Батырбиев, не жалея ни сил, ни жизни своей, встал бы на защиту Родины, мы бы не пережили всех тягот войны», – с таким содержанием пришло мне письмо из Кёнделена.

...Омар вернулся с войны обессиленным, тяжелораненым, потеряв драгоценное здоровье настолько, что в минуты, когда он сильно переживал за что-то, просто терял дар речи. В такие минуты, осознавая свою беспомощность, он брал в руки листок с ручкой и объяснялся с помощью письма. Двоюродный брат Омара, Магомет Сарбашев, молодой, красивый парень, которому едва исполнилось восемнадцать лет, не отходил от Омара ни на шаг с тех пор, как тот вернулся с войны. Он стал необходимой опорой Омару, моментально выполняя все его просьбы, поддерживал во всём. Парень, как сокол, стройный, подтянутый, хоть и осознавал, что в конце концов лучше бы ему оставить Омара и уйти восвояси, а не то и ему не поздоровится, – всё же не покинул его до последнего момента, даже на смерть пошёл вместе с ним.

В 1942 году, в тот несчастный август, принёсший столько страданий в Кёнделен, заняв, как обычно, свой наблюдательный пост, Магомет издали заметил группу людей, спускавшихся с Акъ Къая. Непонятно почему, даже хорошенько не присмотревшись к ним, в сердце ощутил смешанную со злостью тревогу. Взобравшись на высокое плато, он смотрел на них в оба глаза. «Это же они! – думал про себя Магомет. – Люди! Куда они собрались! Один, два, пять. Ох, вы ж бессовестные!» Тихий ветерок доносит их разговор до Магомета. «Нет, ты посмотри на них!

Так смело идут, как к себе домой! Ну, подождите! Я вам еще устрою! Посмотрим, кто ещё будет смеяться!»

Но хоть и говорит так уверенно, всё же не может решиться на какие-либо действия и, в отчаянии опустившись на землю, думает: «Что же мне делать? И оружия ведь никакого у меня нет...»

Парень ясно понимал, что сейчас ни в коем случае нельзя проявлять малодушие. С возвышенности он ползком спустился со стороны села. Судя по всему, уже пришло время возвращения скота с выпаса. Он изо всех сил пустился бежать в село, настолько быстро, что даже не чувствовал землю под ногами. Первым делом нашёл Омара, рассказал ему про всё, что видел.

– Быстро беги в Дом советов, дай им знать обо всём, – сказал Магомету Омар, у которого по очереди дрожали то перевязанные щёки, то побелевшие брови. – А я пойду к ним навстречу и буду следить из-за забора.

Омар, достав пистолет, перезарядил его и положил не в кобуру, а в карман.

За секунду у него в голове пронеслись тысячи мыслей. Первое сражение, друзья, не вышедшие из этой битвы. А товарищи, которые с детства росли и учились вместе с ним, которые погибли в руках врагов – разве воспоминания об этом не будили лютую ярость в его душе? В такие моменты Омар не думал о своей жизни – в один день родился, в один день умрёт, – но он просто обязан до последнего защищать свою Родину от захватчиков. Этому мужеству его научил народ, который может из камня выжать воду, и Родина, которой он всегда воодушевлялся. С тех пор как началась война, его любимая жена, которая испытала столько несчастий, и сын Борис, скучающий по отцовскому теплу, – именно они вдохновляют его на беспрестанную борьбу с врагом. Мало ли говорили ему люди: береги своё здоровье, отдыхай, успокойся, ты исполнил долг перед Отечеством. Но Омар, смелость которого как полёт горного орла, не смотрел ни на чьи слова и даже если не мог работать в полную силу – никогда не отставал от косарей, да и в кошарах частенько появлялся.

...Омар, осторожно оглядываясь, тихо пробирался под забором навстречу немецкой разведке. На улице никого не было видно. В какой-то момент его догнал Магомет Сарбашев. Он настолько бесшумно подобрался к Омару и легонько прикоснулся к его спине, предупреждая о своём приходе, что даже напугал его. Омар и вовсе не ожидал, что Магомет так быстро вернётся с выполненным заданием. «Бог с тобой! Ты словно ласка, как успел в такой короткий срок?» – прошептал он в недоумении.

Перепрыгнув через старый потемневший от времени забор, парни спрятались в кукурузе. Проходящие мимо их не заметили бы в сумерках. Вечерело. С тех пор как скот вернулся с выпаса, прошло достаточно

много времени. Хорошо спрятавшись, они уже не уйдут отсюда. Вражеская разведка может пройти только здесь, а значит, это место идеально подходит для засады.

Тут повеял резкий ветер с Акъ Къая. Наверное, именно такой ветер называют «чертовским». В сердцах Омара и Магомета поселилось беспокойство. Сказать по правде, это бы любого озадачило. Ветер вихрем поднял пыль с дороги, закрутил так, что, казалось, унесёт крыши и кукурузу с поля.

– Если ветер и на покосе так бушует, то от сена в этом году толку не будет, – прошептал Омар. Магомет ничего не ответил, только пожал плечами.

Тут Магомет услышал отголоски речи немецких солдат и, локтем ткнув Омара, кивнул в их сторону, давая знак, что разведка идёт. Омар насторожился. Слова фашистов, как пули, жгли его сердце. Немало он слышал их на войне. В этой речи слышалась ему невыразимая горечь, жестокость, от неё веяло смертью. Это вдохновляло его на подвиг. Он не остановится ни перед чем в своей великой цели отомстить врагу.

– Магомет, ты давай потихоньку уйди отсюда, – сказал Омар. – Через огороды иди домой. Прошу тебя, не ввязывайся в беду.

– Что ты говоришь, Омар? Как я оставлю тебя тут одного? Нет, даже не повторяй! Не уйду!

– Смотри, кажется их много, в какую бы беду ни попали, они точно не побегут, сволочи! Ты не смотри на меня, не губи свою молодую душу. Слышишь меня?!

– Ничего не слышу и слышать не хочу! Кажется, это я по глупости навлек на твою голову беду. Если бы я не рассказал про приход немцев, ты бы ничего не знал, – отвечал Магомет.

Омар с добротой и благодарностью посмотрел в глаза парню, его радовало такое простодушие. В умилении протянув руку, ласково потрепал за щеку, потянул за ухо.

Наступил решающий момент. Шагов двадцать-тридцать отделяли фашистов от наших парней. Скорее всего, они получили достаточно сведений о положении дел в селе, иначе бы не шли так бодро, так самоуверенно по главной дороге. Смех врагов доносился до парней. Судя по настроению немцев, ещё немного – и они бы запели. Эта бессовестность ещё больше возмутила Омара. Он подобрался к дыре в заборе, которую сам же заранее проделал, прицелился в возглавлявшего отряд офицера. Магомет почему-то крепко зажмурил глаза. Заметив, что рука с пистолетом дрожит, Омар сильно вдавил локоть в забор, левой рукой помогая правой, резко нажал на курок. Немецкий офицер, взревев как дикий кабан, упал на землю. Солдаты тут же в панике забегали, засуетились, оставив своего офицера, повернули обратно.

Вдохнув глубоко, Омар сел на том же месте.

– А говорил, что немцы не повернут обратно! Ещё как сбежали! Да так, что пятки засверкали! – в восторге воскликнул Магомет.

– Что ж, пусть и у них будет плохой день.

Парни быстро пришли в себя и для страховки ещё несколько раз выстрелили вслед врагам. После чего оттащили тело офицера в кукурузу и, немного обсыпав землей, побежали что было сил домой.

Но странно, Омар пошел не к себе домой, а к Батоке. Мариям заметила первой, что на нём нет лица, сильно дрожат руки. Посадив перед собой, попыталась размять ему пальцы. Она хорошо знала, что, если повязка на лице Омара ослабнет, ему станет очень тяжело разговаривать. С мыслями сменить повязку она погрузилась в заботу о чистых бинтах и лекарствах. Но Омар, мягко взяв её за плечо, вернул обратно. Достав из кармана ручку с листком, написал: «Мариям, этой ночью мне нельзя оставаться в селе. Я убил офицера немецкой разведки. Не сегодня, так завтра они придут за мной. По моей вине можете пострадать и вы. Прошу ради Всевышнего Аллаха, сберегите Зайнаф и Бориса. Спрячьте их, а не то пострадают. Я буду сообщать о своём местоположении...»

* * *

На следующий день в селе раздались новые выстрелы. Сброшенные бомбы взрывались повсюду. В семействе Батоки Доттуева все только сели завтракать, как от разорвавшейся поблизости бомбы выбило окна в их доме, Мариям ранило осколком ногу, вынудив забыть обо всём. Увидев это, всполошилась её свекровь Фатимат. Что-то заставило Мариям подняться и, держась за стены, выйти во двор. Печальная картина ждала её за порогом дома: у калитки стояла группа фашистских солдат с заряженными автоматами, направленными в их сторону. Силы покинули Мариям, которая беспомощно упала во дворе, но в ту же секунду приподнялась из последних сил и, спасаясь от неминуемой смерти, поползла за дом. Кровь, что сочилась из раны на ноге, обагрляла родной двор. Увидев состояние женщины, один из солдат, взяв стерильную повязку, побежал было на помощь, но был пристрелен на месте. В Мариям тоже выстрелили, эта пуля до сих пор сидит меж её ребер. Она тут же упала на землю. Вдруг откуда-то появился Омар и, схватив её за плечо, быстро оттащил в сторону. Мариям до сих пор не понимает, как он там оказался в такой момент.

Омар быстренько лёг на землю у угла дома и приготовился к бою, прицеливаясь в немцев. Отстреливался, пока не закончились патроны. Заметив это, Мариям собравшись с силами, передала ему камень, который лежал недалеко от неё. Омар тут же бросил его в фашистов и попал одному прямо по челюсти. Тому стало не до перестрелки.

Отовсюду были слышны автоматные очереди. Перепуганные немцы опять сбежали.

Сидя на краю кукурузного поля рядом с Мариям, Омар глубоко вздохнул. Лицо его немного осветилось. Наверное, думал о том, что они в очередной раз спаслись от смерти. В какой-то момент из кукурузы, тяжело дыша, вылезла Земжан Макитова, напугав своим неожиданным появлением Омара и Мариям. Резко вскочив на ноги, Омар настороженно оглянулся.

– Что на этот раз случилось? Что за напасть такая? – быстро спросила Мариям, забыв о своих ранах.

Еле переводя дыхание, Земжан была не в состоянии дать столь же быстрый ответ. Отстегнув верхнюю пуговицу своего платья, она положила руку на грудь и с большим трудом пыталась восстановить дыхание. Подойдя к ней, Омар, кое-как выговаривая слова, спросил:

– Фашисты пришли? Они гнались за тобой?

– Нет, Омар, никто не гнался за мной. Фашисты сбежали по плоскогорью. Я прибежала, услышав вас, – ответила Земжан. – Омар, что ты стоишь?! Не видишь, что у Мариям из ноги кровь так и хлещет?!

Подняв раненую, Омар и Земжан отвели её в дом Буду, брата свёкра Мариям. Нигде нет спокойствия. Народ встревожен выстрелами и взрывами гранат. Все хотят сбежать даже из собственных домов. Домочадцы и Земжан ещё хлопотали вокруг Мариям, перевязывая её раны, когда рядом с их домом взорвалась очередная бомба, обволакивая всё чёрным туманом. Дом настолько сильно задрожал, что, казалось, всё обрушится внутрь. Стёкла лопались целиком. Окна, двери так и остались открытыми настежь.

Домашние бросились на улицу. Однако Омар не бросил Мариям. Пытаясь привести её в чувство, ласково гладит по голове и лицу. Даже если в одночасье дом обрушится на него, он ни за что не оставит Мариям. Только он собрался, взяв её на руки, выйти на улицу, как с плачем и криками в комнату вошла свекровь Мариям. Услышав её крики, за ней забежал Рахмат Жабелов. Увидев, что происходит, сказал: «Посадите Мариям мне на спину. И не пытайтесь возражать. Даже если я стар, сил у меня всё же больше, чем у Омара».

Все сельчане сбежали в верховья Кёнделена, в ущелье Юрдю. Рахмат собирался отнести Мариям туда. Но как ни старался, стиснув зубы, нести её, он не смог далеко утащить раненую женщину. Пройдя тридцать-сорок метров, просто остановился без сил, лицо его вспотело, дышит с трудом. Но и тут он нашел выход.

Положив Мариям на землю, чуть сторбившись и стараясь не слишком напрягать ноги, он быстро пошёл к дому. Ни Мариям, ни её свекровь, ни даже Омар не поняли, зачем он это сделал. Так и остались задумчиво стоять в нерешительности. Издалека видели, как народ в панике бежит в

сторону ущелья. Есть те, кто идёт, водрузив пожитки на ослов, погоняя коров, овец, а есть и такие, что взяли с собой только лежаки и котомки с едой – их большинство. Но никому нет дела до трёх людей, оставшихся беспомощно стоять посреди улицы. Вокруг даже не видно никого, кто бы им помог. Наверное, пока они приходили в себя и собирались в дорогу, все остальные успели убежать. Только вот мычание коров и лай собак не прекращаются. И земля, и камни будто сопереживают людскому горю, плачут вместе с ними. Никто не думал, что когда-нибудь придут и такие чёрные дни. Что неожиданно-негаданно придёт страшная беда.

С тех пор как ушел Рахмат, прошло достаточно много времени. Отчаявшись его ждать, начали думать, как быть. Крики раненой Мариям, наверное, разносились выше гор. Бедной женщине невыносимо было выдерживать боль от нанесённых ран. Всё тело у неё горит, в глазах поволока. Омар, увидев её такой, совсем забыл о себе. Потеряв всякую надежду, в замешательстве шагает туда-сюда. «Куда же делся этот непутёвый Магомед в такой день», – думает он. И правда, он же всё время неотлучно был рядом с Омаром со дня возвращения с войны. Он, не задумываясь, пошёл бы за ним и в огонь. Как никогда Омар нуждался в помощи Магомета в этот час. Но что поделать...

– Вон Рахмат идёт, – заметила свекровь Мариям.

Услышав это, даже раненая женщина перестала стонать. Печальное лицо Омара осветилось новой надеждой. Рахмат был не один. Взяв соседа в помощники, он несёт носилки и ослиный подседельник. Положив подседельник на носилки, уложили Мариям на них, подняли с двух сторон и понесли вверх по дороге. Из-за непрекращающихся выстрелов – шла перестрелка между нашими партизанами и фашистскими оккупантами – побоялись идти далеко и остановились у дома Жанмырзы Махиева. Подняв Мариям, быстро спустились в подвал его дома. Только там успокоились и почувствовали облегчение. Супруга Жанмырзы – Бислимат в спешке вышла и вернулась с куском белой кисеи, порвав на ленты, сделала из неё повязки. Раны Мариям тут же были перевязаны.

...Мариям хоть и пришла в себя, внутри у неё всё горело – невыносимая жажда просто замучила бедную женщину. В доме не было ни глоточка воды, и сходить за ней никто не решается. Пули над селом летают, словно молнии. Взяв в руки ведро, Омар направился было к реке Кёнделен, но остальные его не пустили.

– Оставь ты это, сынок, хватит тебе испытаний на сегодня, не суй свою голову в новую беду, – ворчала Бислимат, вцепившись ему в руку, так и не пустила на улицу. Через некоторое время она осторожно вышла и вернулась с полным передником абрикосов. Поев их, Мариям немного пришла в себя.

Хоть все и обнадёживали Омара, на сердце у него тревога: он услышал, что Зайнаф с сыном на руках вместе с соседями тоже ушла в Юрдю. Но где они остановились, до сих пор точно не знал. Ради Зайнаф он готов оставить этот мир. Даже если воспитание не позволяло ему это показывать, смысл жизни Омара – жена и сын, это он знает точно. А в мести фашистам, лишившим его общения с родными, он ничем не поступится, и это тоже было доподлинно известно. Это великая месть не только за себя, но и за товарищей, однополчан, погибших на этой жестокой войне. Очень много вещей и по сей день опаляют яростным огнём его многострадальное сердце. Иногда он считал, что лучше бы ему умереть, чем проводить время вот так, не имея возможности полноценно жить, есть, говорить. Но пока бьётся сердце, он должен бороться с врагом – осознание этого заставляет его забыть о своих несчастьях и жить дальше.

Люди, прятавшиеся в подвале дома Жанмырзы Махиева, понимали, что в селе нельзя оставаться долгое время, и на следующий день, положив Мариям на лестницу, двинулись к пещере Мусуковых. Мариям была очень плоха, так как для её ран не было никаких лекарств. Сама медсестра, она не могла теперь трезво мыслить и подсказывать остальным, что нужно делать. Услышав печальные новости о том, что дочка Исмаила Бичекуева скончалась от тяжёлых ран, все переполошились ещё больше. Но выхода никакого у них было...

Говорят, счастье человека всегда рядом с ним. В один вечер в пещеру пришли партизаны. Увидев, что состояние женщины значительно ухудшилось, один из них предложил посыпать на рану обычную соль.

– Ты что, не глупи, – возразил другой парень. – Посыпав на открытую рану соль, ты убить её хочешь? Мы должны незамедлительно найти доктора!

– Сделайте, как я говорю, – настаивал первый парень. – Я собственными глазами видел, как солью вылечивали раны.

– Мариям, а ты что думаешь? – спросили у раненой. – Ты же сама доктор, придумай что-нибудь!

– Что я могу сделать, если нет под рукой лекарств? Я и так умру, попробуйте, по крайней мере. Соль убьёт яд в ране.

Ох, мать моя! Когда на ещё кровоточащую рану сыпали соль, стоны Мариям могли растопить даже каменную вражескую душу! Её крики оглушали всё вокруг, эхом отзываясь от вершин Эльбруса! Но воспаление из её ран всё же ушло.

Эту ночь Мариям сладко спала, чувствуя себя настолько хорошо, будто заново родилась на свет. Через пару дней её отнесли в пещеру

Тапшин ¹, а там уже её вылечил и поставил на ноги старый военный врач, который не смог уйти с товарищами.

V

Немецкие оккупанты ещё долго не могли войти в село. Спустившись с Къарма къабакъ к подножию Акъ къая, они уже оттуда вели непрекращающийся огонь по селению. С тех пор как Омар напугал их, они не рисковали отправлять в село даже разведку. Благодаря этому и с помощью Омара Батырбиева, колхоз нашел возможность перевести значительное количество скота за горы. Немцы не прекращали поиски Омара, постоянно прочёсывали всю местность, разделившись на группы.

А Омар вместе с Магометом Сарбашевым живут на пастбище под названием «Начало пути ислама» среди родных и близких. И скот свой туда перевели. Так как Омар не смог бы сам заняться косьбой, другие косари взяли на себя его участок – заготовят сено и для него. Но, к чему врать, не все были рады его пребыванию на этом пастбище. Были и такие, кто, глядя ему в лицо, говорил: «Ты слишком свободно разгуливаешь здесь, если найдут тебя, то и нам не поздоровится».

Даже если эти слова обижали его, уйти он всё же не мог. Часто он уходил через Юрдю и, получив вести от Зайнаф и Бориса, встретившись с единственной сестрой Шамшият, позаботившись об их благополучии, всегда возвращался обратно, но совсем с этого пастбища не уходил. В один из таких дней Ахмат Атмурзаев, которого Омар очень любил (его жена родом из Атмурзаевых), напрямую сказал ему:

– Вчера несколько фашистских разведчиков приходили в верхние кошары, спрашивали о тебе. Не накликай беду, хотя бы днём скрывайся в другом, более укромном месте. Не губи ни себя, ни остальных. Послушай меня и прямо сейчас спускайся в нижнее ущелье.

Омар долго смотрел в глаза Ахмату. На лице его отражались то печаль, то задумчивость.

– Другого выхода нет, брат мой, – продолжил Ахмат. – Не стой, собирайся. Что-то беспокоит меня на сердце.

Видимо, Омар понял, что возражать бесполезно, и, даже не позаботившись о снаряжении или какой-либо утвари, низко опустив голову, просто ушел в направлении ущелья. За ним ушёл и Магомет.

Ахмат огорчился больше самого Омара. При мысли, что Омар мог неправильно его понять, он расстроился ещё больше. А вдруг он подумал: Ахмат, наверное, не за меня, а за свою душу переживает? Не успел Ахмат избавиться от этих мыслей, как из-за горы появились вооруженные до зубов солдаты и направились к кошаре. Все, кто там был,

¹ *Тапшин* – небольшое ущелье в с. Кёнделен.

беспокойно смотрели то на них, то вслед ушедшему Омару. Предположив, что фашисты всё же заметили его уход, Ахмат от страха не мог и пальцем пошевелить. Но, к счастью, парни быстро исчезли из виду, так что немцы уже никак не могли их увидеть. Успокоившись и сделав вид, будто ничего не происходит, косари встали в новый ряд.

Отряд фашистов настолько быстро приблизился к кошаре, что там не успели и глазом моргнуть. Угрожая винтовками и автоматами, людей заставили бросить косы и погнали всех к кошаре. Трое охраняли парней, остальные же обыскивали кошару. Один хотел поджечь солому, но ему почему-то не разрешили.

Шалаш Ахмата Атмурзаева был поставлен чуть в стороне. Если не подойти близко и не посмотреть пристально, то можно подумать, будто это всего лишь небольшая копна. Автомат и ружьё Омара были спрятаны там же, под соломой. Если фашисты сообразят и поищут там, то парням придётся худо. Поэтому так дрожал подбородок Ахмата. Он старался не подавать вида ни врагам, ни товарищам, но то, что в сердце его таится огромный страх, явно отражалось в его напряжённой позе.

«В один день рождаемся, в один день умираем, – думал про себя Ахмат. – Что поделаешь, сейчас многие погибают. Вдруг по моей вине пострадают Омар и друзья, вот за них-то и болит душа...»

Обыскав обе кошары и не обнаружив ничего, фашисты чуть не лопались от переполнявшей их злости, наперебой что-то крича на своём языке, беспорядочно оглядывались по сторонам. Один из них всё-таки направился к шалашу Ахмата. «Нам конец», – прошептал Ахмат друзьям.

– Что случилось? – насторожились парни.

Но немецкий офицер сначала закричал, а после, направив пистолет вверх, выстрелил, заставляя их замолчать. После его крика солдат, направлявшийся к шалашу, повернул обратно, после чего, погоняя впереди наших парней, немцы ушли обратно той же дорогой, которой пришли.

Парни – Атабек Атмурзаев, Ахмат, Мусса и Дюлляй Боташевы – идут, не замечая земли под ногами. Медлить, переговариваться возможности нет. Они не сомневались, что их ведут на смертную казнь. Больше всего их злит, что они погибнут на пустом месте, от собственной самоуверенности. Душа уходит в пятки, когда немцы подталкивают их в спины винтовками или автоматами. Пленники иногда краем глаза смотрят на Ахмата, ждут от него помощи. Но в этот час Ахмат им никак не может помочь, даже словом не может приободрить. Лишь об одном он горько сожалеет. Если бы Омар и Магомед были с ними, ни один из них не попал бы в руки врагов. Пока ружьё и автомат Омара заряжены, не подпустил бы к кошаре ни одного вражеского солдата. Перестрелял бы их,

не успели бы даже спуститься с горы. Но, что поделаться, сами виноваты, не успокоились, пока не прогнали Омара с Магометом.

Долго ли, мало ли шли, пленников вскоре пригнали в штаб. Проклятые немцы, как с цепи сорвавшись, набросились на наших парней. Один из них с перевязанной левой рукой, наверное, раненный в боях у Кёнделена, со страшным криком начал избивать их одной рукой. Подняв ногу, хотел было ударить и ногой, но, споткнувшись, чуть не упал своей мерзкой физиономией на нашу священную землю.

Как бы там ни было, офицер смог успокоить даже его. И всё же наши парни столкнулись с большой бедой. Они знают, что даже если их пристрелят прямо здесь, враг останется врагом. Но как пережить предательство человека, с которым ты ел, пил, работал, жил с рождения в одном селе и который сейчас стоит на стороне фашистов? Хотел бы я думать, что нет, а вдруг он станет спасителем измученных пленников, не стоит преждевременно отзываться о нём плохо, но как бы я ни старался переубедить себя, если бы даже им попались Омар и Магомет, он и тогда не проявил бы человечности.

– Среди них нет того, кого вы искали, – сказал предатель, когда фашисты подвели парней для опознания. – Вы совсем что-то обленились, раз упустили тех, кто уже был в ваших руках.

Бессовестный, не моргнув глазом смотрел он в лица своих односельчан, да ещё с таким высокомерием, будто считал себя выше их. Он жив и по сей день, не стыдясь, живёт среди людей. Нет, в родном селе жить он конечно не отважился. Не упоминаем его имени только из уважения к его родным и близким. Да и к тому же его никто не обвиняет в чрезмерной жестокости, предательстве, просто он жил как умел, точнее выживал. И это принято к сведению.

– Омара найти теперь будет не так-то просто, – добавил он. – Он может и в ушко иголки пролезть, такой уж он человек. А ради советской власти он ни перед матерью, ни перед отцом не отступит. Упустили вы его из рук, господин офицер.

И как будто того было недостаточно, не дожидаясь, когда его слова переведут на немецкий, знаками сам всё объяснил офицеру.

Офицер же начал хитрить. Подошёл к Ахмату, дотронулся до груди, погладил щеку и улыбнулся, открывая ряд белоснежных зубов. Но, несмотря на улыбку, от его змеиного лица веяло холодом. Через какое-то время переводчик донёс смысл его слов до пленников:

– Если бы такие парни, как вы, собрались с умом и стали бы на нашу сторону, мы бы с лёгкостью могли одолеть проклятых большевиков. Сколько ещё вы будете прислуживать русским и большевикам? Соберитесь с умом! Вместо того чтобы уничтожать большевиков, вы воюете с нами. С какими людьми мы распрощались на этой подлой земле! Если вы поможете поймать эту бродячую собаку, как его там звали? – спросил

у рядом стоящего солдата. – Если поможете поймать Омара, то, раздавая колхозный скот, мы вас щедро отблагодарим.

– Я только слышал, что он раненым вернулся с войны, на глаза он мне не попадался, – сказал Ахмат.

– Народ Великой Германии ненавидит лжецов. Таким, бывает, мы и языки отрезаем. Этой ночью Омар оставался в вашей кошаре.

И оглянувшись, уточнил у своих солдат: «Ведь так?»

– Всё так, не прошло и часа, как Омар появился на их кошаре.

– Что теперь ты скажешь, парень? – разозлился офицер. – Мы не из тех, кого так легко можно обмануть. Мы можем и по-хорошему, и по-плохому с вами обойтись.

– Господин офицер, ты прислушиваешься к словам этого бессовестного человека, а нас считаешь лжецами. Он наш односельчанин, за всю жизнь от него никто не слышал хорошего слова, ни одного хорошего дела не видел.

– Говори-говори, кажется, ты на что-то рассчитываешь. Мы лучше твоего отца знаем этого человека. Если скажешь ещё одно слово, порочащее его имя, размажу тебя по той рыжей горе!

Осознав, что враг ни перед чем не остановится, пленники бесшумно стоят, беспомощно прижимаясь друг к другу. Ахмат краем глаза осматривает местность. Здесь нет ни одной выбоины, даже кочки, которую бы он не знал. И лес, и каждый камень он знает очень хорошо. Так почему бы не устроить тёмную этим нелюдям, перестав дрожать перед ними от страха? Вроде, их и не так много. «Но вот вооружение у них что надо», – думал он про себя. Ахмат настолько был погружен в свои мысли, что даже не сразу понял, о чём говорит переводчик. Этот его безучастный вид задел офицера. Направляя каждому пленнику в лицо пистолет, он закричал:

– Ничего мы не сможем объяснить этим дикарям. Уберите их с глаз долой!

Фашисты под дулами автоматов повели их в сторону леса.

– Стойте! – крикнул опять офицер. – Освободите их сейчас же. Если в короткий срок не доложат о месте пребывания Омара, на виселицу попадут они вместо него, и это тоже хорошенько объясните им. Мне без разницы: собаки не делятся только на чёрных и пёстрых.

Когда группа Ахмата вернулась на кошару, никакого душевного спокойствия у них не оставалось. Но даже если фашисты прямо сейчас придут их убивать, они ни за что не расскажут о местопребывании Омара. Но и умирать бестолково, без какой-либо пользы им не хотелось. Посоветовавшись, решили найти партизан и рассказать им о положении дел.

Но где их найти? Даже Омар не смог их разыскать. Потом ещё подумали найти Омара и действовать с ним сообща. Но, предположив, что, возможно, за ними приставили слежку, отбросили и эту идею.

Тут Атабек заметил, как у спуска в глубокое ущелье из кустов кто-то машет им рукой. Шепнул об этом Ахмату. Ахмат, резко вскочив, направился было в ту сторону, но Атабек схватил его за локоть и остановил.

– Нет, скорее всего, это Омар. Пойду, разузнаю, что к чему.

– Оставь, сделай как я говорю, не к добру всё это. А вдруг это тот, на которого ты разозлился рядом с немцами. Позовёт тебя и нападёт неожиданно, что тогда будешь делать? – настаивал на своём Атабек.

– Атабек, нам теперь и его бояться? Даже не сомневайся в том, что сейчас его сердце бьётся намного быстрее нашего. Ночью не будет спать, будь уверен.

– Ох, зря ты злишься, сейчас такое время – никто ни перед кем не будет отчитываться. Достоинство человека ценится ниже достоинства курицы.

В ту же минуту Ахмат быстрым шагом ушёл оттуда. Подойдя к густым кустам, он присел и стал невидимым для своих товарищей.

– Откуда вы появились? Исчезните отсюда, – сказал он Омару и Магомету. – Вас везде ищут, попадёте к ним в руки – не пощадят. С ними человек, который докладывает о каждом вашем шаге.

– Знаем. Мы ещё ему устроим...

– Если враг возьмет наше село, еда нам будет не впрок, – сказал Омар, левой рукой поправляя повязку, подпирающую челюсть, видать, рана причиняла несчастному невыносимую боль, судя по тому, как он весь съежился и быстро-быстро заморгал. – Всевышний не простит нас, если мы, боясь за свои жизни, отступим перед врагом.

– Омар, с тех пор как мы спаслись от рук фашистов, не прошло даже часа.

– Знаем, мы следили за вами. Как вас увели, мы пошли в кошару, но ни автоматов, ни ружей там не нашли. А без них что мы могли сделать врагу?

– Ваше оружие в моём шалаше, в соломе. Но сколько бы у нас ни было оружия, пять-шесть человек ничего не смогут против врага.

– Не говори так, мы их пару раз всего припугнули, а они с тех пор только и могут, что издалека точить зуб на нас, так и не осмелились зайти в село. Надо было хорошенько обследовать место, где остановились эти собаки. Сколько человек, оружия...

– Я внимательно всё осмотрел, – ответил Ахмат. – Не могу сказать, что у них очень много людей, но вот оружия, пулемётов немало. Конечно, издалека мы мало что могли увидеть. Наверное, посчитали нас за придурков, уж слишком свободно они там разгуливали. А, ещё на пригорке у них установлены гранатомёты.

– Не позднее сегодняшнего вечера мы должны найти партизан. К счастью, говорят, основную часть колхозного скота перевели за горы, – говорит Омар. – В первый же день нападения фашистов всё наше имущество осталось бы в их распоряжении.

– Да-а, и мы на что-то сгодились, – радовался Магомет.

– Хвастун! – пожурил его Омар. Ахмат улыбнувшись, похлопал Магомета по плечу.

Магомет засмутился и, протерев запотевшую переносицу, не поднимая глаз, обратился:

– Омар, если разрешишь, я бы хотел спуститься в село. Я слышал, что несколько партизан занимаются перевозкой колхозного имущества. А ещё слышал, что некоторые в Юрдю общаются с народом, обнадеживая и поддерживая их.

– Было бы лучше нам всем объединиться и погнать фашистов к Къарма Къабакъ, вместе мы бы справились с этим, – ответил Омар. – Ахмат, вы тоже должны уйти отсюда, а не то вас не оставят в покое. Тем более, они ясно дали понять, что собираются с вами сделать...

– Как бы мы в спешке ни накликали на себя и остальных новую беду. У нас совсем мало оружия.

– Ахмат, если мы внезапно окружим врага и обстреляем со всех сторон, то застанем их врасплох. И без того перепуганные фашисты ходят по нашим лесам и горам, им и так не по себе. Поверь, они сейчас намного больше нашего боятся.

– Ахмат, а кто это выглядывает из-за горы? – спросил Магомет.

Парни настороженно посмотрели в ту сторону.

– Ложитесь на землю, ни в коем случае не двигайтесь, – перепугался Ахмат. – Он приставлен следить за нами. Омар, кажется ты прав, не будет нам покоя. Не стоит нам тут оставаться, даже если весь наш скот будет голодать зимой. Придется нам спуститься в Юрдю, будем ближе к людям. Клянусь Аллахом, он спускается сюда! Видать, заметил, что осталось три человека, идёт спросить, где же четвёртый.

– Может, выйдешь к товарищам, – предложил Омар. – Отряхнись, сделай вид, будто справлял нужду.

– Упаси Аллах, если он поймёт, что вы здесь, он обрушит на наши головы всех фашистов.

– Не покажешься – будет еще хуже...

Омар настолько был зол, что у него дрожали руки. Видимо, Ахмат прислушался к словам Омара, вышел из кустов, сделал вид, будто поправляет штаны и издали крикнул товарищам:

– Вставайте, хватит прохлаждаться. Берите косы в руки.

Человек, который спускался со склона, увидев Ахмата, тут же сменил направление и быстро исчез из виду. Так они и не узнали, кто это был, расстояние между ними было большим.

Когда Атабек поднялся и, взяв косу, встал в новый ряд, остальные выстроились за ним. Никто так ничего и не спросил у Ахмата.

Народ настолько уже привык к звукам пуль и разрывающихся гранат, к непрекращающемуся перекрёстному огню между немцами и партизанами, что не особо обращал внимание на происходящее. Даже когда бомбардировщик пролетал с жутким воем над селом, взрослые и дети с задранными кверху головами просто смотрели ему вслед, никто особо не боялся. Но не напрасно говорят: ребенок помнит все, что когда-либо видел. В один из дней сброшенная бомба упала рядом с домом Батырбия Шаваева, и всё вокруг заволочло чёрным туманом. Скорее всего, летчики целились в большую мечеть с железной крышей.

– Фашистский самолёт обязательно вернётся обратно, – сетовали женщины. – Давайте, не стойте, спасайтесь в окопах огорода Татты.

Уже в доме женщины взяли под руки двух стариков – Батырбия и его жену Абидат, дочь Созая Хочуева, и, поторапливая нас, детей, отвели всех в огород, к окопам. После того как мы все оказались в окопе и пытались спустить Батырбия, раздался рёв подлетающего самолета, а затем взрывы сброшенных рядом с мечетью бомб. Осколком ранило в бедро бедного Батырбия, он завыл от боли. Нижняя рубашка его тут же обагрилась кровью. Но столетний старик не подал виду:

– Не переживайте, видимо, неглубоко зашла, я не особо почувствовал, да и не болит уже.

Но бабушка наша так не думала, она даже проронила: «В каком же дурном месте тебя потеряем в таком преклонном возрасте». Люди засмеялись, а она, замолчав на какое-то время, желая повернуть разговор в другое русло, сказала:

– Люди, слушайте, почему наш Омар позволяет этим душегубам играть нашими жизнями? Вы же говорили, что он всех их поубивал?

– Ой, дочь Хочуевых, пусть Аллах уготовит тебе место в раю, – ответил Батырбий. – Как Омар в одиночку справится с врагом, с которым не может справиться целое государство?

– А ты прямо дурочкой какой-то меня выставил. Я же не говорю, что Омар, уехав на фронт, ходил по всей России, убивая немцев, но напугать тех, кто пришёл к нам, он же вполне способен.

Спор стариков прервал шум приближающегося самолета. В этот раз земля дрожала настолько сильно, что мы даже подумали, не провалимся ли под землю. Позже, когда уже вернулись домой, мы увидели, что двери и окна нараспашку, стекла в окнах разбиты, покрывала на кроватях догорают, а кукурузный хлеб на печи уже превратился в уголь.

Даже после возвращения домой бабушка продолжала обижаться на деда. Вскоре сосед приехал на телеге, запряженной быками, посадил нас и увёз в ущелье Юрдю, в пещеру «Суу акъгъан»¹. Там мы хоть отдохнули от звуков перестрелки и взрывающихся бомб.

Ахмат и его друзья ушли из кошары «Ислам жол башы», предварительно запутав следы. С Омаром они не встречались. Не из страха быть пойманными, а просто потому, что не знали о местоположении друг друга. Омар никак не мог простить презренных изменников, перешедших на сторону врага предателей. Даже если погибнет в тот же день, он должен отомстить противнику. Вот поэтому они с Магометом, прижав автоматы к груди, среди ночи идут к кошаре «Начало пути ислама», где располагался штаб фашистов.

Вот как Омар объяснил суть этой вылазки своему товарищу:

– Если мы захватим одного из них, они подумают, что кругом одни партизаны, и станут беспомощными. После этого у них будет два выхода: либо сбежать, либо прекратить нападения на село. Если всё так и будет, те, кто предаёт нас, наверняка тоже одумаются.

– Омар, а мы не погибнем тут бессмысленно? – спросил Магомет.

– Магомет, мы ни от кого не ищем и не ждём похвалы. В то время как враг держит нас за горло, от кого мы должны ждать благодарности?! Не время уступать, жалеть кого-то. Либо убить, либо умереть. Других вариантов нет.

Магомет пожалел, что так малодушно говорил. Возможно, он это сказал не из страха, а предлагая действовать, обдумав всё ещё лучше.

Омар, присев на траву, долгое время хранил молчание. В этот момент, чтобы угодить ему, Магомет готов был войти в огонь. То, что Омар продолжал молчать, ещё больше огорчило Магомета.

– Омар, не печалься. Я тут подумал, ты совершенно прав, – сказал он вполголоса. – Не переживай, я в мгновение ока выполню твоё поручение.

После этого Омар резко вскочил и, тяжело вздохнув, заговорил:

– Если мы здесь проявим малодушие, парни, которые проливают кровь на фронтах Отечественной войны, нас не простят! Погибшие и те, кто вернутся живыми – не простят. Поверь, Магомет, со мной будь что будет, но я очень переживаю за то, что втянул тебя в это дело. Будь осторожен, ты должен прожить долгую жизнь, – и Омар правой рукой потянулся к плечу Магомета.

...Парни размеренно шагают вперед. Впереди идёт Омар. Он и до этого много раз брал в плен врагов. Старший лейтенант Омар Батырбиев

¹ Суу акъгъан – название пещеры «Спадающая вода».

частенько один выполнял самые сложные, самые опасные задания. На Украине Омару с немногочисленным личным составом пришлось освободить село от немцев. Немцы так мощно отстреливались из дзотов, что можно было подумать – идёт град. В нашем войске были парни, готовые собственной грудью закрывать огонь из дзотов. Но Омар не стал отправлять их на верную смерть. Под покровом ночи, взяв двоих в напарники, он исчез в захваченном противником селе. Прошло менее часа между тем, как они ушли и вернулись уже с пленником.

После этого, тщательно разузнав обстановку, они напали на дзот. Правда и то, что Омар ползком на животе подобрался к дзоту с неожиданной стороны и, закидав гранатами, поднял его на воздух. Потом уже в бой вступили основные войска, показав всю свою мощь.

В честь этой победы Омар Батырбиев был награжден именованным маузером. А друзья нарекли его «Орлом кавказских гор».

И сегодня Омар, в мельчайших подробностях знающий родную местность, более чем уверен в успехе операции. Он уверен в себе. «Пусть они боятся, а мне нечего бояться, – думает он. – Это они принесли смерть на мою землю, в моё село. Это они проливают кровь на чужой земле. Пусть они боятся и людей, и Всевышнего Аллаха. Почему я должен бояться этих убийц?!»

Услышав голоса, парни, дотронувшись друг до друга, остановились. Омар присел, Магомет за ним. Наверное, там была землянка, в мерцающем свете виднелось, как солдаты то исчезают, то появляются на поверхности. Немцы обеспокоены чем-то. Парни также заметили силуэты в темноте. «Да-а, если мы сейчас присоединимся к тем, кто стоит в темноте, нас никто не узнает, – прошептал Омар. – Да покарает их Аллах, они явно чем-то озадачены».

Тут же Магомет, не спрашивая Омара, двинулся вверх через заросли. Омар, догнав его, остановил, потянув за рукав. «Успокойся, – прошептал он, кое-как выговаривая слова. – Мы должны идти вместе. Спустимся в ущелье и, поравнявшись с ними, засядем в кустах, оттуда уже будем следить».

– Если будем залезать в кусты, без шума не обойдёмся, – возразил Магомет. – Давай лучше поползем через покосные уголья к месту, где стоят тёмные силуэты. Видишь, они то появляются, то исчезают.

– Подожди. Успокойся, – сказал Омар. Потом, потянувшись, сорвал травинку, долго с ней забавлялся. – Ты прав. Подберемся к ним поближе и лёжа будем выжидать. Только смотри, не спеши.

Так они и сделали. В трёх-четырёх местах в землю были вкопаны пушки, обращенные в сторону Кёнделена. Рядом с ними стояли по нескольку человек. У пушки поближе к нашим бойцам стоят только двое. Один из них болтает, не закрывая рта. Второй, облокотившись на пушку, молчит. В руках у них автоматы. Болтун через какое-то время

отошел от пушки и побрёл в сторону Омара. Проклятый разбойник шёл прямо на них. Вдруг он, обнаружив их, закричит и поднимет всех на ноги? Если с благословения Аллаха они успеют его обезвредить и заткнуть рот, было бы замечательно. Времени на рассуждения совсем не осталось. И Омар, и Магомет замерли, затаив дыхание. А фашист продолжает идти в их сторону. Через пять-шесть шагов уже уткнется в них... Но остановился и, посвистывая, начал справлять нужду. Чуть не намочив при этом Омара.

В ту же секунду Магомет, словно коршун, набросился на немца и, собрав всю силу, постарался затолкать свою шапку ему в рот. Омар тут же вцепился в горло врага. Положив его на спину, связали руки сзади, заткнули рот кляпом. После Омар протянул автомат немца Магомету и в том же положении потащил к дороге. А там, уже подняв на ноги, взяли под руки, и повели вниз. Когда они уже значительно отошли от немецкого штаба, дорогу им преградили партизаны, чуть не напав на них.

– Стой, кто идёт?! – спросили на русском языке.

– Это мы, – ответил Магомет.

– Стоять! Не двигаться, а не то пристрелим! Представьтесь!

– Омар и я, – еле проговорил Магомет.

Омар тоже шагнул к солдатам. Но автоматная очередь чуть не убила его, отпрыгнув назад, он тоже вцепился в ружье. Это настолько разозлило его, что готов был нажать на курок и выстрелить в ответ. Но бывалый офицер не стал горячиться. Подойдя поближе к Магомету, прошептал: «Скажи: мы партизаны. Взяли в плен немецкого солдата. Дайте нам подойти ближе». Немного замешкавшись, Магомет всё же повторил это на русском.

– Подойдите кто-нибудь один, – услышали они.

После того как Магомет подошёл к ним и объяснил суть дела, партизаны, поблагодарив их, забрали пленника и ушли в ночь.

VI

Враг захватил Кёнделен. Эта беда для «Красного Кёнделена» была сравнима с тем, чтобы мёртвыми войти в землю. Никто не вечен, но боль от того, как фашисты топтали родные поля, была невыносима. Какой позор!

Эти мысли вконец измучили Омара, заставив забыть даже о своем существовании. Он хорошо понимал, что, если он присоединится к партизанам и будет издали смотреть на врагов, толку будет мало. Но, даже если бы и захотел присоединиться, напарником ему мало кто станет, ведь Омар – инвалид первой группы. Все считают, что он станет обузой для них. Вот почему на этой войне он должен стараться, как никто другой. Он должен доказать это и тем, кто пытался его унижить.

– Омар, тебе стоит держаться подальше, пока эти убийцы здесь, – сказал Батока незаметно пробравшемуся к дому и спрятавшемуся в кукурузе Омару. – Не губи своих родных, не рискуй жизнью.

– Батока, если мы все будем прятаться в пещерах, не слишком ли спокойно будут жить фашисты на нашей земле?

– Один ты ничего не сможешь сделать. Нужно единство.

– Не могу забыть тех, кто погиб на войне, и спокойно смотреть, как эти нелюди тут развлекаются!

– Не губи ни себя, ни своих людей. Послушай меня.

...И вновь он призвал Магомета к себе в напарники. Ночами пробираясь по горам и лесам, дошли до местечка «Суу кьошулгъан»¹ и спрятались там в потайной пещере. Но Омар вовсе не намерен в ней отсиживаться. Через кого-нибудь (а там есть и пастухи, и скотники) собирается встретиться с партизанами. Но когда Омар услышал, что его дом окружен фашистами, а над беременной женой учинили допрос, чтобы выяснить местопребывание мужа, в глазах у него потемнело. Эту весть принесла его единственная сестра Шамшият. О нахождении брата знала только она и она же в последнее время по бездорожью носила ему еду.

– Не бойся, Омара никто не тронет, – говорили фашисты Зайнаф. – Он уже испытал все тяготы войны. Из-за того, что он из злости пристрелил одного солдата, мы, конечно же, не будем ему мстить.

– Так если он вам не нужен, если вы его даже за человека не считаете, зачем вы его ищете? – ответила Зайнаф, облизывая пересохшие губы.

– Мы будем помогать бедным и слабым. Теперь вы избавились от советского гнёта, земля, живность – всё теперь ваше. Пусть и Омар уже вернётся домой, вот о чём мы говорим.

– Спасибо за переживания о нас, но, видит Аллах, о том, где он, рассказать не могу.

– Почему?

– Не знаю, вот почему.

Вернувшись на следующий день, они учинили уже совсем другой допрос над несчастной Зайнаф.

– Если Омар немедленно не вернётся домой, мы вспорем твой живот, вытащим ребёнка и скормим его собакам! А этого щенка, твоего сына, подвесим за ноги и будем ждать, пока не умрёт!

У Зайнаф закрутило в животе. Но она ничем не выдала свой страх. Подняла голову, грустным взглядом посмотрела каждому стоящему напротив солдату в глаза по очереди. И взяв за руку играющего с камешком Бориса, прижала к себе.

– И тебя, и сына запрём в этом доме и подожжём, чтобы ваши крики слышал Омар!

¹ Суу кьошулгъан – исток двух родников.

Она осознавала, в какую беду попала, но ни слова не вымолвила. Опять Зайнаф грустными глазами оглядывает всё вокруг, ищет помощи. Но нет вокруг ни единой души, способной утешить её. Все в своих заботах, на улице, даже в округе никого не видно.

– У меня тоже есть к вам вопрос, – промолвила Зайнаф, посмотрев в сторону переводчика.

– Пусть спрашивает, – ответил офицер.

– Вы пришли на чужую землю, в чужой дом, так какое вам дело до того, кто чем занят, как живёт и где находится?! Не хватает этого, так вы ещё будете бесконечно пугать нас, нападать и захватывать в плен невинных?

– Ты змея, проглотившая лягушку змея! – сказал офицер после того, как ему перевели слова Зайнаф. – Я заставлю тебя сожалеть о сказанных сегодня словах. Великая Германия начала войну, чтобы очистить землю от яда коммунизма! Только ради этого мы пожертвовали выдающимися людьми нашей страны. Потратили имущество, на которое можно было бы содержать сто лет такую нищую страну, как ваша. А тех, кто не понимает наших благих намерений, мы не прощаем так просто. Чем меньше будет на земле таких собак, как вы, тем легче будет жить нам.

Зайнаф даже ухом не повела на все эти пустые разговоры немца. Развернуться и уйти тоже не решилась. Не проронив ни слова, продолжила стоять.

– Ты совсем не хочешь нам помогать? Мы найдём твоего муженька-кровопийцу и вас обоих где-нибудь повесим, отправим на тот свет. Ты поняла?! – не выдержал офицер.

С тех пор как ушла Шамшият, у Омара сна ни в одном глазу. Что-то слишком долго её нет, обычно она так долго не задерживается. Если не через день, то через два она точно приходила.

«Наверное, попала в руки фашистов, – думал Омар. – Неужели и эта несчастная пострадает из-за меня...»

И без того, с тех пор как услышал, что забрали Земжан Макитову, обвинив в помощи Омару, он живёт в постоянной тревоге. Пропади они пропадом, да ещё и задержали Земжан в ночь заключения брака.

...В селении Кёнделен все подросшие мальчики собираются и проходят курсы молодого бойца. Быстрый, как сокол, и ловкий, как ласка, Омар, который и в скачках себе проявлял очень хорошо, преуспевал и в этом деле. Ахмат Хочуев, Добай Улаков, Ахмат Саубаров – эти парни тоже никогда не опозорят лицо народа. Но Омар был известен как самый шустрый, самый бесстрашный парень. Наверное, у многих кёнделенцев сохранилось в памяти, как весь народ собирался посмотреть на зрелища, когда карачаевцы, командиры отряда офицеры Гагиев и Гогуев

проводили скачки у Дома советов, на берегу реки Кёнделен. Омар тогда служил в 126-м полку 28-й казачьей конной дивизии. Учения они проводили в основном в Кёнделене, а летом в Майкопе, Армавире. Взвод, которым командовал лейтенант Гагиев, в течение четырёх лет был на первом месте среди других отделений, проходивших военное обучение. Был такой элемент тренировки – наши парни скакали во всю прыть на конях, вдруг что-то кричали и резко натягивали поводья, а когда кони послушно опускались на землю, парни, лёжа рядом с ними, открывали огонь по врагам.

В сороковых годах, перед началом войны, для участия в праздновании Великой Октябрьской революции из отряда Омара призвали несколько человек. Все парни были достойными, но выбрали всё же Омара Батырбиева.

– Мы были на праздновании в Москве, у нас и военная форма уже была, готовились чуть ниже Красной площади, – вспоминал Омар по возвращении. – Как-то в один из таких дней посмотреть на нас пришли Сталин, Ворошилов, Калинин и еще несколько вождей.

Когда подошло время и началась демонстрация, все замороженно смотрели на трюки, которые Омар проделывал в седле. В тот же день Сталин позвал его к себе и, расспросив обо всём, сделал с ним совместную фотографию. С ними были и Ворошилов, Буденный, Калинин. Эта фотография потерялась во время переселения. Некоторые из тех, кто её видел, а их было много, живы до сих пор.

...Прижав голову к холодной скале, Омар вспоминал счастливые годы, проведённые в училище.

Как только началась война, Омара, Махмуда Балаева (не вернулся с войны) и Ахмата Хочуева отправили на обучение в Орджоникидзе, в военное училище. Там они встретили Адильгерия Соттаева. Все они закончили учебную программу раньше положенного срока. За счёт высшего образования Адильгерию дали звание старшего лейтенанта, а остальным – младшего лейтенанта. Какое счастье было это для парней! Да и на следующий день, когда они отправились в Москву на празднества, это состояние безмятежного счастья и гордости собой только росло.

Безмятежные дни остались только в воспоминаниях Омара. Теперь уже не вернёшь ни потерянного здоровья, ни погибших на войне товарищей. Но пусть никто не плачет над его могилой, если он увидит родное село и землю освобожденными от фашистских захватчиков.

– Омар, не обессудь, но в моём сердце поселилась большая тревога, – говорит Магомет. – Куда пропала Шамшият? Что бы там ни было, она рассказала бы нам о происходящем в селе.

– Да кто ж его знает. Боюсь, она всё же попалась в руки фашистов. Сгруппировали мы с тобой, надо было всех родных и близких увести подальше от села. Мы-то в бегах спасаем свои головы, а они в любой момент могут попасть под расстрел. Я прекрасно знаю, на что способны эти душегубы.

– Клянусь, не к добру это долгое отсутствие Шамшият, – добавил Магомет.

Беспокойство парней было неспроста. Шамшият тоже вызывали на допрос, но, не получив нужного ответа, фашисты решили действовать иначе. После того как они установили, что именно Шамшият всё время носила еду Омару, приставили к ней круглосуточную слежку. О чём ей незамедлительно сообщили сердобольные люди. Вот именно поэтому, хоть оба глаза Шамшият на улице, а все мысли о брате, идти к нему в пещеру она всё же не решается.

В один из дней домой вернулся сельский мальчишка, который вместе со своим престарелым отцом присматривал за скотом на дальней кошаре. Взяв необходимую провизию, он собирался обратно, когда Шамшият позвала его в соседний дом, научив, как пройти к пещере Омара, передала еду, лекарства и бинты и попросила рассказать о состоянии дел в селе. К счастью, мальчишка успешно выполнил её просьбу. После этой новости наполненное тревогами сестринское сердце, наконец, нашло своё успокоение.

Но это спокойствие длилось недолго. Необходимо было немедленно перевести Омара в другое место. Не только село, но и горы, леса, даже камни оказались в руках захватчиков. Конечно, если бы партизаны знали о месте пребывания беглецов, спасли бы их. Но кому могла рассказать об этом Шамшият? Фашисты пристально следят за её домом и домом Омара. Даже маленькие дети не уходят от них без допроса.

В Кёнделене довольно много домов, за которыми и днём и ночью ведётся слежка. Многие попались в лапы этих извергов.

По ночам Омар с Магометом ходят по соседним кошарам, готовят себе еду. Но осознание того, что они ничем не могут помочь ни своим родным, ни задержанным, а только отсиживаются в пещере, убивало их, сжигало изнутри. Одной ночью они нашли того мальчишку, что приносил им еду, и попросили сходить за новостями в село. Теперь, с благословения Всевышнего, с рассветом они спустятся вниз. Как же невыносимо для них это ожидание!

Не успел мальчишка дойти до села, как пришла сама Шамшият. Сменив одежду, распустив и взлохматив волосы, села в телегу соседского старичка и ранним утром выехала из Кёнделена. Объяснив, что дорога через Юрдю заминирована, старик повёл своих быков через реку. Прямо на середине реки телега застряла и начала тонуть. Оба, и Шамшият и старик, приложив все усилия, кое-как вытащили её на берег.

– Тысячу раз слава Аллаху! – воскликнул старик. – Спаслись! Это хороший знак, значит дорога будет.

– Что поделаешь, несчастные, мы все в руках Всевышнего, – ответила Шамшият. – Сейчас такое время, что не осмеливаешься даже просить у судьбы блага для себя.

– Шамшият, так на какой всё-таки кошаре твоя скотинка? – спросил старик.

Опасаясь того, что тайна выйдет наружу, женщина ощутила, как у неё задрожали колени. Она прекрасно знала, что даже если расскажет ему истинную цель своей поездки, вреда от старика не будет, но всё же ей было очень стыдно признаваться во лжи.

– Ну ладно, бедняжка, пусть имущество и скот пойдут тебе во благо, – отмахнулся старик, не углубляясь в разговор. Скорее всего, он тоже был в курсе того, куда так часто уходила Шамшият.

Не доехав до обозначенного места, она слезла с телеги и, подождав, пока старик отъедет достаточно далеко, по нехоженным тропам пошла вверх через лес. Сердце выпрыгивало из груди, настолько она была осторожна. Что врать, она в ту же секунду пожалела о том, что вышла сегодня в дорогу. И всё же, с каждым шагом приближаясь к пещере, очень радовалась скорой встрече с братом. А когда, оглядываясь вокруг, не замечала ничего подозрительного, радовалась ещё больше. Но её радость скоро перешла в плач и стенания.

Только Шамшият добралась до пещеры, как из леса выскочили двое, молниеносно окружив Шамшият и направив дула автоматов ей в спину и грудь. Объяснили по-хорошему – Омар и Магомет должны без глупостей выйти из пещеры, оставив там оружие, иначе никому не уйти живым.

– Омар, не переживай обо мне! Ни в коем случае не попадайся этим гадам! – вскричала Шамшият.

Когда он увидел свою единственную сестру под дулами автоматом, его прошиб холодный пот, отказали руки и ноги. В глазах начало двоиться. Вскинув ружьё, он выстрелил в небо. Немцы даже глазом не моргнули. Эти собаки прекрасно знали, что, опасаясь за жизнь сестры, он не будет стрелять в них.

– Омар, хватить дурить головы и нам и себе, выходи уже! – закричал один из них. – А нет, так сначала мы расстреляем твою сестру, а затем похороним тебя в этой пещере.

– Не верь им, Омар! – причитала Шамшият.

Закрутив ей руки, заставили её кричать. Тут же пули просвистели возле их ушей, а бедная Шамшият чуть не упала. Проклятые фашисты так крепко вцепились в неё, что, хоть и пошатнулась, но всё же устояла.

– Я выйду, только освободите мою сестру! – раздалось из пещеры.

– Обещаем, как только выйдешь, отпустим её на все четыре стороны.

– Ох ты мать моя! Что ты делаешь, Омар? – рыдала Шамшият. – Лучше пусть убьют меня, спасайся сам!

Омар выбросил ружьё из пещеры, следом выкинул автомат. Затем вышел и сам, но рук не поднял. Точно так же поступил и Магомет...

Имена Батырбиева Омара Жарашевича и Сарбашева Магомета Куташевича – в списке 700 славных сынов Кёнделена, погибших в ожесточённых боях с фашистской Германией. Они долго ещё будут жить в памяти многих поколений.

VII

В средней школе селения Лашкута закончились очередные уроки у Лизы Омаровны Батырбиевой (она родилась после смерти отца). Дети не спешат расходиться. Готовятся к праздничному вечеру в честь 23-го февраля. Девочка, бывшая постоянной запевалой, вышла к доске и начала исполнять песню Иссы Боташева об Омаре Батырбиеве, приглашая весь класс присоединиться. Тайком вытирая непрошеные слёзы и не имея возможности рассказать детям свою горькую тайну, еле переводя дыхание, беспомощно смотрит в окно Лиза Омаровна. В такие моменты она вспоминает свою мать Зайнаф, так рано ушедшую из этого мира.

Невестка Омара, Фатимат, которая работает учителем в этой же школе, внуки Зарема и Аминат, услышав эту песню, конечно же, расстраиваются, но вместе с тем их сердца наполняются гордостью.

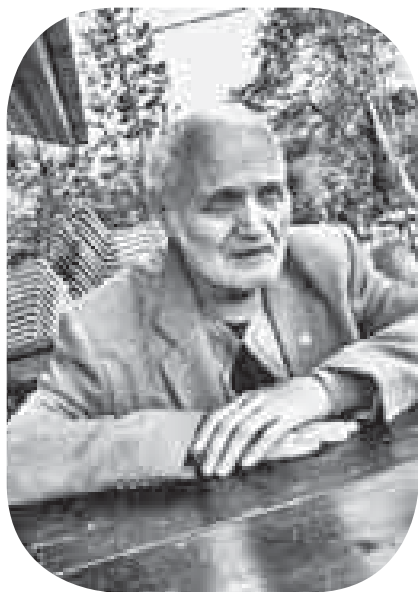
В Кёнделене, при входе на кладбище, расположенное в районе Ажокъя¹, установлен памятник Омару Батырбиеву. Надпись на камне привлекает особое внимание: 1917–1943 гг. Годы жизни великого героя.

Борис, тогда он был директором совхоза «Эльбрус», бывая в Кёнделене, всегда ходил к могиле отца на поклон. Как-то раз, приехав на похороны почившего, он по обыкновению прошёл к могиле отца. Преклонившись, мягко-мягко гладит надгробие, боясь невзначай потревожить его, слишком сильно надавив.

Тут к нему подошёл почтенный старец и сказал:

– Сынок, я и по сей день не могу поверить в смерть Омара. Мне кажется, что он всё ещё жив, что это надгробие установлено живому человеку. Иногда даже считаю непристойным читать молитвы за упокой его души.

¹ *Ажокъя* – название местности в с. Кёнделен.

*Анатолий ПАРПАРА,
заслуженный работник культуры России,
лауреат Государственной премии России,
председатель Международного фонда
имени М. Ю. Лермонтова*

ПАРПАРИЗМЫ

Миниатюры

Для чего человеку дан разум? Для того, чтобы не все мысли, выработанные двумя полушариями мозга, обнародовались.

Стихи рождаются, как дети, от выброшенного семени мысли, и развиваются в соответствии с ритмом, заложенным в нём: одни – мгновенно, а другие – годами.

Чтобы истребить нацию, не нужны вирусы, дефолты, войны, теракты. Достаточно выбрать главного анти-пасечника и анти-матку с трутнями, и всей пасеке конец!

Ум ещё не есть мудрость, а только часть её. И не самая повелевающая. Мудрствование ума может завести в тупик, но ум мудрости, то есть радостная простота её – гарантия здоровой мысли и надежда на спасение.

Жизнь складывается удачно у того, кого не предали друзья, а враги научились уважать.

Вы думаете, что разрушение традиций – это что-то новое, свежая мудрость! Нет, черви, пожирающие яблоко, рождаются едва ли не ранее самого плода. Разрушение традиций едва ли не древнее её создания.

Собственно говоря, написание стихов провидческих и явление образов поэту происходит не физическим усилием, а вспышкой пророческой, но подготовленной многими годами раздумий.

Государево дело – править, а не вносить правку.

Истинная культура заключается в том, как человек выслушивает правду.

Что за чудо этот русский язык, нежная русская речь, которая течёт как реченька и вбирает, вбирает в себя ручьи и речки, не боясь замутнить да заилиться, а становится от этого только чище и полноводнее. И щедрее. И глазу радостнее.

Глупость – качество, данное от Бога. Это надо понять и не пытаться перевоспитывать. Удостоверься и успокойся! Тебе и ему лучше. Если глупость мешает – отойди в сторонку. Настаивает – посочувствуй!

Подлость обнимает благородство, чтобы запачкать его.

Скромность – не самое лучшее качество истинного таланта.

Обида – слишком тяжёлый груз, чтобы плыть с ним по жизненному морю.

Художник не может быть умнее народа, иначе он будет напоминать пятилетнего сорванца, который думает, что он хитрее своих родителей, не замечающих его шалостей. Художник должен понимать народ, его предназначение. Прислушиваться к нему. Улавливать желания его. И быть голосом его. Всё остальное от лукавого.

Не стоит радоваться способности лихо сочинять стихи. Поют многие, но выдающимися певцами становятся только те, кто посвятил свою жизнь искусству. В литературе побеждают те, кто живут творчеством, а не мечтой о славе...

Великие представляют для нас интерес не только гениальными открытиями, но и гениальными заблуждениями.

И небольшая, кажется, перестановка слов, а какой резкой разницей наполняется смысл двух сентенций: нашей, социалистической: «Кто не работает, тот не ест» с лукавым утверждением, за которым стоит многая неправда (и не работаю – на благо людей – и ем, ибо могу работать только на себя, или могу есть за счёт других); и апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», с приказным максимализмом которого соглашаешься не сразу. Тут уж лукавства нет, а есть приказ отца неразумному дитяти: не подчинишься труду, в поте лица своего добывая хлеб,

так и не живи на этом свете. Такое дитя вредно всему миру. Здесь есть чистота этической нормы.

Я глубоко убеждён и получаю тому многие свидетельства, что дело, которому я посвятил себя – осмысление исторического пути русского народа – должно встречать на своём пути заслоны, преграды, каверзы и озлобления. И потому я спокойно встречаю зло и ненависть. А силы свои нахожу в том, что если провидение выбрало меня, слабого и грешного, для такой работы, если мне было дано прозреть для такого дела, то я обязан довести его до конца. А уж мне ли мечтать о наградах и милостях, привыкшему к неблагости, к малости? И того довольно будет, что никто, кроме быта и лености природной, не угнетает меня, не стесняет мою волю. Единственно, что хотел бы желать, и сильно, – так это уединения и сосредоточенности для углублённой работы. А сделать мне предстоит немало. Так что вразуми меня, Господи! Силы дай мне. И возлюби мя!

Поразительно, но Россия с её миллионами населения, её презрением к трудностям, её героическими солдатами не дала миру ни одного полководца и государственного деятеля, одурманенного идеей кесаря, как Александр Македонский, Чингизхан, Наполеон или Гитлер.

Нет в нас этой антигуманной мысли о мировом первенстве. Вот почему псевдоидея о мировом пожаре революции так и не привилась на русском древе, хотя и прививал её такой опытный садовник, как Троцкий.

Люблю беседовать с поэтами. Для меня в поэзии не бывает ушедших поэтов. Они для меня достойные собеседники. С ними в споре ли, в согласии ли я получаю не только эстетическую, но и физическую радость.

Только что прочитал внове статью Иннокентия Анненского «Что такое поэзия?» и снова убедился в том, что стихи нет необходимости разбирать. Если звуки, которые достигают нашего слуха, гармоничны, то дают наслаждение и вызывают целую цепь размышлений – и в этом их ценность. Если же мелодия стихотворений издаёт звук неверный или представляет собой некую какофонию, то следует ли это разбирать? Лучше пощадить свой слух и заняться чем-нибудь более осмысленным.

Евангелие предупреждает, что «дом, разделившийся сам в себе, устоять не сможет». В любом государстве его цементирующей основой являются семья, род, народ. Чем крепче родовые и духовные корни народа, тем крепче и долговечнее государственное образование и дружественные

союзные отношения. Слово и историческая память формируют эти связи и отношения, наряду с экономическими и политическими факторами.

Любите и берегите русскую поэзию. Учите своих детей и учеников запоминать достойные стихи. Драгоценные строки её – свидетельство мощи нашей речи. Стихи – это явное подтверждение того, что мы любим Творца вселенной и надежда на прямую связь с Господом.

Если поэт волею провидения поднялся к небесам и говорил с небожителями, но, опять же, волею провидения, оказался в подземелье, ему не следует разговаривать с обитателями ада свысока.

Сделавший добро не должен иметь имени, чтобы благодарность не стала завистью.

У религии поэтическая точность. И сколько потом не проверь математикой – всё будет верно.

Дело не в таланте – многие рождаются с талантами – а в мере требовательности к себе. А требовательность – дитя воспитания. Значит, всё в воспитании семейном или в способностях благоприобретённых.

Поэзия выстраивает мир, создаёт гармонию и тем определяет мировые ценности. Поэзия облагораживает историю человечества, неустанно выявляет самое важное, самое живительное в потоке дней и веков.

Сегодняшний день – это завтрашнее «никогда», если вы с ним не познакомитесь.

Все мы уходим из жизни в срок, данный не нами или без срока по чьей-то воле, но человек, защитивший до конца своё Отечество бессмертен перед памятью потомков и небесным воинством.

Совесь поэта – высший критерий оценки деятельности творческого человека. И когда от содеянного или узнанного добрей становится душа, значит, дело и слово не напрасны.

Никто не может отнять у меня право изучать историю моего народа и чтить мужество и достоинство его.

И писать не имеют права, не соглашаясь со мной, осуждать за мою любовь к моему народу, ибо в этой любви нет ничего унижающего другие народы. Я люблю свою мать, но понимаю, что матери других тоже прекрасны, но почему же мне постоянно говорят: ты своей любовью к

матери обижаешь других женщин. Как я могу обидеть, ведь моя любовь ненавязчива, я же не декларирую её, я просто люблю.

В писательской среде бытует мнение, что надо много писать. Это – неверно! Сочинителю, как это ни парадоксально, надо много читать. Тогда он, если возьмётся за перо, то с полным пониманием того, что должен выразить по сравнению с тем, что до него уже сделано. Ничего страшного, если книга, которая планируется у сочинителя, выйдет годом позже, а то и совсем не выйдет. Зато качество будет лучше. Или не будет совсем. Читатель переживёт, а писатель заработает на жизнь каким-либо иным способом, более гуманным. Литература не должна давать средства к жизни. Литература – это способ жить, совестливо и обострённо.

Осмысли жизнь своего поколения и можешь честно рассказывать миру о своей стране.

Не случайно я выбрал своими героями подвижников, ибо почувствовал состояние общества, которое требует, ещё подспудно, таких героев, и, конечно же, в работе над ними была и моя духовная необходимость: свериться своей жизнью с их подвигом.

Да, я создаю свою историю Московской Руси на протяжении пятивековья. И это отнюдь не история праздников или история побед русского оружия, как могут подумать всерьёз неосторожные в исследованиях критики, а настоящая драма всенародного напряжения, многостолетнего испытания русской нации, только что укрепившейся, на выживаемость в критических ситуациях, в катастрофических экстремальных условиях жизни-смерти на четырёх этапах, каждый из которых мог закончиться небытием народа русского, а, значит, и сообщества народов, исторически прислонившихся к нему.

Да, это начало эпоса, точнее уже половина задуманного мною эпоса русской семьи, подвига этой корневой ячейки великого народа в годы вражеских нашествий, бессмысленных по мысли, и потому жестоких. И никакой идеей кайзера или мирового единства через подчинение одному народу оправдать это варварство невозможно.

Неудивительно, что экспрессивная и молодая часть населения, разуверившись в Боге и генсеках, не хочет признавать ничьего авторитета. Даже авторитета опыта и авторитета мысли. А это уже хуже анархизма.

Нам крайне необходим сейчас опыт положительных дел страны, обобщение позитивного, и, конечно, программа действия на будущие

годы. Реальная и посильная, без реверансов в сторону изобилия, без унижительной прожекторности. Только тогда люди могут спокойно и вдумчиво работать.

Не являлся ли знаменитый потоп реакцией природы на игнорирование человеком желаний и законов её? Ведь она имеет полное право на защиту самое себя.

Часто говорят: добрых людей мало. Это ошибка. Добрых людей много. Но мы требуем постоянной доброты от всех. В нас мало желания понять раздражение других, потому мы или обижаемся, т.е. отключаем свою доброту от других, или же включаем сами раздражение, т.е. высвобождаем отрицательный заряд и увеличиваем злобу. Блаженных нет среди нас, а нам необходимы люди – резервуары доброты.

До сих пор не перестаю поражаться математической точности формул поэтических мыслей М. Цветаевой: «Смерть Блока – громовой удар по сердцу; смерть Брюсова – тишина от внезапно остановившейся машины». И не постеснялась же такой мужской механической определённости!

Если музыка устала от классического ряда (конечно же, широкий слушатель) и приходит к разхристанности, к року, к белой музыке. В поэзии же читатель тоже устал, но от белой своей ипостаси, от рыхлого белого стиха, верлибра. Строгие размеры, узда, ясная мысль – достоинство классики.

Для меня имеет значение как для писателя состояние души человека, который отягчён природными страстями, гнётом правительства и атмосферными неурядицами, и, пытаясь выжить в этих сложнейших условиях, ещё растит детей, жертвует собой ради свободы своей родины и тянется какой-то неуловимой частью своей души всё-таки к природной красоте и созданной руками своих однопланетников, понимает по-своему происходящее, а иногда и гениально создаёт шедевры слова и искусства.

Я пытаюсь проникнуть во внутренний мир такого человека, понять его переживания и его заботы на самом яростном перетоке истории. Панорама одной семьи на протяжении пятисот лет со всеми историческими реалиями позволит мне показать, хотя частично, этот нетленный мир, увидеть пружины нравственные, которые движут его поступками.

А не вернуть ли первородный смысл древнерусского слова «Перемога»? Перемогли – победили. Я-то, конечно, хотел назвать тетралогию

«Подвиг» – редчайшим словом среди славянских и прочих языков мира. Но слово это так захватано, расшатано в своих нравственных устоях, что не заденет и глаза. А «перемога» в украинском, словацком и чешском тоже стоит в обычном ряду. Дилемма! Но пишу-то я для русского читателя. Ему и первенство. Тем более что ленивые славяне вряд ли будут переводить мои драмы.

Рабочие корни (трудовые) и вера в будущее России – вот на этом добром фундаменте и строю я свой творческий и человеческий дом. Даже если меня постигнет писательская несостоятельность – дом мой, достоинство моё, рабочие руки и сознание причастности к великой многострадальной земле и дети мои дадут мне возможность несуетливо закончить свой бранный путь.

Тризна по народу:

Это был работающий народ, но власть забирала его труды, ничего не давая взамен, и он перестал работать.

Это был смекалистый народ, который мог перещеголять в задумке любой народ планеты, но ему запретили изобретать, или держали его поделки так долго в солидных учреждениях, что он понял ненужность их.

Это был добрый народ. До последнего великого голода он делился с прихожими последним куском хлеба, не думая о том, как самому жить в голоде.

Но 33-й год выжег доверчивых и справедливых и доказал, что добрым быть, оказывается, опасно для своих детей и близких...

Великую науку прошёл мой народ. Только кто разучит моих детей пользоваться такой наукой!

Владимир Соколов опубликовал статью обо мне в «Литературной газете». Очень высоко оценивает мою историческую поэму «Противоборство». Но, когда я спросил его, чего не хватает в моей драме, он ответил кратко: «Плоти». И добавил «Разговора о земном...» Я понял поэта: зримые образы должны быть, плотские, земные, с глупинкой даже.

Кроме самоутверждения, что ты поэт, ещё необходимо соизмерение с людьми, со временем, с тем, что сделано до тебя в поэзии. Без этого соизмерения нельзя узнать, насколько созданное тобой необходимо...

Сегодня в мире литературы Льву Николаевичу Толстому было бы трудно выдерживать конкуренцию. И всё-таки времена проходят, а «Война и мир» остаётся. Книгу можно критиковать за длинноты, за стиль, но мощь этого литературного тела, но ум и охват явлений потря-

сают и моего современника. А соотношение частей? А точная логика характеров? Что стоит описание метаний юной Наташи от умной любви к Андрею до стремительного физиологического чувства к Анатолию и смиренно-покаянного перед графом Безуховым.

Природа делает человека с величайшим запасом. Он может по милости её материнской выживать в невероятных условиях, испытывать невероятные нагрузки (чемпионы мира и стран подтверждают то, что каждый может в экстремальных условиях совершить при нормальном здоровье), совершать невероятные поступки. С какой любовью мать-земля относится к нам, наделив нас предприимчивым умом, подарив совершенство линий тела, запрограммировав на долгие годы нашу жизнь. Вне сомнения, человек – любимое дитя природы. И как обычный любимец – человек капризен, недоверчив, самоуверен. И только когда ему грозит гибель, начинает задумываться над своими поступками и вглядываться в окружающий мир. Но даже и этой малости ему хватает, чтобы совершить немало добрых дел. Большинство же человечества погибает, умирает, заканчивает самоубийством, растрчивает себя в пьянстве, наркомании, так и не узнав о том, что главная задача его, родившегося на этой земле, нести добро другим. Отрешиться от эгоизма действий, всмотреться в собрата по Вселенной... и сколько бед минует друг друга!

Убеждён, что «места, где живёт народная память» составляют фундамент, на котором стоят нация и государство.

Когда любовь выкорчёвывается, на этом месте вырастают сорняки честолюбия.

Хитровато-болтливая интеллигенция начинает драку словом, а головы летят у народа.

Господи, прости мя, грешного, за все вольные и невольные грехи, не со зла я делал их, а от силы молодецкой или от слабости духа!

Господи, восстал я сегодня ото сна и такой благодатью пахнуло от твоих щедрот: леса пряничного, трелей птичьих, кои подчиняются законам твоим, тварей твоих, кои есть лица божии, и так стало на душе легко-воздушно, что взмахнул бы руками и полетел. Сколько же зла творим мы, неразумные, по близорукости своей! И как мало надо человеку для тела его, ибо о душе он так мало печётся.

История России – хранилище благородных устремлений и самоотверженных поступков. Оглядывая его, я наполняюсь гордостью за этот

великий народ, к которому имею честь принадлежать по рождению, а теперь и по убеждениям своим, ибо Россия сейчас одна из самых нападаемых стран и мой долг защищать её.

Что значит любить свою Родину? Вдохновляться подвигами, ратными и мирными, своих предков, учиться лучшему у других народов, переносить семена добрых дел на древнюю почву своего отечества, огорчаться бесчестьем своих соплеменников, защищать своё достоинство и достоинство других народов, забывать своё «я» в общих бедах и печалях – вот что значит быть сыном русского народа, вот как следует любить свою Родину.

Господи, как же хорошо сейчас вокруг и внутри моего существа! И это говорю я, перенесший за полтора года три тяжелейшие операции, живущий на честном слове, и которого жалеет весь мир, и только я не принимаю этого доброго слова в применении к самому себе. Мне кажется, что теперь моя жизнь установилась таковою именно в результате моих страданий, которые, кстати, я переносил довольно легко, повергая больничных товарищей в недоумение, когда с температурой в сорок градусов вставал и шёл смотреть телевизор, или искать санитаров, когда из реанимации я переползал сам на каталку с кровати, а в палате с каталки снова на кровать – с перепадом высоты сантиметров в двадцать, не давая санитарам трогать меня: «Я сам!». И даже Слуцкий, зав. отделением 52-й больницы восхищенно сказал: «Вы мужественный человек!» Может быть, моя лёгкость основывалась на неисчерпаемых возможностях моего организма, которому ещё жить и жить, ибо сработан я был на долговечность, и только каторжной работой спутал планы природы. За поэзию надо платить. А за совершенство в ней, отнятое у тщательно скрывавшей современности, не жалко и времени, и здоровья. Обидно, поднявшись к вершинам, научившись мастерству, не иметь времени для медленной выделки материала.

Но не мне об этом говорить: природа или Бог отпустили мне несколько лет для завершения моего четырёхпоэстного труда. А я не имею возможности серьёзно работать: силы уже не те. Зато думать-то никто не запрещает. И я думаю, а, значит, и работаю, пятую главу всё-таки закончил. А шестую картину замедлил потому, что она недодумана ещё окончательно...

Опять сбился на работу. А хотел о Божьем мире, который удивительно в ладу с моим состоянием. Как же обрадовался я позавчера, когда прилетели юные ласточки и начали лепить гнездо. Я, не встававший после сильной температуры, поднялся и вышел на улицу, чтобы посмотреть их строительство. И хотя я сел на приличном расстоянии от них, ласточки-ластивки, заметив моё праздное любопытство, не очень

понятное для трудолюбивых птиц, улетели в сторону. Минут десять я прождал, и огорчённый случившимся недоразумением, вернулся в дом. И вдруг тени моих любимиц замелькали в окне, а вскоре одна из них с кусочком глины в клюве села на провод, дожидаясь, когда другая прилепит свою глину на должное место. Работали они, не торопясь, но методично по какому-то внутреннему согласованию: то из канавки брали глину, то сухие былинки или веточки для устойчивости гнезда, то примеряли тело свое для размеров дома своего. Но лепили они мастерски так, как бы был у них заранее созданный чертеж от нулевого цикла до оснастки включительно. Любо-дорого было смотреть на них, укрывшись в комнате второго этажа. И какие же очаровательные, перепачканные глиной их клювики, облагороженные энергией созидательного труда!

Не могу без должного уважения не чтить стремления наших мусульман изучать арабский язык, на котором написаны древние религиозные книги. Не могу не восхищаться палестинскими евреями, которые воссоздали из мёртвых свой древний язык иврит, на котором говорит население Израиля. Почему же нам, чужакам, не вернуться к древнеславянскому, церковно-славянскому языку, чтобы почувствовать единство всех славянских народов!

Славны дела Твои, Господи! Задумался я о языке писательском, о психологии поступков наших героев (на принятие Вл. Святым христианства повлияло не только появление Андрея Первозванного, но и христианка бабка, но и дружина русских, служившая византийскому императору в 6000 воинов, и многое другое менее значительное).

Национальная идея – корневая идея нации, её энергетический потенциал (энергия раздражения, ведущая к разрушению – дестабилизация гибельна для нации).

Мозг, как и неуёмное сердце, должен работать, чередуя большую нагрузку с малой, иначе его нужно разогревать, как замёрзший мотор. То же происходит и с писательской рукой. Она должна фиксировать труды мысли. Только тогда может быть прогресс даже у таланта искони.

Горе людям, которые стыдятся своей родины, своего народа. Ведь не стыдится крокодил своего хвоста, а орёл загнутого клюва, а лягушка своего пения. Корова и та мычит. Такие стыдобушки и своё потеряют, и чужое не приобретут. Природа не так уж глупа, давая каждому своё отличие. Надо ценить свою особость и знать её. Тогда будут ценить и

знать другие. И человек получит признание людское. А с признанием и дело, и жизнь становятся легки и радостны.

В литературе, как в таблице Менделеева, много свободных мест. Пусть у тебя небольшой голос, но свой. Без тебя литература не может быть полной. Вот Лев Толстой – гигант. Но разве может быть литература полной без «Очерков бурсы» Помяловского? Или без Мельникова-Печерского? Все нужны. Не только вершины должны быть в литературе. Серость опасна однообразием. Ведь природа – великий художник – из многих миллиардов живых существ и двух не повторила полностью. Даже близнецы, казалось бы, похожи, но мать и отец знают, что они различны по характеру. Но и отпечатки пальцев говорят о том, что нет абсолютно одинаковых линий. Писатель имеет право быть похожим только на самого себя.

Русский народ терпелив. Но и его могучее терпение имеет свою меру. И современным американским политикам, пристально собирающим информацию безограничительную о происходящем в России, нелишне напомнить, что душу народную невозможно запрограммировать как вычислительную машину. Она, как талант, взрывается прозрениями. А прозрения всегда неожиданны. Тем более, имея за плечами такую историю. Президент же Америки подчинил своему влиянию только лишь правительство, да и то его верхушку, но не сам народ. Народ же знает, что правительство часто предавало Россию, и научился расправляться с ним. Опыт за плечами исторический.

– Отец! – два парня лет 30-ти обратились ко мне, – посмотри за этими местами, чтобы не заняли их!

«Отец!» – действительно уже отец по возрасту и даже дед.

И всё-таки непривычно для моего поэтического сознания.

Пора привыкать...

Когда я начинаю думать о смерти, я понимаю, что ещё живу.

*Муталип БЕПШАЕВ,
лауреат Международной
литературной премии
имени литератора и философа
Средневеовья
Махмуда Кашгари*

Одна из 13-ти новелл, составивших повесть М. Бепшаева «Беглец» («Къачхынчы»), в 2012 году удостоена премии имени Махмуда Кашгарского (Турция) и переведена на турецкий, азербайджанский и казахский языки.

Повесть основана на реальных событиях. Прототип главного героя Ахия Жангуланов, уроженец селения Хабаз, лично рассказал автору о своей тридцатипятилетней отшельнической жизни, полной мытарств и страданий.

В самом начале Великой Отечественной войны Жангуланова призвали на фронт. В одном из боев он был ранен. Эшелон с ранеными красноармейцами, ехавший в Нальчик, был обстрелян фашистами под Кисловодском. Находясь недалеко от родимых мест, Ахия попросил разрешения заехать на два дня в родное село. Буквально на следующий день его село было захвачено немцами, и он два с половиной месяца скрывался от оккупантов.

После освобождения Кавказа Жангуланов испугался, что его обвинят в дезертирстве, ушел в горы и стал абреком. Не зная ни о депортации своего народа, ни об окончании войны, А. Жангуланов скитался в лесах Кабардино-Балкарии до 1977 года.

В представленной новелле описывается один день из жизни беглеца.

*Лариса Ахаева**

БЕГЛЕЦ

Новелла

Спускаюсь с Балык Башы в сторону Малого Канжала. На пути следования попадаются стойбища, но видется с кем-либо нет ни желанья, ни возможности. Само время заставило меня скрываться от властей, людей и бояться самого себя.

* Лариса Рамазановна Ахаева – переводчик; консультант министерства образования, науки и по делам молодежи КБР; почетный работник общего образования РФ

Иду по самой кромке леса, с трудом, хватаясь за ветвистые подолы деревьев и опираясь на них. Я действительно беспомощен, но медленно и упорно тащу себя.

На спине – тяжелая котомка, через плечо вдоль туловища свисает пятизарядник, на поясе – хороший револьвер: вооружен с ног до головы.

Холодный морозящий дождь идет вперемешку с мокрым снегом – слякотно, слизко, пасмурно. Не определить – утро, полдень или вечер в лесу. Могучий лесной великан собрал воедино ночную темень и дневной свет, размешал, перемолол и рассеял все это, сковывая и окутывая всю округу в хмурый, печально-серо-лиловый цвет, под низко нависшими тяжелыми облаками.

Я промок, как водяная крыса. В глазах рябит и клонит ко сну, чабуры на ногах хлюпают и издают звуки, напоминающие жуткое кваканье лягушек, я еле-еле передвигаю ноги. Обессиленный, бросаю на высохшее русло реки свою котомку и навзничь падаю на нее, словно на подушку.

Временами, когда был слышен лай собак, мне до одури хотелось, забыв обо всем, сорваться и бежать сломя голову в село: вот бы очутится там и понежиться в баньке, которую сам построил, а потом, забыв обо всех невзгодах, растянуться в собственной теплой постели. Что может с этим сравниться?!

Аланла¹, что это за лист наклоняется ко мне, маячит перед глазами и вальсирует?.. Я же прилег там, где совершенно нет зелени... Или от истощения и усталости у меня начались галлюцинации?

О Милосердный Аллах, не сможет ли теплое, беззаботное, светлое детство вернуться ко мне и освободить меня от невыносимых тягот войны, возвратить в отчий дом, к материнскому теплу?..

Сынок, и где тебя носит столько времени?.. Неужели не скучаешь по своей маме?.. О ужас, заклинаю, скажи, может ты подрался с кем-то, почему исцарапаны щеки, руки, бровь?..

Проходи, проходи, мое сокровище, умойся, мое золотце. Ты голоден? Что скажет отец, когда придет? Ведь с минуты на минуту он вернется с базара с огромным количеством разных и удивительных подарков!

Мое сознание сковано другим: «Я все устроил, как говорили Докка и Домма, однако мне не только не удалось оказаться в шкуре оборотня, но даже в своих фантазиях я не сумел полетать, как он!».

¹ Аланла – традиционное обращение балкарцев к соплеменникам.

Не дойдя еще до скамейки, где обычно собираются старики, я услышал таинственный шепот:

– Знаешь, Домма, с тех пор, как я в детстве сварил и съел темно-коричневого кота, я понимаю язык птиц, зверей и насекомых и знаю все их секреты!

– Докка, потише, успокойся, хватит... Если это услышит Ачау-Элкурт, все пропало...

– Ладно, ладно, Домма, ты от страха весь съежился уже и дрожишь, как овечий хвост!

Едва услышав эти слова, я спрятался за огромный валун.

– Когда тебе представляется возможность поиздеваться надо мной, Докка, то у тебя от радости вырастают крылья, словно Аллах подарил долгожданного братика твоим двенадцати дочкам... Хорошо, хорошо, сдаюсь... Лучше послушай меня внимательно, уважаемый.

– Элкурт, будь он неладен, наверное, уже дома, расскажи ему в красках свою притчу про черный точильный камень, который ты взял взаймы у Ходжи Насреддина.

– Итак, Домма, котенка разделяваю аккуратно по суставчикам, закладываю в котел, развожу огонь, котел ставлю на костер, и через три часа все готово!

Я все съедаю без остатка, даже кости обгладываю вчистую... Вслед за мясом спешно выпиваю бульон, развожу руки в разные стороны и надрывно повторяю тринадцать раз: «Я оборотень, я могу летать!» Проговариваю тринадцать раз эти слова и тут же присоединяюсь к пернатым и лечу вместе с ними... А когда ты в воздухе, тебя охватывает такое величие, такая гордость и невесомость! Это неопишуемое ощущение стремительного свободного полета над сказочными горами, могучими скалами, заставляющее замирать сердце, застывать кровь, щекотать каждую клеточку тела! Можно ли это передать словами?..

– Докка, поведай ты об этом мне раньше, разве я не присоединился бы к парящим орлам?..

Опять листья лопуха, только прикрою глаза, они приближаются к моему лицу... Приоткрою их, почему-то мгновенно отодвигаются... Аланла, разве не удивительно, что я вижу их в высохшем каменистом русле реки?..

Как только дошел до дома, всё последовательно устроил в соответствии с рассказом Докка: быстренько украл у ближайшего соседа коричневатого усатого котенка, достал казанок и устремился по знакомой тропинке в лес, в сторону Вороньей пещеры.

Весь исцарапанный своей жертвой, я повернул котенка в сторону востока, прочитал молитву, еле-еле собрался с духом и зарезал его...

Варил целых три часа и проглотил все в два счета, не оставив даже косточек. Выпил шурпу. Вылизал казанок до блеска.

Опять листья застилают глаза... Оказывается, с уставшим до изнеможения одиноким человеком, истосковавшимся по человеческому теплу и общению, могут происходить весьма странные и непонятные вещи. У него появляются галлюцинации, воображение обостряется, и фантастические видения преследуют его...

Слова, услышанные от Докка: «Теперь я оборотень, я могу летать!» – я проговаривал, раскинув руки в обе стороны, тринадцать раз, двадцать раз, тридцать раз – сначала шепотом, потом громче и громче... Шепчу, кричу, неистово ору, а полететь не получается!

Взяв свой казан, задыхаясь от быстрой ходьбы, возвращаюсь на завалинку, где обычно собираются старейшины аула.

А там Докка и Домма сидят среди аксакалов и увлеченно разговаривают.

Увидев меня, они все поняли, молча переглянулись и начали безудержно хохотать, чуть успокаиваются и опять закатываются смехом!..

В этот момент я понял, какую злую шутку они сыграли со мной, заставив меня обманным путем съесть бедного беззащитного котенка. Пока я шел до дома, а это неблизкий путь, меня всего выворачивало, ноги подкашивались от слабости, я ненавидел и презирал себя.

А бабушка настойчиво спрашивала меня, где я исцарапал щеки и руки... Меня охватывал ужас от мысли, что она догадается о моих постыдных похождениях... О, Милосердный Аллах, сделай так, чтобы она не узнала об омерзительных унижениях, которые я испытал!..

Больше нет мочи терпеть эти испытания и унижения, холод тоже одолел меня окончательно, зуб на зуб не попадает, кости превратились

в ледышки. Я молниеносно встал на ноги... В это время листья лопухов, постоянно маячившие перед глазами, неожиданно превратились в огромного страшного волка...

Опять два листа лопуха близко наклоняются к моему лицу, качаются, касаются моих глаз, медленно отодвигаются и останавливаются... Потом снова приближаются и все начинается сначала ...

Только прикрою глаза, волк кладет свои передние лапы на мою щиколотку, готовый растерзать меня, но почему-то сомнения овладевают им, он пристально всматривается в меня, потом вновь нацеливается на мою глотку в желании разорвать ее!.. И когда волк угрожающе раскрывал пасть со страшным оскалом и мотал головой, я судорожно говорил сам себе: «О, Всемогущий Аллах, откуда и как взялись эти огромные листья лопуха в столь каменисто-засушливой земле, которые сводят меня с ума?»

Но, когда я понял, что это волк, то на некоторое время онемел, и не мог произнести ни слова. Я перестал чувствовать своё тело. Остолбенел и стоял, как вкопанный, не смея шелохнуться...

Через мгновение я крикнул так остервенело, так остервенело!.. Даже сам испугался собственного нечеловеческого голоса и был оглушен своим же неистовым криком, криком страха, отчаяния, горечи, безысходности! Ужас сковал меня.

А зверь чуть отдалился, на мгновение задержался, пристально посмотрел на меня и без какой-либо спешки растворился среди зарослей.

До сей поры не могу простить себе: пятизарядник в моем распоряжении, револьвер под рукой... Все заряжено... Хоть бы выстрелил вслед волку, чтобы впредь зверь никогда никого не преследовал!.. Не выстрелил, что греха таить, одинокий, сломленный, растерянный, истосковавшийся по людям и опустошенный, я стоял, как каменный.

Перевод с балкарского Л. Ахатовой

ЭКСПЕДИЦИЯ – 2516

Главы из научно-фантастического романа¹

«Неужели?» – подумал я, сам себе не веря.

О том, что происходило и происходит с нами на корабле и вне его, знали только те члены Большого Совета и некоторые специалисты секретных лабораторий и инспекцотделов, которые имели доступ ко всей информации ЦИБ. И сейчас все они наблюдали за новой попыткой связи с объектом. Ждали какой-нибудь информации, могущей приоткрыть тайну. Звездолет тем временем одиноко летел в необъятном космосе с невероятной скоростью по пути, намеченному еще на Земле.

На борту всё шло, как обычно, если не учитывать, что Харита начала второй сеанс с объектом. И тут же я захотел прослушать ещё раз подготовительную процедуру Хариты, которую она записала для общего банка данных в корабельный архив. Мы всегда записывали в большой кристаллический архив всё, что предпринимали в полете. На корабле был установлен такой непреложный закон по всему пути следования экспедиции.

Я включил мысленный контакт связи с ЦИБ:

– Дружище, выведи мне ещё раз на мой экран записи Хариты по подготовке ко второму сеансу.

– Есть, командир! На большой экран вывести или на малый?

– На малый, Дружище, чтобы большой экран был свободен для экстренной связи.

В то же мгновение на экране появилась Харита. И зазвучал её бархатистый, но твердый голос:

«Я составляю утвержденный Большим Советом звездолета информационный пакет и стабилизационный каркас из устойчивых частот энергий Чадха. Я выбираю такой стабилизационный каркас потому, что такая энергетическая структура накапливает вокруг себя позитивное качество исследуемого объекта живой и неживой материи. Процесс такой работы сопряжен с непрерывным преодолением постоянно возникающих противодействующих многообразных сил, скрытых в любом явлении природы. Таким образом я повторно запускаю программу нового информационного пакета...»

¹ Продолжение. Начало см.: № 6, 2017.

– Дружище, – я вызвал вновь ЦИБ, – отключи повтор и доложи, как проходит сеанс.

– Стабилизационный каркас энергий Чадха устойчив, сохраняется интенсивность сигнала на заданной частоте.

– Противодействие не наблюдается?

– Нет, командир, волновая конструкция каркаса остается неизменной, структура поля постоянна.

– Может, следует изменить модуляцию колебаний медленно и осторожно? Может, это больше привлечёт его внимание, если он действительно тот, за кого мы его принимаем?

– Я так и делаю, командир, – ответила Харита, опередив ЦИБ. – Соблюдаю последовательность кольцеобразующих структур групп знаков и их регулярное чередование. Противодействие или же заметное внимание не наблюдается. Напротив, регистрируется стабильное состояние внешнего покоя.

– Неужели мы теряем и на этот раз надежду? Что, кругом тишина и космос тоже молчит? – не выдержал я.

– Есть еле уловимые проявления шумового фона. Но это скорее похоже на «шёпот» энергетических частиц с ненулевой массой покоя, – ответила Харита, будто воочию рассматривая всё это.

– Может, источник провоцирует наши сигналы?

– Нет, командир, – возразила Харита, – это не провокационный эффект со стороны объекта. Это другое, похожее на бурление вещества во взаимном тяготении.

– А как ты думаешь, Дружище?

– Подтверждаю справедливость высказанной гипотезы Хариты. На разных уровнях высот шумового многообразия пространства появляется смесь свистящих и шипящих звуков, похожие на соударения материальных частиц, где каждая частица является носителем большой энергии в своём пространстве. Из этого я делаю вывод, что на уровне пространственного космического шума гравитационных, скалярных и электромагнитных взаимодействий всё это закономерно действует в реальном мире вокруг нас на своих специфических уровнях.

– Значит, мы слышим бурное кипение всевозможных элементарных частиц космоса? И это всё?!

– Это так, командир, – сказала Харита. – Если ты вспомнишь сквозь годы наше детство, когда мы все вместе пребывали целый год для закалки духа и тела на пустынном северном острове, где было так много разных птиц, от певчих до водоплавающих, и вспомнишь их неугомонный щебет и клёкот – то данный шум напоминает подобие этого. Только здесь физическая природа схожа с явлением электромагнитных колебаний и не указывает на какой-то источник. Такое сонмище хаоса не может исходить от данного объекта.

– Я тоже, командир, не могу отождествить данное явление с каким-нибудь содержимым в моём банке данных волновых явлений и излучений, – вступил в разговор ЦИБ. – Скрытое состояние взаимосвязанных или же взаимоотрицающих структур энергетических полей не распознается моими приемными активаторами. Наблюдательная электромагнитная ловушка не может характеризовать наличие в замкнутом пространстве вокруг звездолета активного или пассивного потенциала чужой природы, что могло бы заинтересовать нас.

– Может, здесь физическое пространство имеет другие признаки истинного положения тяготения и причинно-следственную связь, происходящую не по закону непрерывности движения материи? – высказала мысль Харита. – Ведь реальный мир воспринимается человеком через призму своего светового носителя, через свою гармонию, воспитанную в условиях земной жизни.

– А если такое допустить? – сказал я, обращаясь и к Харите, и к ЦИБ.

– Тогда... – высказал свое мнение ЦИБ, – может, мы обращаемся к объекту не на том языке? Может, у него более тонкая организация восприятия на высококачественном уровне или совсем на ином, что в корне отличается от нашего восприятия энергокомплекса веществ в природе?

– Я не думаю, – вмешалась в разговор Харита, – энергокомплекс веществ в природе везде един, но комбинации в нём различны. И всё же величины и характеристики их сохраняются в конкретных условиях монадной системы исчислений.

– Всё это понятно. Космос есть космос, – сказал я, – и твой подход есть подход чистого физика, обладающего не только чутьем, но и острым критическим умом. Но наша задача сейчас, как мы все поняли, это разрешить проблему, связанную с объектом. Какие мысли на этот счёт? Может, величина импульса нашего сигнала слабая? Может, переносчик информации не доходит до какого-то порогового состояния, чтобы перескочить его?

– Все сигналы, посылаемые из корабля, доходят до объекта, мы всё это регистрируем. Но они, как вы говорите, не могут перейти какой-то барьер, а какой – мы не можем обнаружить, – сказал ЦИБ.

– Командир! – снова вступила в разговор Харита, не отвлекаясь от наблюдения за приборами. – А если всё это связано с комплексом причин?

– Обоснуй, пожалуйста.

– Допустим, всё связано между собой разрозненными действиями относительных причин: «объект – пространство – время» и «место – скорость – направление движения». Вы можете отрицать такое?

– Нет, конечно. Хотя трудно сказать, что здесь отрицать, да и что предлагать...

– Командир... – заговорил ЦИБ.

– Слушаю, Дружище.

– Кажется, объект нас не понимает. Может наши условные сигналы им воспринимаются как импульс, сгенерированный каким-то слабым источником энергии холодной звезды? В этой области пространства их премного.

– Мне тоже кажется что-то подобное. Но что он не мёртвое тело – я в этом уверена, – вздохнула Харита с глубоким сожалением по поводу того, что и вторая попытка не даёт ответа на поставленный вопрос.

– Видимо, стоит прекратить сеанс и подумать, как быть дальше, – предложил я вдруг, даже не успев оценить собственное решение.

– И я так думаю, командир, – сказала она. – Время для нас дорого. Я знаю, что необходимо делать, как поступить дальше.

– Я что-то не вполне понимаю, – сказал командир и задумался.

ЦИБ это уловил.

– Харите необходимо довериться, командир, – зазвучал глубокий органный голос ЦИБ. – Она знает иной подход, а именно тот, возможно последний, который одолеет преграду. Но, к сожалению, и очень опасный. И она тоже знает об этом, но отступать не будет и добьётся результата. Я читаю её мысли.

– Ну что ж, тогда прекращаем сеанс и будем думать думать, – решил я твёрдо, видя бесполезность дальнейшего продолжения сеанса.

Я посмотрел на светящиеся точки (индивидуальные кнопки каждого члена Большого Совета) на панели моего экрана и будто увидел, как они напряжённо следят за нашими действиями и разговорами и ждут чего-то

такого доброго от Хариты и ЦИБ... Я так и стоял у панели моего малого экрана подавленный и молчал. И вдруг подумал: не упустить бы нечто, связанное со временем, о чём мы еще не знаем. Моя рука машинально потянулась к панели и нажала кнопку общего вызова членов Большого Совета.

Как обычно, все тут же собрались в зале и заняли свои места. Все члены Совета знали о сеансе Хариты, но не подозревали, какой конкретный разговор я затеваю. И поэтому без всякой подготовки к проблеме я сразу начал:

– Вы все осведомлены о напряжённой ситуации на корабле. Первая и вторая попытка сеанса связи с объектом не дали каких-либо результатов. Также наш информационно-несущий комплекс приёма и передачи не смог справиться с поставленной задачей распознать объект. Или мы не владеем языком общения с кем бы то ни было из здешних хозяев, или же нас игнорируют в этом общении. Или же, может быть, нас изучают издалека: кто мы, откуда мы, зачем мы здесь. Может, в нас видят заблудших отшельников, которые нередки в космосе, или некую угрозу, вторгшуюся на их территорию. Что бы там ни было, необходимо считаться с наличием такой силы, которая своим молчанием угрожает нашему спокойствию. Иначе почему Оно не подает нам знак предупреждения или же, наконец, не выдвигает в какой-то форме свой ультиматум?

– А если, командир, всё, что происходит вокруг нас, и есть то самое предупреждение, или ультиматум, как ты говоришь, а мы не понимаем всего этого? – спросил Кондо Руслануко.

– И эту мысль не стоит исключать.

– Давайте подумаем и с такой стороны, – вмешалась в разговор Нурупх. – Может, перед нами неведомый ярус структуры материи и механизм его понимания должен быть существенно иной? Непонимание протекающих в нём физических и иных процессов становится для нас барьером для выяснения его внутренней архитектуры. Может, мы приблизились к такой необходимости, когда наши мышление и логика, воспитанные земной действительностью, должны претерпевать изменения? Нам следует думать по-иному, не земной логикой?

– А как? – выпалила Алия Аскерли Доду.

– Не знаю, – ответила Нурупх. – Надо интуитивно уловить то, что помогло бы сформировать хотя бы приблизительное представление о здешних законах.

– Возможно, это помогло бы нам понять образы здешнего существования, но это требует не только времени, но и, главное, непосредственного личного общения. Как с этим быть, если мы опасаемся этого и в то же время хладнокровно жаждем такой встречи как необходимой для выполнения нашей миссии? – озабоченно высказалась Элен

Жорж. – А факты и действия, которые мы видим, всё же требуется объяснить.

Я слушал их и думал: «Мы настолько проникнуты верой в силу используемых нами законов природы, обретенных в земной действительности, что их нарушение ставит нас в тупик, лежащий вне досягаемости наших активных методов исследования. И эти методы, наиболее детально развитые нами на Земле, мы не можем так просто взять и перенести в эти, чуждые нам, области космоса. Требуется применить другие, нам еще не известные специальные приёмы и методы, о чем и говорила Нурупх. Мы вынуждены признавать существование вокруг нас иных законов природы, что отличаются от абсолютных величин в нашем трехмерном мире. Что бы там ни было, мы наблюдаем ту же геометрию пространства-времени, одни и те же физические процессы. Здесь возникает необходимость глубже разработать функцию и модель космической кубической математики. А иначе наши чуткие наблюдательные приборы не могли бы моделировать соответствие принципу причинности. Тем не менее, одни и те же явления из разных систем отсчета становятся разными, не выдерживая закон принципа относительности».

Параллельно своим мыслям я слушал выступавших и брал на заметку разные предложения и идеи. А на самом деле чувствовал себя так, будто я один в своём кабинете и нет вокруг никого, и продолжал размышлять.

«Ведь общие законы природы должны быть везде одинаковыми и справедливыми по принципу физической теории объединения пространства и времени в единомерное многообразие. Но здесь нам не позволено то, что позволялось там, в нашей родной стихии. И объяснений всему этому у нас нет».

Тут я вздохнул с облегчением. Меня больше не терзала мысль, что мы ошибаемся в каких-то наших суждениях и расчетах. Оказывается – нет. Я понял, что мы по намеченному пути попали в другую среду космического пространства, где действуют свои законы и свои правила, предсказать которые мы ещё не умели. Нам предстояло выполнить работу по раскрытию всевозможных сторон этих законов и правил, дабы найти тропинку к далеким подступам на новом пути.

Я остановил свои пространственные мысли и посмотрел на говорящую женщину, она была плотного телосложения, среднего роста, волосы под шатенку, глаза карие, с волевым характером.

– Да, Элен Жорж, нам теперь придётся многое объяснять. А времени у нас, видимо, немного. Поэтому я предлагаю ещё раз выслушать Хариту и вынести решение. А я, забегаю вперед, говорю, что поддерживаю её идею.

Члены Совета все как один посмотрели на Хариту и кивнули в знак согласия. Харита приподнялась медленно, но твердо, и начала:

– Как вы все знаете, первые две попытки сеанса не дали каких-либо результатов. Может, эти неудачи кого-то и повергли в страх и сомнение.

Но не меня! Эти временные неудачи не сломили мою волю в достижении намеченной цели. Более того, я с удвоенной, а то и с утроенной силой и упорством начала готовиться к решающему сеансу и собирать всю свою силу, активизируя мощь внутренней энергосистемы для личного транс-медитационного контакта с объектом. Возможно, я смогу собранной в единый сгусток высокочувствительной психикой создать коридор от моего подсознания к объекту.

– А это не опасно для тебя самой, да и для нас всех? – спросил Инал Тхъазэплъ и добавил: – Может, создать защиту импульсным излучением вокруг корабля? Это решаемая техническая задача.

– Это не поможет. Энергоимпульс подсознания, перемещающийся в пространстве, имеет свои законы в физической природе, обладая внутренним потенциалом психических сил для самозащиты. Но в чужом мире это всё не работает.

– И что ты предлагаешь, Харита? – спросил Жан Ибн Арсени.

– То, что я сейчас предложу, возможно, будет стоит мне жизни. Проникнуть в суть вещей в трансе и медитации в чужом нам мире – означает шагнуть сразу двумя ногами в неизвестность. В земной природе заложены жёсткие правила связи живых с живыми, но здесь нас окружают другие свойства материи, которые нам не понятны. Но всё же необходимо сделать этот шаг, альтернативы у нас нет. Кто знает, может это проблеск света на пути к заветной цели. Другого выхода нет. Каждый из нас знает, зачем мы здесь, и должен быть полон решимости. Я готова к этому шагу. Я давно готовилась проявить решимость.

После того, как она закончила свое обращение, некоторые опустили головы в задумчивости и затем обратили взоры на меня.

Я уже видел и даже телом чувствовал, что Харита была готова вступать в личный контакт не только с объектом, но и с единым полем. И всё же надо было отвечать на немой вопрос членов Большого Совета.

– Я сразу высказал вам мою поддержку Хариты. Это вызвано исключительными обстоятельствами, куда мы угодили по неведению. Те трудности, с которыми мы сталкиваемся каждый раз, заставляют мыслить новыми, необычными для нас категориями. При возникновении сравнения оно медленно переходит в утверждение, затем в стадию сомнения, далее в гипотезу и затем в череду закономерностей. Порой эти связи скрыты от нашего взора плотной завесой неизвестного, пока действительность не принуждает развеять туман ложных понятий и не являет лицо истинное, такое, что человеческому уму трудно, да и невозможно иногда, вообразить себе сущность этих связей вообще. Но неисчерпаемость идеи и мысли человека, сила разума и воли подталкивают его шагнуть глубже в беспредельные глубины и процессы в просторах космоса. Вот эта тяга и заставляет Хариту сделать шаг во тьму. И мы,

экипаж звездолета «Стрела Сфинкса», должны поддержать её не только согласием на этот шаг, но и своей психофизической энергией, становясь сопричастными её чёткой цели.

Обратившись лично к Харите, я выразил общее мнение:

– Мы знаем твои способности и верим в тебя. Но ещё раз хочу попросить тебя полностью отдаться этому делу: стань единой с ним, сделай его частью себя и затяни его сущность в своё пространственное измерение. Здесь нужна не сила решимости, а сила энергии духа, чтобы сканировать физическое тело, трансформируя индивидуализацию. Всё это зафиксировывает ЦИБ и затем обрабатывает до уровня интеллекта. Если всё пройдет как задумано, тогда мы будем знать, с кем или с чем имеем дело здесь, в многоуровневом пространстве космоса.

– Командир, разреши мне слово, – энергично встал с места Тхаз Да Мир, аккуратно поправил свисающие на лоб волосы и начал: – Ты сказал, что поддерживаешь предложение Хариты. Ты последняя инстанция, кому принадлежит решающее слово. Мы с тобой. И мы поддерживаем твою решимость сделать этот шаг. Но позволь мне напомнить всем, что у нас на корабле есть ещё один человек, именно человек, Тхагуримаго, который должен быть рядом с нами в самое трудное время. Именно для этого он и здесь. Для этого он и воспитан, и подготовлен ко многому.

– Мы не забыли о нём, время его работы лишь приближается, – прервал я его, дабы не думал, что мы о чём-то запамятовали.

– Так давайте разбудим его. Я думаю, его время уже настало.

Тут в зале начались оживленные разговоры: кто-то спорил, кто-то что-то предлагал, а кто и говорил, что этот Тхагуримаго может спутать все наши замыслы, что ему нельзя доверять, нельзя вызывать из глубокого сна и поручать что-либо. Я молча смотрел на них, не мешая высказывать свои мнения друг другу.

Все они, члены Большого Совета, знали, что Тхагуримаго готовили для этой экспедиции отдельно от всех, по индивидуальной программе, объединяющей в себе множество различных научных направлений, в том числе и эзотерические премудрости. Затем его включили в команду во время нашей учебы, познакомили с нами и дальше обучали всех вместе. Мы жили дружной сплоченной командой. Но Тхагуримаго видел дальше всех и слышал больше всех, считывая огромный объём информации из окружающего мира. Он, кроме всего, был ещё экспериментом земной науки. Его миссия должна была проявиться в конкретных случаях, когда следовало во чтобы то ни стало добыть информацию, всматриваясь далеко вперед и вслушиваясь в пространство, чтобы выведать у далеко находящегося таинства возможный вариант нашего будущего. Он был человек, рожденный утробно от мужской и женской пары, как говорят – мужа и жены, плод любви самой природы, специально подобранной пары

из особо одаренных людей, мыслящих не только реакцией мозговых импульсов, но и вспышками структурно-организованного сознания. Их на Земле причисляли к группе «И», что означало – группа исследователей.

Такие люди на Земле стали появляться в то время, когда нас, детей, уже начали готовить к этой экспедиции. Особенностью их было то, что в младенчестве им вживляли в головной мозг, в сияющую область мозжечка, микроскопический электромагнитный генератор возбуждения сверхэлементарных частиц. В процессе взросления ребенка возможности мозга расширялись пространственно, при этом в генераторе расширялись поля волнового действия.

В таком мозге, ничем не отягощая человека, взаимодействовали равновесно сознательное и интуитивное в синхронно работающем ритме. Генератор, обладая свойством накапливания данных, одновременно являлся и приёмником, и передатчиком связи с мировым информационным банком, впитывая, как губка влагу, в себя множество закодированных событий прошлого и будущего и обрабатывая их затем в человеческие понятия.

Он, Тхагуримаго, находился среди нас как экспериментатор, изучающий на себе действие генератора в далеком космосе. Являясь пионером в этой области, он был ограничен в том, что происходило в незримом большом хаосе вокруг звездолёта, как на физическом, так и на ментальном уровне. Поэтому не во всём ему доверяли. Но возлагали на него особую надежду на наше «взросление» по ходу познания новых миров. Генератор, вживленный ему в мозг, требовал энергии для постоянной и бесперебойной работы. И этой энергией Тхагуримаго обеспечивал себя из потенциалов принимаемых извне полей и волн, приносящих ему информацию. А также в любое время мог сам подключиться к электрическому балансу мозга.

Таким образом два объединенных начала – природное и творящее разум – связывали физически не связанные события и явления, образуя необычную чувствительность, направленную на их единение. Там, где для мозга начинался барьер, электромагнитный генератор раздвигал пределы восприятия и выносил его туда, где поиск оказывался более благоприятным.

Всё это пробежало у меня в голове мгновенной вспышкой, когда Амир Алоко начал говорить:

– Мы ещё не до конца поняли, с кем или с чем мы встретились: с разумным видом и его объектами и сигналами или с природным явлением сложного сочетания. Никто из нас не может дать на этот вопрос однозначный ответ. Ситуация не складывается в единое решение, а наше стремление преодолеть барьер велико. Видя, что Харита уже готовится к решающему сеансу, я поддерживаю Тхаз Да Мира и предлагаю прервать глубокий сон нашего Тхагуримаго и присоединить его к нашим дальнейшим действиям.

– В качестве кого? – спросила Диса Дахэ.

– Он может стать полезным и Харите, и ЦИБ, – ответил Амир Алоко. – Он видит и чувствует то, что другой не в состоянии.

– Его сверхчувствительная интуиция может оказать здесь неоценимую помощь, – вступила в спор Карин Дышек.

– Кстати, – вмешался Залим-Гери Даур, – как мы знаем, он находится здесь, чтобы помочь нам в трудных условиях. Но чем он может помочь в сложившейся ситуации? Сперва надо установить, чем он может помочь, прежде чем разбудить его.

– А если мы его разбудим, то через какое время он может окунуться в работу? – спросил Жан Ибн Арсени. – Когда мы можем ожидать от него каких-то результатов?

– Я как главный врач не против того, чтобы прервать его глубокий сон, но сперва его надо поставить на ноги, подготовить его психическое состояние к условиям, в которых мы находимся. А это займет некоторое время, – добавила Тим Мил Ана.

– А некоторое время – это много? – спросил Уван Черный.

– По корабельно-земному – сутки.

– Хорошо, приступайте, – сказал я решительно Тим Мил Ане.

И она тотчас вышла.

В зале наступила тишина, будто само время остановилось вместе с нашим молчанием, а всё остальное двигается, требуя применения к себе каких-то специальных подходов. Кто-то смотрел на кого-то немим взглядом, другой глядел на меня в ожидании моих дальнейших действий. А Уван Черный украдкой поглядывал на Нурупх. Зачем он прятал свой взгляд, не понимаю. Все знали об их дружбе с детства и некоторые даже открыто завидовали им.

Дальше нельзя было молчать и я сказал:

– Давайте теперь вернемся к Харите и обсудим наши дальнейшие действия. Если вы потребуе от неё рассказать, как всё будет действовать, то это, я думаю, будет невозможно, так как в её работе с объектом могут возникнуть исключительные обстоятельства. Ведь сеанс будет не техническим решением, а один на один, лицом к лицу с неизвестностью. Кто знает, что таится по ту сторону внешней видимости. Так что, если у вас к ней нет вопросов, мы отпустим её, пусть готовится тщательно.

– Позвольте, командир, рассказать вкратце членам Большого Совета о моих действиях. Сидящие здесь всё понимают с полуслова, и поэтому мне будет легко донести мою идею. Форма связи, с которой я буду работать, давно известна на Земле и показала себя с положительной стороны. И в моё обучение входила эта программа, которую я освоила неплохо, судя по оценкам моих учителей. Используя эту форму телепатической, а может и иной связи с объектом, можно войти

в его пространство, выдавая для начала единицу информации, и получить в ответ какой-то объем информации. Я думаю, что такой метод может дать возможность взаимно услышать друг друга. В основе всех наблюдаемых явлений мира лежит импульс напряжения, рождающий вихревое движение, или волны трансляции. Благодаря существованию такого процесса в самой природе, мы, может быть, свяжемся с объектом по линии взаимодействующих потенциалов путём введения в тело объекта дискретной волновой функции, характеризующейся как квантовая система, способная передать информацию. Концентрация внимания на объекте с помощью разноуровневых полей и волн может дать пусть не целостную, а частично разрозненную характеристику. Даже и в этом случае мы могли бы слепить из полученной информации какие-то контуры его характерных свойств. А из этих свойств затем попробовать сделать вывод о нём и его предназначении. После сеанса всё это можно раскодировать, при условии если сеанс прошел в ритме взаимопонимания.

– А если нет, что тогда может быть? – спросила, глядя прямо ей в лицо, Дисэ Дахэ.

– Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что мне неизвестны фундаментальные факторы в здешней природе вещей, которые зависят в основном от нестабильности или стабильности всех элементарных частиц этого мира. Их предвидеть невозможно. Реально наблюдаемый мир мы не можем втиснуть в наши классические рамки, основанные на строгой логике нашей земной действительности. Поэтому придется начать исходя из реально имеющегося у нас опыта и наблюдений, вызревших в реальном мире. А теперь, если у вас нет ко мне вопросов, я должна готовиться к этому сеансу тщательно, как выразился командир.

– Конечно, нелегко идти нам на этот шаг, но иного выхода нет. Поэтому поручаю ЦИБ и Нурупх оказать всяческую помощь ей в подготовке.

– Да, командир, – зазвучал крепкий баритонный голос ЦИБ. Он умел менять свой голос в соответствии с важностью поставленной перед ним задачи.

– Я тоже всё поняла, – сказала мягким девичьим голосом Нурупх и, спросив разрешения, направилась к выходу.

И в это время, глядя на уходящую Нурупх, Бирош поднял свою правую, напичканную датчиками и приёмниками руку, и сказал:

– У меня не вопрос, а просьба.

– Говори, Малыш, что у тебя за просьба?

– Командир, я хотел просить у тебя разрешения сопровождать Хариту во время проведения сеанса, так как могу оказать какую-то помощь при необходимости.

Нурупх, услышав такую просьбу, остановилась, не дойдя до выхода, и оглянулась. Она удивленно смотрела на меня, интересуясь, что я отвечу. Я это увидел краешком глаза, улыбнулся незаметно и сказал:

– Это невозможно, Малыш. У неё сейчас будет сеанс иного порядка, чем те, которые были. Такой сеанс присущ только человеку. Тебе, к сожалению, такое не дано. Психофизическая трансляция – это свойство человеческого мозга.

– А я? Я что, не могу принять участие? Так кто же я тогда, командир?

– Ты, Малыш, высокоорганизованное дитя человечества. Ты – это мы. Ты – признак существования нового вида. Ты – наша гордость и источник научного вдохновения. У тебя свойства другого порядка, – сказав всё это, я ответил ему отказом, но ни в коем случае не оскорбил его достоинства. И добавил: – Ты придёшь ей на помощь тогда, когда будет необходимо.

Нурупх, которая всё это слышала и видела, улыбнулась краешком губ неизвестно кому и вышла. А Малыш без каких-либо обид сказал: «Хорошо. Слушаюсь», – и занял свое место. Оставшиеся в зале члены Совета занялись разбором и обсуждением последнего этапа пути, пройденного с момента появления неизвестного объекта.

Харита начала с того, что пристально стала вслушиваться в тайный зов тишины. Она верила всем своим существом, что безмолвная тишина огромного пространства жаждет говорить с ней о чем-то не понятном человеку, о тайне, и не может найти тот язык, который доносил бы ей, Харите, своё волнение. А когда она серьезно приступала к какой-то проблеме, у неё раскрывался внутренний мир, она словно разжигала всю себя, подчиняя волю и разум всей сложности и многообразию предстоящего. Так было и сейчас. Шаг за шагом вторгаясь внутрь себя, она активизировала скрытые возможности тела и накапливала биоэнергетический сгусток, который должен был пробить силу сопротивления объекта. Даже та, прежняя напряженная подготовка к сеансам, что стали неудачными, и сами сеансы не прошли для нее безрезультатно. Её характер закалялся в попытках общения с истинным представителем тайн глубокого космоса. Отдалившись в одиночестве на некоторое время от всего и вся, она получала возможность посмотреть на всё происходящее со своей стороны, со своей точки зрения; сопоставлять, сравнивать очевидные признаки происходящего и увидеть то, чего не видела до этого. Избранный ум её погружался в физический и ментальный мир, где различия в природе рождали множество вопросов.

Она незаметно для себя медленно погасила обуревавшие её мысли, осмотрелась, поправила на столе личные предметы постоянного пользования и ещё раз осмотрела рабочее помещение кругом сверху донизу, легкой походкой подошла к висящему на стене зеркалу, поправила на

себе красиво уложенные локоны, обеими руками закрыла лицо и глаза, крепко зажала в ладони и резко опустила руки, будто что-то выхватила из глубины лица и бросила вниз; поправила светло-синий галстук под белоснежным воротником, одёрнула вниз туго сидящий костюм на красивом женском теле и не спеша села в своё кресло перед индивидуальным звездным экраном. Все эти жесты, манипуляции и перемещения были подготовкой к самому ответственному сеансу в её жизни. Каждое её движение становилось ключом к другому движению, а это, в свою очередь, к дальнейшему, подталкивая организм к поиску, к психометрическому чтению выбранного объекта.

– Внимание! Командиру, ЦИБ и членам Большого Совета. Я приступаю к сеансу. Прошу командира дать команду ЦИБ держать со мной постоянный контакт и контроль. Пусть ЦИБ запишет все мои импульсы и тоны, контролируемое состояние в процессе сеанса. Неотлучно быть рядом со мной и записывать всё, что выходит из корабля, и всё, что входит в корабль в любой информационной форме, – и голос умолк мгновенно.

В зале нависла тишина, и в этой тишине мой голос прозвучал как приказ – коротко и лаконично:

– ЦИБ – обеспечить полный контроль и защиту Хариты, а Нурупх пусть контролирует процесс сеанса с обеих сторон, чтобы не потеряли связь между собой.

В далекой юности, немного начитавшись какой-то литературы по освещению проблемных вопросов вхождения человека в иные состояния сознания, я понимал, что контактируемый объект, или образ, может вызвать перед внутренним взором контактёра череду затягивающих в себя колец трансмерной энергии, откуда выход будет усложнён, как в лабиринте. Поэтому Харита и указала нам на строгое наблюдение за её действиями и поступками. В «диалогах» таких контактёров известные нам законы не выполняются, развитие событий и результаты этих событий предсказать не представляется возможным. Вот этого и опасалась Харита.

После того как она тщательно подготовилась, восприняв предупреждение командира как наказ, она глубоко вдохнула и полностью, до глубины, выдохнула, затем повторила несколько раз (видимо, так было необходимо для начала вхождения в транс), включила звездный экран механическим пультом, хотя могла включить пульт и мысленной командой. Но она этого не сделала, чтобы полностью освободить мысль от всех других забот. Надо было энергию мысли направить на объект. Харита медленно входила в транс, преодолевая разделяющие ее с объектом барьеры и активизируя виртуальную память, не нарушая тем самым взаимосвязи между контролирующими источниками. Она умела, вот так, мгновенно сконцентрировать собственную энергию и направить ее на выбранный объект, призывая к тому же волю и характер...

Феликс ХАРАЕВ,
кандидат технических наук,
доктор философских наук, профессор

«И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ, И ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ»

Мир полон противоречий. Удовлетворение одних потребностей порождает новые потребности. Решение актуальных проблем сопровождается необходимым возникновением следующих. Но почему в самой богатой многими ресурсами стране мира самый большой удельный вес бедного населения? Почему наряду с фактами энтузиазма, героизма, творчества, отваги в нашем обществе процветают невежество, бескультурье, безнравственность?.. Не сбились ли мы с истинного пути? А ведь давно известная мудрость подсказывает: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Человек как мера всех вещей, как «светильник разума», как «мыслящий тростник» (*Б. Паскаль*), как «мыслящая печатка» (*Ж. Машаду*), как «малая Вселенная» остается неисчерпаемым в познании самого себя. Реализуя свой природный Дар – стремление к совершенству, человек должен не только изучить себя, но и обязан оценить соотношение внутреннего и внешнего в психике и поведении.

Лев Толстой, пытаясь разгадать причины нарастающего противоречия своего времени, писал: «С того часа, как первые члены соборов... вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке – его разума и совести, с того часа началась та ложь, убаюкивающая и тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело». Первичность внутреннего мира человека проявляется через самопознание, самоутверждение. Еще в Древнем мире мудрецы задавали себе вопрос: «Разве бывает что-либо прекрасно или безобразно само по себе?». И сами отвечали: «Что нравится человеку, то для него прекрасно».

О необходимом соотношении внутреннего и внешнего А. Шопенгауэр сказал так: «То, что есть в человеке, несомненно, важнее того, что есть у человека». Наряду с Л. Толстым, Ф. Достоевским и другими авторами, А. Линкольн высказал свое мнение о значении внутреннего и внешнего в поведении человека, он сравнивал характер (внутренний

мир) с деревом, а репутацию – с тенью дерева. Он считал, что люди должны заботиться о дереве, а не о тени (внешней стороне).

Первичность внутреннего мира человека как принцип имеет большое значение не только при изучении самопознания, самосовершенствования, но и при рассмотрении общественных явлений. К. Маркс воссоздание первичности внутреннего мира человека связывал с процессом эмансипации, которая, по его мнению, состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку. Недооценка или переоценка себя сказывается на качестве поведения человека. Из того, что человек думает, каковы его ценности и мотивы поведения, можно судить о степени его самоопределения. А. Эйнштейн говорит, если человек остается добропорядочным, только чтобы избежать наказания или получить награду, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Не надо быть оракулом, чтобы предвидеть, к чему может привести излишнее развитие силовых органов управления и нарастание законов, использующих методы насилия.

Преступно далее увлекаться внешними аспектами жизни, деятельности, поведения.

Во многих сферах деятельности: в муниципалитетах, культуре, образовании, здравоохранении, воспитании, религии – руководители заняты внешними факторами в ущерб морали, нравственности, духовности. В учебных планах образовательных учреждений нет места изучению социальных чувств, воспитанию совести, гражданственности, патриотизма... Когда же мы оценим роль семьи в становлении подрастающего поколения? Когда возьмемся за обучение взрослого населения?

В книге подчеркивается мысль, что наш окружающий мир явлен отражением нашего же внутреннего мира. Какими глазами мы смотрим на мир, такими и он смотрит на нас.

Не пора ли соотнести данные о количестве больных, нищих, беспризорных детей, бомжей, воров, жуликов, алкоголиков, наркоманов, бандитов, заключенных, пропавших без вести... с победными рапортами руководителей регионов и отраслей? Когда же, наконец, будут спрашивать с руководителей муниципалитетов, областей и республик за уровень доходов на душу населения?

Общество должно осознать, что мы сами, являясь ответственными лицами, обязаны видеть положение дел и заботиться об улучшении людей из центра, лежащего внутри нас.

Мы обязаны знать, что любая попытка очистить наше представление о жизни от всего субъективного, сугубо человеческого приведет к абсурду.

В стране невиданными доселе темпами идет строительство храмов, церквей, мечетей, часовен... В то же время ни власть, ни религия, ни общественность не обеспокоены нарастающей распущенностью людей.

А не вспомнить ли беспокойство Льва Толстого, вопрошающего: «А как же вы хотите построить хорошее общество из плохих людей?»

Об этом и других тревогах настоящая книга. Мысль человека вездесуща, она охватывает все стороны жизни, проблемы, уроки. «Прожившая мысль всегда будит другую» (М. Эбнер-Эшенбах). Рядом с мыслями шагают помыслы. «Помыслы – суть зеркала, в которых ясно отражаются добрые и другие дела» (богослов ислама Ал-Басри).

Известно, что мысли будируются чувствами и страстью. «Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством» (К. Станиславский). Человек начинается с нравственного чувства. Все сущее в человеке: чувство собственного достоинства, чувство чести, чувство долга, чувство гражданственности, совесть... зиждется на нравственности – гармоничном совершенстве внутреннего мира человека.

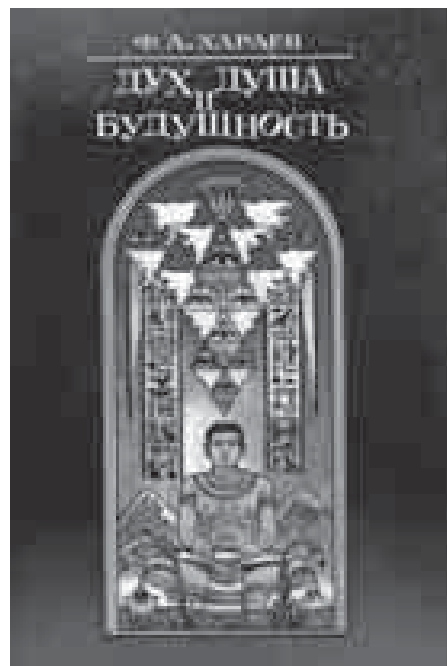
Я часто привожу мнение других о том, что излагаю; этим пытаюсь подтвердить свою позицию, полнее довести до читателя (студента, всех любознательных людей) суть предлагаемого. Мишель Монтень сказал, что «если я цитирую других, то лишь для того, чтобы лучше выразить свою собственную мысль».

Книга предназначена для тех, кто хочет постичь первопричины противоречий современного общества, улучшить людей и их жизнь.

Алгоритм обучения убедительно показывает, что способности человека ведут к умению, мастерству, творчеству. По мнению Сенеки, свои способности человек может узнать, только применив их на деле. При этом, после усвоения теоретических знаний, необходимо овладеть опытом.

Эта книга является плодом размышлений и уроков деятельности в различных сферах, изучения достижений науки и творческого наследия героев человеческого духа. На содержание книги существенное влияние оказало знакомство с культурой, искусством, религией, образованием в других странах.

Современный человек овладел многими тайнами своей планеты. Технический прогресс воплотил в жизнь заветные мечты человечества, создав атомные электростанции, межпланетные станции, автоматические заводы и линии, вычислительные

машины, шагающие экскаваторы, строительные и порталные краны, средства воздухоплавания, совершенные морские суда, комбайны, автомобили... Крупные открытия сделаны во всех отраслях науки. Медицина победила, казалось, вечных врагов людей – множество опасных недугов.

Складывалась иллюзия наступления эпохи зрелости человечества, эпохи мира и духовной высоты общества, социального процветания. Жизнь опровергла эти ожидания. Тоталитарные режимы, массовые убийства, национальная и расовая ненависть, ядерное оружие, радиация, рост преступности, невиданное количество психических заболеваний говорят о том, что человек одержим злом, не смотрит в будущее и занят самоубийственным сатанизмом; современно звучат слова Ф. Тютчева: «Не плоть, а дух растлились в наши дни».

Человеческое общество явно недооценивает культуру, волшебные возможности искусства, а технический прогресс разрушил целостный, гармонично созданный образ человека. Постановка образования подрастающего поколения значительно отстает от требований жизни, воспитание самостоятельного ума, творчества существенно ограничены. Загрязнение окружающей среды стало теперь обычным правилом. Человек преступно продолжает вмешиваться в равновесие природы. Он сошел с пути следования к homo sapiens и превратился в человека крайностей, для которого не существуют ни Бог, ни мораль, ни чувство самосохранения. А между тем здравые силы не могут мириться с таким положением, и «революционеры» должны понять, что они делают не то.

«Не говорит ли мятеж «новых левых» – этих современных нигилистов – о том, что, даже потеряв Бога, люди страстно ищут абсолютного, что они не могут довольствоваться наличной действительностью?» – спрашивает Александр Мень.

В свое время датский философ и теолог С. Кьеркегор удивлялся тому, как худшая из опасностей – потеря своего «Я» – может пройти совершенно незамеченной. «Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря – ноги, состояния, женщины и тому подобного – не замечаются столь мало».

Как это ни странно, человек, овладев вершинами технического прогресса, проникнув в Космос, не позаботился познать самого себя. Человек до сих пор не имеет синтетических характеристик. Что такое разум? Что такое душа? Что такое дух? Найдутся ли ответы на эти вопросы?

Тайны человека долго были покрыты мраком. «Ты сам свой первый учитель – изучай самого себя...» – советовали древние мудрецы. Но невнимание к самому себе стало историческим. Еще Сократ удивлялся: «Неужели люди так много занимаются тем, что так мало касается человека потому, что считают, что постигли все то, что важно человеку знать; или думают они, что можно пренебречь теми вещами, которые надлежат нашему изучению, а углубляться в те тайны, которые не подлежат ему».

Микромир и макромир тесно связаны между собой. Все больше свидетельств получает общество о взаимосвязи человека и Вселенной. Вселенная поразительно расширяет свои границы, многие видимые звезды уходят в невидимость. А останется ли человек «венцом природы», или он тоже открыт для дальнейшего развития?

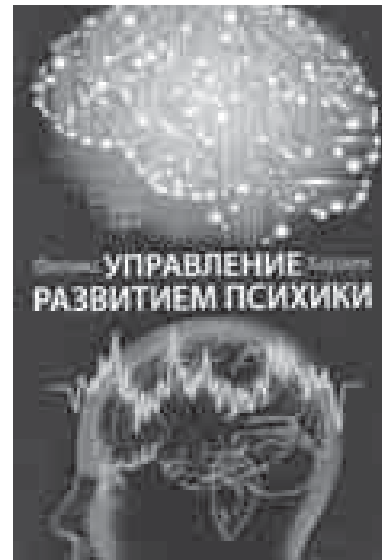
Идеалисты и материалисты продолжают спорить о первичности материи или духа. А может быть, материя и дух – два полюса единого целого?

Налицо необходимость изучения человека и его проблем с точки зрения системного мышления, во взаимосвязи с окружающим миром и «Царством Духа». Обществу следует глубже изучить психические процессы, секреты психических состояний и богоподобия человека. В человеке уживаются способность совершать чудеса и признаки зла, невежества, отступничества. Почему современный человек изобретателен в разрушении, изыскан в отрицании и слаб в созидании? Некоторые представители древних культур, как известно из истории, демонстрировали акты необычайно высокого мышления. Значит, дух не столь сильно зависим от материального. Пришло время, когда необходимо изучать психическую энергию человека, светоносность ее влияния на людей, жаждущих помощи.

М. Горький как-то сокрушался, что люди научились ухаживать за цветами, а вот за душой, за сердцем не умеют ухаживать, как следовало бы... Средства совершенствования внутреннего мира человека многообразны: труд, фольклор, музыка, живопись, литература... В настоящей работе сделан упор на поэзию как на один из основных источников познания духа и души. До сих пор поэзия, как кладезь человеческой мудрости, недооценивается. Об этом Л. Толстой говорил: «Вот она странная судьба поэзии... Все любят, ищут ее, одну ее желают и ищут в жизни, а никто не признает ее силы, никто не ценит этого лучшего блага мира, не ценит и не благодарит тех, которые дают его людям».

История свидетельствует, что люди с интересом принимают новые толкования о тайнах и смысле жизни. Не выбрав себе точки зрения, ничего увидеть нельзя. Нужна новая философия, философия непознанного мира. Тогда будут отодвинуты догмы, мысль человеческая свободно устремится к прогрессу. «Каждый человек должен образовывать свою науку из существа своего индивидуального духа», – считал А. Одоевский.

В основу книги положены лекции, прочитанные в Авторском университете, чем объясняется некоторое энциклопедическое ее содержание и построение.

Проблемы души, проблемы духа являются первоосновой проблем жизни. Вступим в рассуждения о духе и душе, помня слова И. Северянина:

*Неисчерпаемая тема
Ждет всей душой, всего ума.
Поэмы жизни – не поэма:
Поэмы жизни – жизнь сама!*

Перефразируя мысль К. Бальмонта, скажу: «Ведь меня поймут лишь люди, что похожи на меня. Люди воли, люди крови, духи страсти и огня, чуть послушайте меня».

Современное состояние образования, культуры, экономики требует действенных мер. Книга раскрывает возможные пути разрешения ряда насущных проблем общества. Она будет полезна тем, кто изучает психологию мышления, рефлексии, занят самопознанием и самосовершенствованием, тем, кто хочет привнести творчество в деловую сферу.

Книга предназначена для студентов, преподавателей высших учебных заведений, работников различных звеньев управления.

Свобода человека, как свидетельствует многовековая практика людей, тесно связана с выбором в общепринятом смысле слова. Общественный уклад и сама Природа предоставляют людям возможность выбора в широких пределах: между жизнью и смертью, альтруизмом и эгоизмом, родовым и личностным, любовью и безразличием, ложью и правдой, добром и злом... Но свобода чувств всегда ограничивается крайностями. За этим следит всевидящее око чувства меры. По мысли И. С. Тургенева, «древние греки не даром говорили, что последний и высший дар богов человеку – чувство меры».

Алим АЛАФАЕВ

Алим Алафаев вступил на литературный путь уже в зрелом возрасте, имея за плечами многолетний преподавательский стаж в одном из институтов г. Москвы, являясь кандидатом исторических наук, доцентом. Самые первые его стихотворения были напечатаны в журнале «Литературная Кабардино-Балкария». С тех пор было опубликовано несколько его стихотворных подборок, а в издательстве «Печатный двор» вышли в свет два его сборника – «Колчан» и «Крылатый мой Эльбрус».

Русскоязычного поэта Алафаева отличают искренность, благородство, любовь к малой и большой Родине. Он – член Союза писателей России. Наряду с другими его произведениями у многочисленных читателей пользуются успехом его поэтические посвящения.

Песнь о матери

*И кланяюсь всем матерям я в ноги,
Когда о матери своей пою.*

К. Кулиев

Меня встречает, улыбаясь, мама,
Подснежника весеннего светлей,
Айраном угощает, хичинами...
Я благодарен матери моей.

Горянка родила и воспитала
Семь сыновей, двух милых дочерей.
Вдовой оставшись, стала крепче стали...
Я благодарен матери моей.

Порой мы были глухи и упрямы,
Но каялись потом, любя сильнее:
Словами и теплом лечила мама...
Я благодарен матери моей.

На кладбище ухожены могилы
Безвременно ушедших сыновей,
Дарует небо ей земные силы...
Я благодарен матери моей.

Мы матерей при жизни ценим мало,
Порой другие кажутся милей.
Возможно, в мире есть и лучше мамы...
Я благодарен матери моей.

Молюсь и плачу, стоя на коленях,
Прошу Творца продлить остаток дней
Любимой, самой лучшей во Вселенной...
Я благодарен матери моей.

За то, что жил, мечтая стать поэтом,
За то, что жив, страдая среди людей,
За то, что спел и будет мною спето...
Я благодарен матери моей.

Весною дарят, улыбаясь, дети
Подснежники, что всех цветов нежней,
Любимым и единственным на свете...
Пою о них и матери моей!

На Парнасе

Живут в раздорах русские поэты,
Забыл давно куначество Кавказ.
Соскучившись по Тютчеву и Фету,
Решил взобраться на святой Парнас.

Путь на вершины труден и опасен,
Карабкался по радуге мой стих.
Я восхищался жизнью на Парнасе,
Где мир богов и божий мир постиг.

С амброзией нектар поэты квасят...
Стоял, глазам не веря, как простак:
Державин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов,
Есенин, Маяковский, Пастернак!

Они сидели во главе застолья,
Шутили и смеялись над собой,
Забыв, как сон, свои земные боли,
Найдя свободу, счастье и покой.

Не разглядел – в тумане видно плохо –
Шумели и Твардовский, и Рубцов.
Отчётливо я видел только Блока,
Он пил нектар, пьянея от стихов.

И, попрощавшись с Тютчевым и Фетом,
Ушёл с тяжёлой ношей рюкзака.
Нектар богов принёс земным поэтам,
Чтоб видели друг в друге кунака.

Песня о дружбе народов

Совершил я восхождение
На божественный Эльбрус.
Родилось стихотворенье
От избытка горних чувств.

Славлю дружбу всех народов,
Что в одну семью слились.
Смотрит солнце с небосвода,
Озарив земную жизнь.

Шлю вам, братья-россияне,
Поэтический привет.
Пусть не гаснет, а сияет
Веры и надежды свет!

Пусть белеет символ главный
Счастья в синих небесах
И живёт Эльбрус двуглавый
В наших душах и сердцах!

Пусть уйдут, как день вчерашний,
Слёзы, горести и боль
И царят в кругу домашнем
Смех и радость, и любовь!

Нет нигде страны красивей, –
Я пою, паря душой
Над любимую Россией
И Балкарией родной.

Верхняя Балкария

Встаю с молитвой старою,
Когда в горах рассвет.
Люблю свою Балкарию,
Прекрасней края нет.

Войну и ад изгнания
Прошёл святой народ.
Осилив испытания,
Орлом глядит вперёд.

О, Родина желанная,
Страна орлиных гнёзд,
Ты асами-аланами
Затмила славу звёзд!

Судьбою горцам велено
Чтить жён и матерей,
Быть сильными и смелыми,
Ценить своих друзей.

Здесь аксакал не старится,
Храня любовь к горам.
Цветут весной красавицы
На зависть небесам.

О, чувство счастья странное,
Когда зурной река,
Звеня в ущелье каменном,
Зовёт за облака!

Вершин улыбка снежная
Рождает жар стихов.
Проходит жизнь мятежная,
Но только не любовь.

Ложусь с молитвой старою
И славлю звёздный край.
Мне Верхняя Балкария
Земной дарует рай!

Мои учителя

В каком бы не учился классе,
Но были мне учителя –
Пророки мудрые Кавказа:
Кязим, Кайсын и Танзиля.

Идти к вершинам в небе синем
Мне помогали, как друзья,
Даруя мужество и силы,
Кязим, Кайсын и Танзиля.

Когда моя замолкнет песня,
Пусть в провожатых даст земля
Богов, чьё имя всем известно:
Кязим, Кайсын и Танзиля.

Крылатый мой Эльбрус

Горжусь тобой, крылатый мой Эльбрус,
Вершина и Европы, и России.
С восходом солнца всей душой молюсь,
Чтоб ты всегда парил на небе синем.

Неси планете мир и благодать!
И пусть ползут, чернея, тучи хмуро,

Я – ас-алан, рождённый побеждать
Нашествия наследников Тимура.

О, край суровых скал, седых снегов,
Где свято чтут законы горской чести,
Ты вырастил героев и орлов
И заслужил немеркнущие песни!

Страна богов – Балкария моя,
Последнее пристанище поэта,
Я видел реки, горы и моря,
Но нет тебя прекраснее на свете.

И краше нет горянок молодых,
Походка и глаза лесной газели.
От их улыбок, что растопят льды,
Сердца джигитов, как костры, горели.

О, колыбель вершин и бурных рек,
Хочу остаться на века с тобою,
Чтоб о любви мне пел родной Черек
Своей весенней звонкою зурною!

Владимир КУДАЕВ,
журналист, историк

МАЛЬБАХОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

Очерк

*Тимбора Кубатиевич
Мальбахов*

В середине 70-х в республиканской газете «Ленин гъуэгу» (ныне «Адыгэ псалъэ») опубликовали небольшую критическую статью о недостатках в работе общественного транспорта. Практика того времени была такова: редакция газеты направляла вырезку из газеты тем, кого критиковала публикация, а те, в свою очередь, должны были в установленные сроки сообщить в редакцию о проделанной работе по исправлению выявленных недостатков. Такому, в общем-то, возделенному ныне, правилу подчинялись практически все, а иначе могло быть еще хуже, так как дело могло оказаться на разбирательстве в партийных органах, а этого не хотел никто.

Газету на национальных языках руководитель республики читал редко – видимо, не успевал. Это наносило большой урон авторитету национальных газет, но никто в этой ситуации ничего поделать не мог – коллективы

редакций успокаивали себя тем, что их газета является органом обкома КПСС, президиума Верховного Совета и Совета Министров КБАССР. Действительно, это добавляло авторитета, солидности, как и то, что редакторы газет всегда избирались членами обкома партии и депутатами Верховного Совета республики. Видимо, все это вместе взятое должно было подчеркивать как значимость газет на национальных языках, так и суверенность самой республики.

Руководитель автоколонны № 1438, о котором шла речь в той критической статье, тоже знал все подводные течения, в том числе и то, что первый секретарь не всегда уделял должное внимание национальным газетам, поэтому не стал, как теперь говорят, заморачиваться «правильным» ответом и написал в редакцию: «Переведите статью на общедоступный язык и пришлите!»

Что и говорить, эта была сильная пощечина в адрес не только коллектива редакции, но и всем национальным патриотам, коих всегда у нас хватало – хозяйственник, сам того не понимая, перешагнул через некоторые барьеры, существование которых всегда имелось в виду. За-

ведущий отделом пропаганды редакции газеты «Ленин гъуэгу» светлой памяти Султан Ширитов был не таков, чтобы стерпеть это издевательство над газетой и насмешки над носителями кабардинского языка, и он выступил с ныне забытым жанром – фельетоном с броским заголовком: «Настоящий кабардинец ищет себе переводчика» («Адыгэлпыр тэрмэш мэльыхъуэ»), ставшим бомбой в определенных кругах: журналист обнажил проблему, которая как бы не существовала, вслух сказал о том, что в силу различных обстоятельств, в первую очередь по политическим мотивам, не принято было принародно обсуждать. Автор письма, имя которого сейчас не хочется называть, тоже хорошо знал политику Коммунистической партии, которая предполагала, что мы все движемся по пути создания такой общности людей, как советский народ, и там не нужны никакие языки, кроме великого русского.

Однако ему сильно не повезло: фельетон попал в руки первому секретарю обкома партии Т. К. Мальбахову. Он, хотя и был ярким коммунистом, настоящим коммунистом до мозга костей, всегда следовавшим линии своей партии, но позиция транспортника ему сильно не понравилась. И он написал прямо на полях газетной статьи: «Может, его самого перевести обратно в шофера?», имея в виду, что горе-хозяйственник относительно недавно выбился в руководители, а до того работал водителем. Устно же Тимбора Кубатиевич распорядился вынести вопрос на заседание бюро обкома КПСС – высшего руководящего органа областной партийной организации в период между пленумами. Директора автоколонны исключили из партии, сняли с должности, и ему стоило большого труда восстановиться в рядах КПСС. Ему помогли лишь в Москве, и то только потому, что партия во главе с всеильным Суловым проводила уже упомянутую здесь линию на всеобщую русификацию советского общества, а истец основной упор делал на процветающий в Кабардино-Балкарии махровый национализм, чьей жертвой пал он – истинный интернационалист.

Таким образом, благородное имя газеты было восстановлено, справедливость восторжествовала, благодаря позиции первого секретаря. Однако следует понимать, что такая позиция первого секретаря обкома партии входила в противоречие с общей линией партии, и впредь стоило осторожничать в этих вопросах, дабы не навлечь гнев сильных мира сего – именно так говорит разум, но если бы он так поступил, то это был бы не Мальбахов, а кто-то другой, менее решительный, менее принципиальный.

Однажды мне уже приходилось писать о том, как Тимбора Кубатиевич, наперекор категорической позиции Сулова, второго человека в стране, пролоббировал строительство в Нальчике агромилиоративного института, убедив Брежнева помочь республике, но Сулов не забыл, что Мальбахов пошел ему наперекор. Тем не менее, Мальбахов оставался

при своем мнении. Дело в том, что при всей его дисциплинированности и умении подчиняться партийной дисциплине, Тимбора Кубатиевич умело и настойчиво отстаивал свою позицию, если был уверен в своей правоте. В этом случае он логично, уверенно отстаивал собственную позицию, будучи уверенным, что именно так и должен поступать истинный коммунист, кровно заинтересованный в дальнейшем развитии общества, страны.

Отношение к национальным языкам также не является исключением из его правил: деятельность Т. К. Мальбахова на посту первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС не ознаменовалась резким изменением отношения органов власти к проблеме сохранения национальных языков, но способствовало тому, чтобы скрытая, во всяком случае, неявная борьба за русификацию языков и народов на территории республики не стала оголтелой. В своих выступлениях Мальбахов так или иначе часто возвращался к проблеме чистоты языка, недостатков алфавита, наполняемости национальных литератур и т. п.

Национальные языки и национальные вопросы неотделимы друг от друга. Более того, вопросы национальных языков составной частью входят в круг проблем, охватываемых национальным вопросом. В рамках данной статьи проблематично осветить все эти проблемы, скажу лишь, что Т. К. Мальбахов, как умный и дальновидный лидер, был щепетилен в национальных вопросах, знал и делал все, чтобы в той области не было каких-либо перекосов. Никогда, возможно, за исключением различных кулуарных разговоров, не возникали, например, разговоры по расстановке национальных кадров. И это было следствием большой и кропотливой работы по недопущению ущемления интересов титульных народов. Стоит в этой связи, например, вспомнить и о той большой помощи, оказанной балкарскому народу при возвращении на родину в 1957–1958 годах. Факты свидетельствуют, что практически все, что было сделано тогда, стало результатом инициатив Мальбахова. Но, конечно же, имевшее место утверждение некоторых «младонационалистов» в начале 90-х, в котором они пытались приписать Мальбахов попытку растворить кабардинцев и балкарцев в России, «обрусить» всех и вся, не имеет под собой основы. И лучшим свидетельством его глубокого понимания родного, национального можно считать речь Т. К. Мальбахова на бюро обкома КПСС по вопросам преподавания родного языка и литературы в декабре 1968 года.

Инициатива постановки этого вопроса на бюро, как следует из документов, принадлежала ему самому, но тогда даже для такого всемогущего человека, имевшего немалый вес в высших партийных кругах, бывшего на «ты» с первыми лицами государства, это было дерзостью, потому что это шло в разрез с линией партии, и ему запросто могли

приписать национализм. Некоторые его сподвижники, замеченные в особой осторожности, помешали поставить вопрос во всем объеме, и поэтому, по его же признанию, он не смог полностью охватить всю проблему. Возможно, он должен был остерегаться своих осторожных соратников: ведь они же и могли «сигнализировать» куда следует о неустойчивой позиции первого секретаря обкома в национальных вопросах или, в крайнем случае, своевременно воскликнуть: «Я же предупреждал!». Поэтому Мальбахов не мог вообще не проявлять осторожности, но и в усеченном виде его речь могла бы стать, на наш взгляд, программой действия. Причем, смею утверждать, такая позиция и сегодня не только не потеряла своей актуальности, а, наоборот, еще более обострилась.

В своем выступлении первый секретарь сам признает, что *«...вопрос этот непростой, вопрос этот деликатный, вопрос директивный, вопрос этот имеет директивные стороны, но вопрос этот исключительной важности, вопрос этот политический, и решать его должны мы сами, без всякой перестраховки. И каждый человек, который боится обжечься об этот вопрос и не подходит к нему, – это не очень хороший человек, это не коммунист, не интернационалист. Если мы сами не будем чтить свой собственный язык, свой собственный народ, а его национальность сейчас выражается только языком, словом, зачем нам говорить тогда о национальном искусстве, о национальной культуре, зачем издавать столько национальной литературы? Для кого? Для тех, кто не знает своего языка и знать не хочет? Тогда давайте преобразуем Кабардино-Балкарскую АССР в Нальчикскую область. Легко будет нам всем, государству в десять раз легче станет сразу же, и меньше возни будет с нами, и нам будет легче...»*.

В своем выступлении Тимбора Кубатиевич вынужден оговориться, что вопросы национального развития, разумеется, в социалистическом понимании, еще не сняты с повестки дня.

Далее он отбрасывает всякую осторожность, потому что полунамеками невозможно высказать главную мысль: «Вот, говорят, не хотят родители. (имеется в виду обучение своих детей на кабардинском, балкарском языках. – В. К.) Не хотят – не надо. Не хочешь знать свой язык – не надо. Тогда не пользуйся теми, еще существующими некоторыми привилегиями, которые мы даем кабардинцам и балкарцам. Ведь факт, что мы еще сохраняем некоторые льготы. Мы ежегодно посылаем 40–50 человек в вузы страны вне конкурса. В Нальчике университет открылся только потому, что здесь Кабардино-Балкария, а не Нальчикская область, и именно для подготовки национальных кадров. И мы стараемся это делать, мы даем преимущество национальным кадрам.

И нечего бояться шептунов, людей, которые громко кричат: «Кабардинцев и балкарцев в университете больше». Было и будет больше. А как же иначе? В чем тогда смысл национальной политики нашей партии, какими путями можно было бы подтянуть национальные окраины до уровня передовых народов, какими путями можно было бы из тюрьмы народов создать братскую семью народов?».

Таким образом, Т. К. Мальбахов впервые откровенно сказал то, что в те времена предпочтительнее было скрывать. Чего греха таить, в те времена доходило до того, что люди в автобусах, других общественных местах не могли говорить на своих языках, не рискуя нарваться на замечание типа: «Говори на общепонятном языке!».

Боязнь утери национальных языков, ассимиляции самих народов Т. К. Мальбахов связывал с несовершенством кабардинского и балкарского алфавитов. На самом деле, некоторые буквы из трех-четырёх знаков плохо усваивались детьми, были и другие недостатки. Решением бюро обкома партии были созданы две комиссии по усовершенствованию алфавитов, куда входили представители творческих союзов, ученые и т. д., но каких-либо результатов они не достигли. Мальбахов подозревал, и, надо думать, небезосновательно, что ответственные за это должностные лица попросту перестраховываются, и нервничал из-за этого, но ничего поделать не мог – такова была (есть и сейчас) нерушимая сила бюрократизма.

Не преминул он вернуться к волнующему его вопросу и на том заседании бюро: «В огромной степени, – говорил он, – что, что происходит, связано и с алфавитом. Когда будет конец, когда будет закончена эта перестраховка? Ленин как-то говорил в связи с национальным вопросом, что обрусевший национал является самым опаснейшим шовинистом. Я хочу сказать, что вы, товарищ Шекихачев (секретарь обкома партии по вопросам идеологии. – В. К.), тормозите совершенствование алфавита: пятнадцать лет занимаетесь этим алфавитом. За это время сколько решено крупнейших вопросов на земле, под землей, в воздухе, на воде и под водой. А алфавит не можем довести до конца; пятнадцать лет не хватило для этого. Анекдот ведь, что лишь 9 из 50-ти учителей написали диктант удовлетворительно. Главное направление мы знаем: идет процесс сближения языков, процесс слияния языков. Для нас очевидно, что это произойдет (я не беру зарубежные страны, только нашу страну) на основе русского языка. И тот путь, который мы избрали, – с первых классов обучение на русском языке и для кабардинцев, и для балкарцев, – он правильный. Но шарахаться из стороны в сторону нельзя. Это, товарищи, безобразие. Это тоже национализм, но только обратной стороной».

Хочу повториться: во времена, когда по любому поводу на политика могли повесить ярлык «националиста», такое выступление было равносильно самоубийству.

Но если Мальбахов был в чем-то убежден, он никогда не просчитывал, не взвешивал последствий, действовал решительно и безоглядно. Люди, много лет проработавшие с ним в органах власти и управления, знали, что Тимбора Кубатиевич всегда носил в левом нагрудном кармане записную книжку. Они подозревали, что «худой», как его за глаза называли, записывает на них компромат. И лишь после его кончины стало известно, что в эти блокноты он записывает не компрометирующие соратников материалы, а свои наблюдения и наиболее ценные, на его взгляд, мысли. Так вот, в одном из блокнотов, а вел он их с 1956 года и их накопилось немало, он писал, что **«нельзя быть подлинным, настоящим патриотом, не будучи интернационалистом. И наоборот, только настоящий интернационалист может искренне и преданно любить свой народ. Любое национальное приобретение за счет ущемления интересов другой национальности с неизбежностью рано или поздно обернется двойной потерей»**.

К этому можно было бы добавить, что только смелый и решительный человек мог поднимать такие жизненно важные для народа проблемы, не оглядываясь на систему, на установки, невыполнение которых могло быть чревато большими неприятностями. Но таков был Мальбахов, и он не собирался менять свои убеждения в угоду кому-либо. В одной из своих знаменитых записных книжек он однажды записал: «Больше смелости, больше решительности, больше риска. Возможности человека, тем более руководящего человека, в руках которого сосредоточена власть, неисчерпаемы, неисчислимы. Надо дерзать!» И в этом весь Мальбахов.

Сам Тимбора Кубатиевич в совершенстве владел кабардинским языком, говорил, если придется, сочным, правильным литературным языком, знал много балкарских слов и, по свидетельству народного поэта Кабардино-Балкарии Сафара Макитова, даже мог говорить на балкарском. Все это не помешало ему в совершенстве овладеть русским языком и, по общему признанию с ним работавших, никто не мог сравниться с ним в умении работать с документами.

ПИРАТ ИЗ КАБАРДЫ

Рассказ

– Нет, падре, ни проповедника, ни богослова из меня не выйдет. Не могу я постичь, не могу решить, чье учение самое верное: Магомета или Христа, – сказал, обращаясь к старику, сидевшему на траве, его собеседник, молодой и статный.

– Ты как Фома, – сказал старец, – пока тебе не явить чудо, ты не уверуешь. Но ничего. Знание Ветхого и Нового завета сильно поможет тебе даже в вашей маленькой стране, где пока мирно и бескровно борются одна религия с другой. Но когда-нибудь и здесь прольется кровь. Часто под знаменем веры совершаются обыкновенные войны, грабежи и насилие. И часто во главе воинства становятся не праведники, а обыкновенные грубые солдаты, исполняющие обряды своей веры только для вида. Они хотят власти, борьбы, крови. Вот ты, например, уже участвовал в трех набегах. Что ты чувствовал, когда носился на коне, стрелял во врага из лука, бился на саблях?

– Скажу правду. Когда идет бой, я как будто пьянею.

– Но есть среди вас, наездников, люди излишне жестокие, кроваво-жадные?

– Да. Могут беспомощных пленных резать, как баранов, детей даже убивать, – нахмурился молодой.

– В бою, как ты сам говоришь, надо всего себя отдать одной цели – победить. А в миру – стараться не возгордиться от собственных успехов, жить спокойно, в ладу с соплеменниками. А что самые страшные воители – Аттила, Чингисхан, Хромой Тимур? Что им вера, бог? Они хотели силы власти, реки крови и получали это. Например, великие крестовые походы. Умные священники, видя, как по всей Европе феодалы всё время дерутся между собой, перенесли войну на Восток. Палестину захватили и две-три сотни лет жили как христианское государство. Но все окружающие их страны остались мусульманскими и вместе с турками выбили их оттуда. Крым сделали мусульманским татары, а ваши князья упорно внедряют эту веру в простой народ. Мне скоро умирать, кто будет слово божие нести? Рассчитывал на тебя, но ты сомневаешься в вере.

– Я верю в адыгэ хабзэ, закон адыгов. Он во многом правильно толкует вопросы, как жить.

– Да, Джамбот. Если не потеряете свои обычаи, то не исчезнете с лица земли, как многие маленькие страны.

В это время они увидели парнишку лет пятнадцати, который карабкался наверх по козьей тропе.

– Добрый день, падре, – поздоровался мальчик.

– Да хранит тебя бог, неужели богословию пришел учиться? – пошутил священник.

– Нет, отец Франческо, к нам гости из Крыма приехали. Отец немедленно Джамбота требует.

– Из Крыма? – радостно переспросил Джамбот.

– Да, отцовский кунак, Мехмед-гирей, и с ним какой-то фаранг, похоже итальянец. Всего человек двадцать.

– До свидания, падре, – поклонился Джамбот.

– Да хранит тебя бог во всех твоих начинаниях, – ответил отец Франческо и перекрестил его.

Парни ловко спустились вниз, к речке, и бегом помчались в аул. Приблизившись к родительскому дому, пошли степенной и спокойной походкой.

По обе стороны ворот были привязаны лошади, а двор был весь заполнен людьми, знакомыми и незнакомыми. Две повозки, запряженные мулами, стояли посредине. В тени раскидистого грушевого дерева были разостланы ковры. На них сидели по-турецки Каспулат – отец Джамбота, Мехмед-гирей – татарин из Каффы и незнакомый итальянец.

Юноша почтительно приветствовал гостей.

– Да, Мехмед-гирей, с виду он стоит тех похвал, которые ты ему расточал, – сказал итальянец по-татарски, нещадно коверкая слова.

– А ты сомневался, уважаемый Джованни? Правильно говорят, пока сам не увидишь, не поверишь.

Татарин встал, отдал распоряжения, после чего Джамботу принесли его лук и стрелы, а к дереву в пятидесяти шагах от них привязали узкую полоску ткани в три пальца шириной.

– Ну-ка, покажи нам, не забыл ли ты воинского искусства со своим падре Франческо, – сказал Каспулат.

Джамбот взял лук, стрелу чуть согнул, проверил тетиву, положил стрелу, затем, внезапно подняв, почти не целясь, выстрелил. Стрела вонзилась в середину тряпки. Ещё две стрелы повторили судьбу первой. Все вокруг одобрительно закивали головами.

– Да, стреляешь ты не хуже хорошего крымца, – сказал Мехмед-гирей, – а каков ты в борьбе?

– Я буду бороться с любым, кого ты выберешь.

Мехмед вывел молодого татарина, на вид гораздо мощнее Джамбота.

Противники разделись до пояса и стали в борцовскую позу, крепко ухватив друг друга за пояса. Несколько раз казалось, что татарин повалит Джамбота, но тот, как уж, выскальзывал из его могучих объятий. Борцы порядком вспотели, и татарину было все труднее хватать кабардинца. Наконец татарин приподнял Джамбота над землей, но, мокрый от пота,

он скользнул вниз и одновременно сделал подножку противнику, который грузно упал на землю. Опять послышались звуки одобрения.

Солнце близилось к закату, когда стали подавать еду. Каспулат приказал принести кувшин вина, от которого Мехмед-гирей демонстративно отказался.

– Намаз не делаешь, в пятницу в мечеть не ходишь, а тут вдруг правоверным сделался, – пошутил Каспулат.

– Не могу же я своим воинам плохой пример подавать, – отшутился Мехмед-гирей.

Сидящих под грушевым деревом связывали самые добрые отношения. Когда-то совместный крымско-кабардинский отряд вёл битву с ногайцами. Мехмед-гирей посадил раненого Каспулата на своего коня и отвез в безопасное место. Когда же в другой раз Мехмед-гирей отбивался саблей сразу от трех врагов, Каспулат подъехал и с трех десятков шагов перестрелял их из лука как куропаток. С тех пор они сражались бок о бок, не отдаляясь далеко друг от друга. И по торговым делам часто гостили друг у друга.

Каспулат даже отдал маленького пятилетнего Джамбота в аманаты – на воспитание своему крымскому другу. Мальчик прожил в Крыму до двенадцати лет. Ему сделали обрезание, научили арабской грамоте и нескольким основным молитвам. Хорошим товарищем по играм и учёбе был сын хозяина дома Девлет. Они вместе учились бороться, стрелять из лука, ездить на лошадях. В двенадцать лет Джамбот был торжественно возвращён в дом отца.

Каспулат, признающий только адыгэ хабзэ, не знал, какую религию предпочесть. Ему было всё равно. Но для того, чтобы сын выучил язык итальянцев, отдал его на воспитание миссионеру, отцу Франческо. Тот тайне от Каспулата окрестил мальчика, и юный Джамбот стал ходить по козьей тропке в церквушку на холме, сложенную из камня.

От природы способный к языкам, он довольно быстро выучил латинский и итальянский. Проблемы возникли потом, потому что юный кабардинец, как настоящий Фома, ничего не принимал на веру.

– Вот Иисус говорит: ударили тебя по щеке, подставь другую. А если скажут – голову тоже под саблю подставлять? Адыгэ хабзэ правильно учит: кровь надо смывать кровью, – спорил он.

Что мог ответить старый Франческо? Он понимал, что среди этого полудикого народа кротость и воспрещение, так же, как и многие другие христианские добродетели, не пустят корни. Поэтому только простые крестьяне, которым были ближе идеалы христовы, приходили в церковь молиться. Князья же и урки под влиянием Крыма и далекой Турции всё больше и больше втягивались в магометанство.

За тридцать лет своей миссионерской деятельности Франческо полюбил этот народ и понял, что черкесы вполне могут обойтись без

великих религий. Закон адыгэ хабзэ коротко и четко регулировал отношения между людьми. Но черкесы жили поблизости от сильных мусульманских государств. Вынужденно отдавая мальчиков в аманаты, на воспитание, они получали потом готовых проповедников ислама. А с падением Константинополя за христианством закрылись двери. С такими невеселыми мыслями засыпал миссионер в своей церквушке.

Совсем в другом настроении, чему немало способствовало выпитое за ужином вино, засыпал итальянский купец Джованни Сакконе. Еще год назад в Каффе Мехмед-гирей рассказал ему о сыне своего кабардинского кунака, который прекрасно владеет и луком, и конем, и саблей. После стычек с врагом оставляет лежать на земле трех-четырёх противников. А также знает татарский, арабский и итальянский. Эти качества идеально подходили для купца, такой человек может стать незаменимым помощником и телохранителем. Торговля Джованни процветала, но постоянные проблемы в общении с чужеземцами сильно раздражали его и мешали торговле. Тем более, этот парень мог достаться ему почти задаром. Некоторые услуги, которые он оказывал Мехмед-гирею, сыграли свою роль.

Как-то, раздраженный тем, что его не понимают покупатели, Джованни обратился к татарскому мурзе:

– Мехмед-гирей, давай съездим за этим парнем в Кабарду, я никаких денег не пожалею для его отца.

– Его отец – мой хороший кунак, – нахмурился Мехмед-гирей. – Он не продаст сына, но мне, если я ему всё хорошо растолкую, уступит просто так. Сделаешь ему небольшой подарок, он будет рад. Подари ему хорошую гемуэзскую саблю. У Джамбота очень пытливый ум. Насколько я знаю, он мечтает о путешествиях и приключениях. Я думаю, отец отпустит его. Давай собираться в дорогу.

Так кавалькада татар и купец-итальянец оказались под гостеприимной крышей дома Каспулата.

Наутро были назначены скачки. Мужчины и старики поднялись на холм, вокруг которого должны были скакать всадники. Когда все уселись на захваченные с собою коврики, лошадей построили в линию. Дали старт платком, и всадники помчались вперед. В конце дистанции на палке висел кусок материи, который должен был схватить первый из всадников.

Проскакав галопом третью часть круга, обозначились лидеры – Джамбот на Саладине и Ахмед на Пыте. Зрители, вскочив со своих мест, криками и свистами подбадривали всадников. Джамбот и Ахмед скакали вровень, не уступая друг другу более чем полкорпуса. Наконец, с разных сторон одновременно подскакав к палке, Ахмед первым схватил платок, а Джамбот – палку, которую в сердцах отбросил в сторону.

Каспулат и Мехмед-гирей подозвали Ахмеда к себе и вручили ему главный приз – гемуэзскую саблю. Ахмед пришел в неопиcуемый

восторг и, поблагодарив, скромно отошел в сторону, рассматривая свой приз.

Джованни подозвал удрученного Джамбота и сказал по-итальянски: «Ты не проиграл, просто тебе не повезло, вот тебе подарок для матери», – и дал ему кусок красивого сукна. Мужчины вокруг одобрительно закивали.

Солнце стало припекать, и зрители потянулись в аул, в спасительную тень домов и деревьев. Джованни решил времени не терять, разложил во дворе свои товары и попросил двух подростков пробежаться в разные концы аула оповестить жителей о начале торговли. На сукне лежали бархатные и парчовые ткани, шёлк, медные и железные орудия для работы в поле и дома. На отдельном ковре лежало оружие: сабли, кинжалы, луки со стрелами, палицы. Молодежь окружила этот ковёр, обсуждая то или иное оружие, восхищаясь богатством отделки клинков.

Наконец, стемнело. Купец со своим помощником сложил товар, упаковал по повозкам и подозвал Джамбота под дерево, где был разостлан большой ковёр. Джованни сам сел по-турецки и, пригласив молодого человека присесть рядом, начал беседу по-итальянски.

– Как ты думаешь, зачем я испытывал твое умение стрелять из лука, бороться, на лошади скакать?

– Не знаю. Зачем это вам нужно?

– Сейчас объясню. У вашего священника ты какие книги читал?

– Первым делом Библию, писания святых...

– А Плутарха, например?

– Да, и его, и Геродота, Тита Ливия, Саллюстия...

– Хватит, хватит, – остановил его Джованни. – А скажи, читая это всё, ты не хотел своими глазами увидеть то, о чем там написано.

– Я больше всего хотел бы путешествовать по миру.

– Вот это я тебе и предлагаю. Мне нужен хороший толмач и телохранитель. Я предлагаю тебе отправиться со мной, помогать в торговле. С твоим отцом я уже договорился. Слово за тобой.

– Я согласен! – немедленно воскликнул Джамбот.

– Решено. Завтра выезжаем, – сказал купец и пошел к Каспулату объявить об отъезде Джамбота вместе с ним.

– Согласился всё-таки. Я был уверен в этом, он не может на месте сидеть, – сказал отец. – Пойду объясню всё матери.

На женской половине слышались плач, причитания, потом всё стихло, и мать с сестрами стали готовить юношу в дорогу. Во дворе отец подозвал сына к себе.

– Джамбот, этот человек может сделать тебя богаче любого князя в Кабарде. Слушай его, учись у него. Он плохому не научит. А теперь сходи к своему падре, он многое тебе дал, нехорошо уезжать, не попрощавшись с ним.

Было совсем темно, когда Джамбот по тропинке прибежал к церквушке. Отец Франческо стоял в дверях.

– Уезжаешь? – спросил он.

– А откуда...?

– Люди молиться приходили. Они толком не знали, к чему все эти соревнования. Я сам догадался. Соблазнил тебя этот купец своим золотом.

– Падре! Вы же сами пророчили мне такой удел. Должен же я сам увидеть и римский Колизей, и афинский Акрополь, да и лишний золотой в кармане никогда не помешает.

– Ты прав, сын мой. Просто я привык к тебе. С кем я буду спорить, кого учить? С теми, кто остаётся, ни о чём, кроме сельских сплетен, не поговоришь. Прощай, сынок, пусть бог освещает тебе дорогу, – и Франческо, не в силах сдержаться, обнял парня за плечи.

– Спасибо, падре. Я думаю, рано вы себя хороните, мы ещё увидимся. До свидания, – попрощался Джамбот и спустился вниз.

Наутро отец разбудил Джамбота чуть свет. Юноша вышел во двор и поразился бурной энергии, которую проявлял Джованни со своим помощником. Мехмед-гирей тоже покрикивал на своих.

– Надо торопиться. До темноты мы должны на Татарском камне. Там безопасно ночевать, – торопил татарин.

Наконец, обоз тронулся. Джамбот посчитал всех. Кроме них троих было еще двенадцать татар и пять пленников со связанными руками, которых подгоняли плетьюми. «То-то он к Татарскому камню стремится. Напади сейчас отряд ногайцев, человек двадцать, и прощай поездка, сами бы в Каффу рабами пришли».

На место обоз прибыл затемно. Около двадцати костров встретили их. Мехмед-гирей спешился, подошел к ближайшему костру, переговорил там о чем-то и вернулся.

– Вот здесь, с краю, разводите огонь, – сказал он, и все сразу засуетились. Наскоро поужинав и выставив часовых, все заснули крепким, но чутким сном.

Утром Мехмед-гирей договорился со своим знакомым, татарским мурзой, который вёл из России около семидесяти рабов и несколько подвод с награбленным добром. Его сопровождала сотня воинов. Под их защитой отряд Мехмед-гирея мог спокойно добраться до Каффы.

Через десять дней караван без особых тревожений прибыл в Каффу.

– Когда же море? – изволил Джамбот итальянца.

– Уже добрались, вон на том пригорке будет видно.

Джамбот хлестнул своего Саладина и выехал на холм. Так же, как и любого, кто в первый раз увидел море, оно его поразило. За восемь лет он успел забыть это зрелище. Солнце уже садилось. Подъехал Джованни и стал рядом.

– Волшебная картина, нерукотворное чудо, – сказал он.

Дорога вела вниз, и они спустились с пригорка. Проехав десятка два домов, остановились. Приказчик и ещё один слуга открыли ворота, завели повозки во двор.

– Добро пожаловать, хозяин, – сказал приказчик, низко кланяясь.

– Привет, висельники! – отозвался Джованни. – Сколько без меня наворовали?

– О, мадонна! Хозяин, что вы такое говорите? Торговля ваша идет хорошо, а нам и того жалованья, что вы даете, вполне хватает.

Мехмед-гирей попрощался, но попросил, чтобы завтра к ужину они оба были у него в гостях. Кликнул своих татар и поскакал домой.

Слуги устроили путешественникам обильный ужин, сопровождаемый хорошим итальянским вином.

Утром Джованни дал выспаться своему молодому гостю, подождал, пока он сам встанет, пожелал ему доброго утра и пригласил завтракать. За едой купец объяснил Джамботу, как вести себя на рынке.

– Главное – ничему не удивляться, не ввязываться ни с кем в какие-либо споры. Если увидишь рабов-черкесов, проходи мимо. Мне самому больно на душе, когда я вижу рабов-итальянцев, но так устроена жизнь, каждому бог определяет его судьбу.

Позавтракав, они стали одеваться. Джованни надел свою обычную одежду, а Джамботу выбрал один из имеющихся на продажу итальянских костюмов, который парню весьма понравился.

Слуги уже погрузили товар на одну телегу, впрягли мулов и стояли, ожидая дальнейших указаний.

Джамбот хотел было седлать Саладина, но купец остановил его.

– На рынке такая толпа, что пешим едва протолкнешься. Прогуляешься, посмотришь на товар, на людей, в море искупаешься. Не разучился плавать за десять лет?

– Нет, мы с Девлетом с семи лет как рыбы плавали.

Рынок был в двадцати минутах ходьбы. Они подъехали к своей лавке, разгрузились, разложили товар и сели в ожидании покупателей.

– Я здесь буду торговать, а ты пока прогуляйся по рынку, в море искупайся.

Джамбот этого и хотел. Море было в ста шагах от рынка, и, он, раздевшись, кинулся в теплую воду. Немного поплавал, потом, набрав в легкие как можно больше воздуха, нырнул. Неясные очертания бурозеленых водорослей, крепко уцепившихся за подводные камни, стайки мелких рыбёшек открылись глазам Джамбота в прозрачной воде. Дальше, на глубине, он увидел раковины рапанов, какие они с Девлетом собирали в детстве. Вынырнув, посмотрел на берег и обнаружил стайку ребятишек возле своей одежды, тут же поплыл обратно. Ребятишки, увидев его, быстро разбежались.

Дав телу обсохнуть, Джамбот оделся и зашагал к рынку. Стал ходить между рядами, останавливаясь возле некоторых привлекавших его внимание лавок. Долго стоял возле лавки венецианца, продающего различные стеклянные предметы. Вертел в руках вазы, стаканы, кувшины, смотрел через них на солнце.

– Берите, синьор, не пожалеете, – предложил венецианец.

– Возьму, когда соберусь домой ехать, – уклонился Джамбот.

«Мать и сёстры сильно обрадуются таким подаркам, – подумал он, – но ничего, даст бог, и не такое привезу им, если с Джованни дело хорошо пойдет».

– Вы из Неаполя, синьор, акцент у вас южный? – спросил словоохотливый венецианец.

– Нет, синьор. Я из Пятигорья, из Кабарды. Восемь лет итальянскому языку обучался у священника-неаполитанца.

– Погодите. Так вы знаете родной язык, татарский и итальянский? Вы и впрямь ценная находка. Идите ко мне на службу, – предложил купец.

– Нет, я уже служу у одного генуэзца.

– Уж не Джованни ли Сакконе тебя сманил, он часто в Черкесию ездит? Что же, человек он достойный, уважаемый. Слово своё держит, в беде не отказывает. Он очень богат, один из самых богатых людей в Генуе.

Внезапно Джамбот оцепенел, открыв рот от удивления. По ряду шли двое купцов в обычной восточной одежде, а за ними голый по пояс человек с совершенно черной кожей нёс какой-то мешок.

Из оцепенения юношу вывел купец.

– Ты что, первый раз негра увидел? – развеселился он. – Пройди тогда ещё сто шагов вон в ту сторону, увидишь помост. На нём людей со всего света продают.

Поблагодарив итальянца, Джамбот пошел в указанном направлении. Там действительно стоял помост в половину человеческого роста. На нём и вокруг стояли, сидели, лежали люди действительно любой наружности и цвета кожи. Внизу тоже сидели люди, не уместившиеся на помосте. Пробираясь сквозь толпу, Джамбот чуть не порвал свое платье, но протолкнулся к помосту.

Рабы сидели связанные по одному и попарно. Джамбот внимательно следил за тем, как продавали рабов. Некоторых покупали целыми семьями, от стариков до внуков. Других же, наоборот, разлучали – мужа от жены, ребенка от матери. В Джамботе зажглось чувство несправедливости происходящего, но он хорошо помнил наставления Джованни – ничему не удивляться и подавлять свои страсти.

Не в силах смотреть на это Джамбот зашагал прочь. Он пропустил лавки с холстами, различными тканями, шёлком, медника с его котлами, кувшинами и различными мелочами. Солнце стояло в зените, когда

Джамбот вспомнил, что пора возвращаться. Он быстро нашёл свою лавку и удивился. У Джованни был самый большой выбор товаров.

– Ну, как тебе рынок? – спросил купец.

– Очень удивил. Люди всех цветов кожи, десятки различных языков, товары на любой вкус, но сильнее всего тронул меня рынок рабов.

– Да, Джамбот, простая душа... И у меня по молодости так было, потом привык. Если бог допускает всё это уже тысячи лет, то почему мне не воспользоваться этим. Если не я, то другой будет на этом деньги делать. Мамлюки – знаешь кто такие?

– Да, мне рассказывали.

– Так вот, совсем мальчиков, от шести до шестнадцати лет, я их привозил в Египет. Они не работают, как рабы. Их воспитывают в военных традициях, их не гложет тоска по родине. Остальное население – феллахи – работают на них. Красивые девушки и женщины попадают во дворцы эмиров и султанов. Ну да ладно. Пора начинать нашему ремеслу учиться.

И он начал объяснять, что и за какие деньги можно продать, купить или обменять. К вечеру у молодого человека голова распухла от всего услышанного и увиденного. Джованни, видя, что он уже мало что понимает, оставил это дело и приказал сворачивать товар и грузить на подводу.

– Ты не забыл, что нас Мехмед-гирей на ужин приглашал? – спросил он.

– Нет, не забыл, только вот голова пухнет.

– Это у тебя от обилия впечатлений. Ничего, сейчас вино разгрузит тяжесть в твоей голове.

Вернувшись, Джованни надел праздничное платье, нацепил саблю, и они вывели уже осёдланных лошадей за ворота и поскакали. У Мехмед-гирея их уже ждали. Ворота были открыты, всадники заехали во двор. Тотчас подскочили два мальчугана, взяли под уздцы лошадей, гости спешили, а лошадей повели к коновязи.

Под навесом была ровная площадка, на которой лежали большой ковер и подушечки.

– Садитесь, гости дорогие. Гости издалека тем более в почёте, – приветствовал их хозяин.

Они удобно уселись, но итальянец вдруг встал и, подойдя к лошади, вынул из хурджина бутылку вина. Вернулся и сел на почетное место.

– Не будем оскорблять мусульманина в его собственном доме, – сказал он. – Так что, Гирей, я тебе не предлагаю.

Мехмед-гирей понимающе улыбнулся.

Джамбот и Джованни выпили вина и стали закусывать. Вдруг раздался топот копыт, и, держа коня под уздцы, во двор зашёл Девлет – старший сын хозяина. Он привязал коня к коновязи и пошёл к гостям. Уже смеркалось, и он с трудом разглядел сидящих. С Джованни, которого

он хорошо знал, они радушно обнялись. В молодом же человеке было что-то очень знакомое.

– Здравствуй, Девлет. Видать, я сильно изменился, – с улыбкой сказал Джамбот.

– Джамбот! Братишка! – и, не в силах сдерживать овладевшие им чувства, Девлет крепко обнялся с другом.

– Идите сюда и садитесь оба, – приказал хозяин.

– Как, отец, мне же нельзя? – удивился сын.

– Сегодня разрешаю. Это общение пойдет вам на пользу.

Молодые люди подошли и сели. Тотчас перед Девлетом появился столовый прибор, и он с аппетитом закусил.

– Так вот, дорогой Гирей, сходил сегодня наш юный друг на невольничий рынок, и его, как сердце стрелой, пронзила несправедливость жизни. Я тоже в пятнадцать лет, когда был юным, негодовал, но быстро привык. Работорговля сейчас – самое выгодное дело, – говорил купец.

– Извините, вы неправильно меня поняли, хозяин. Это я сгоряча, уж больно несчастными они выглядели. И Христос рабство допускает, и Магомет. Просто у меня был такой юношеский порыв. Уже всё прошло. Я сам в набегах участвовал. Несколько человек убил, вдвое больше в плен взял. Отдал отцу, он таким же купцам их и продал. Я принимаю жизнь, какая она есть, со всеми её недостатками.

– Вот слова не мальчика, но мужа, – похвалил Мехмед. – А ты, Девлет, сколько раз в набеги ходил – три, и что же домой принес? Трёх раненых пленников на арбе, кувшины, немного серебра, посуду всякую. Вот отправляйтесь в набег с Джамботом, там и посмотрим, кто какой воин.

– Напраслину возводишь на сына, – постарался успокоить его итальянец, – твой сын хороший воин, просто ты много от него требуешь. Я поеду в Геную в ноябре, а сейчас июль, пускай сходят пару раз в набег, я не уверен, что твой сын в чем-то уступит Джамботу.

– Зато я знаю, в чем Джамбот уступит Девлету – в распушенности.

– А, это ты про лачужниц – гречанок, итальянок – говоришь? Днём какой-то мелочью торгуют, а ночью – телом.

– Отец, я мужчина, мне двадцать лет, что же мне ещё делать? – насутился Девлет.

– Да я тебя особенно не ругаю, а вот Джамбота завтра же вечером своди к кому-нибудь. Каспулат сам попросил меня об этом. Неужели у него рабынь подходящих нет?

– Нет. Только мужчины-унауты работают в доме и в поле. Да и отец Франческо учил меня подавлять свою плоть, – ответил Джамбот.

– Есть люди со скромными запросами, – вмешался итальянец, – в них не бурлит кровь, им страшен бой, они не думают о чести, о славе, о богатстве. В них нет гордости. Такие люди в основном и идут в священники и монахи. Сколько сейчас монахов в Европе? Сотни тысяч. Да их

в рыцарские доспехи одеть и отправить на бой, так они всю Азию завоеуют. Они в монастырях день и ночь стоят на коленях, молятся, какие-то хозяйственные дела делают, а вечером монастырского вина напьются и спать, – негодующе закончил итальянец и приложился к чаше с вином.

Он хорошо выпил и его потянуло на философию.

– Вот таких священников, как твой отец Франческо, я уважаю за то, что среди чужого полуязыческого народа они готовы нести своё учение. Но у него ничего не получится. Турки и крымцы настойчиво внедряют ислам, гонят христианство прочь. Вера приходит с огнём и мечом. Вон арабы постоянными войнами завоевали северную Африку, Испанию, половину Азии и силой внедрились ислам. Теперь турки всю стараются. Только армяне и грузины сохранили христианскую веру, она у них уже более тысячи лет, у них есть письменность, они сохраняют в книгах свою веру. Но турки веротерпимый народ, в их городах действуют христианские церкви. Плати деньги и исповедуй любую религию. Чёрт бы побрал этих османов. Сто, двести лет назад генуэзцы по всему Черному морю хозяйничали, сколько крепостей, торговых факторий было. Купили монополию у византийского императора и привольно жили, плавали, торговали. А теперь? Без султанского фирмана попробуй проскочить через Босфор, поймут – и в рабство на галеры, – закончил захмелевший купец.

– А что такое галеры? – спросил Джамбот.

– Самая страшная для раба участь, не дай бог тебе туда попасть, я тебе завтра покажу, – ответил Джованни. – Ну, пора и честь знать, – встал он с ковра, – спасибо этому дому и гостеприимному хозяину.

И гости, сев на лошадей, поскакали домой.

На следующий день Джамбот продолжал постигать хитрую науку торговли. Он учился тому, как зазывать покупателя, приветствовать его, как торговаться, что больше всего ему не нравилось.

– Ничего, к этому тоже привыкнешь, без этого нет торговли, но ладно, ты вчера хотел узнать, что такое галера. Сделаем перерыв, я тебе всё сейчас покажу.

Они оставили товар слугам и пошли к морю. Там, взяв лодку, поплыли к одному из кораблей, стоявших на якоре. Оттуда спустили трап, и они поднялись на борт. Тотчас к Джованни подскочили несколько человек и старший стал докладывать о состоянии на корабле. Джованни внимательно его выслушал, потом спросил одного.

– Эй, аргузил, как там твои подопечные, не болеют?

– А что с ними будет, кормим-поим, – отвечал тот, – посмотрите сами.

Они спустились вниз. Сразу ударил в нос неприятный запах, потом, когда глаза привыкли к темноте, Джамбот увидел проход и сидящих по обе стороны от него людей на лавках, к которым они были прикованы

попарно. В руках они держали весла. Глаза большинства из них ничего не выражали, лишь некоторые, кто с интересом, кто со злобой, смотрели на хозяина.

– А как же они свою нужду справляют? – спросил Джамбот.

– Аргузил, начальник над гребцами, их отцепляет, они идут на корму, там всё удобно сделано, а матросы каждый день смывают нечистоты в воду.

Джамбот, нахмурившись, разглядывал эту неприятную картину.

– Ладно. Фортуна с ними не дружит. Пойдём, ты, наверное, хочешь посмотреть, как плавает корабль. Идём наверх, – и они поднялись на палубу.

– Эй, капитан! Ну-ка давай проплывем несколько миль, а то гребцы и матросы застоялись, – приказал купец.

Сразу всё пришло в движение, матросы засуетились с парусами, аргузил спустился вниз, и вскоре оттуда послышались резкие команды. Судно сдвинулось с места и, набирая скорость, поплыло вперед.

Джамбот посмотрел вниз и увидел, как, повинувшись командам и барабанному бою аргузила, гребли весла.

– Это орудие-пушка? – спросил он, увидев странные предметы, стоявшие по обе стороны галеры вдоль бортов.

– Да. В них главная сила корабля. Вот этой штукой, – купец показал на ядро, – можно пробить борт вражеского корабля или крепостную стену, а это картечь, ею стреляют по матросам противника.

Джованни показал юноше руль и объяснил, как он работает, потом перешёл к мачтам, парусам, объясняя по ходу их действие.

Галера развила довольно большую скорость. Джамбот, свесившись, наблюдал за медузами, вспоминая, как в детстве они с Девлетом ловили их, клали на нагретые солнцем камни, и медузы таяли. Вдруг он увидел что-то черное, вынырнувшее из воды и исчезнувшее, потом ещё и ещё.

– Это дельфины, – объяснил подошедший Джованни, – самые умные рыбы в морях. Есть предание, что это люди, которых за какую-то провинность боги превратили в рыб. У нас в Генуе они почти ручные, плавают вместе с детьми, играют. Говорят, они даже спасают потерпевших кораблекрушение.

Корабль развернулся и поплыл обратно.

– Ну что, черкес, это тебе не по горам лазить, – сказал Джованни, спускаясь по трапу в лодку.

Джамбот не мог скрыть восхищения.

– Я тридцать пять лет плаваю, уже, казалось бы, должно надоест, а как пушусь в плавание, радуюсь, вот как ты сейчас. Но ты ещё в буре не побывал. Вот тогда я пойму, выйдет из тебя моряк или нет.

– А что такое буря в открытом море? – заинтересовался Джамбот.

– Это как конец света, волны через корабль перехлестывают, ветер мачты ломает, паруса рвёт, короче, сам увидишь.

Они высадились на берег и пошли в лавку. Многие встречные уважительно приветствовали купца.

«Да. Он и вправду один из самых богатых и уважаемых людей в этом городе», – думал Джамбот.

В лавке купец продолжал учить молодого человека хитрой торговой науке. Джамбот старался запомнить сложные соотношения одного товара с другим, как надо реагировать на спрос и предложение. Джованни был доволен учеником, который схватывал всё на лету.

Вечером, когда стемнело, к дому итальянца подскакал Девлет. Джамбот взял протянутую купцом монету, поблагодарил его, оседлал Саладина и они тронулись. Проехав опустевший рынок, друзья вскоре приблизились к кривой улочке, по обеим сторонам которой стояли лепившиеся друг к другу лачуги. Возле одной из них остановились. Девлет спрыгнул с коня, зашёл в одну из лачуг и почти сразу вышел.

– Давай, друг, заходи. Её зовут Замира, она всё сама сделает, – сказал Девлет, взял под уздцы Саладина и присел на большое бревно, заменяющее здешним обитателям скамейку.

Через час молодой человек вышел из лачуги. Только темнота могла скрыть его довольную физиономию.

– Поздравляю, Джамбот, теперь ты настоящий мужчина. Ну, как тебе понравилась Замира? – спросил татарин.

– Понравилась, а что есть другие, получше?

– Намного лучше, но и стоят намного дороже.

Поболтав о том о сём, друзья разъехались по домам.

Дни пошли своим чередом. Джамбот учился торговать. Черкесов, подходивших к его лавке, он обслуживал сам. Приходил Девлет, один и с друзьями. Так Джамбот заводил полезные знакомства. Один раз Девлет пришел с каким-то крупным, но не толстым татаринном.

– Это Мехти, наш предводитель, – представил он спутника, который сразу перешел от слов к делу.

– Ты, говорят, в набеги ходил, богатую добычу привозил?

– Есть такой грешок, – уклончиво отвечал черкес.

– Через три дня поедешь в набег с нами?

– Да хоть завтра, пора бы и косточки поразмять. – обрадовался Джамбот.

– Завтра у нас сбор, познакомишься со всеми нашими, покажешь своё умение. После обеда отпросись у хозяина.

Вечером Джамбот всё рассказал хозяину. Тот одобрил это дело, но сначала попросил юношу показать кольчугу, возмутился и дал молодому черкесу свою.

– А твою я Петру-оружейнику отдам, он её подлатает.

На следующий день около двадцати наездников Каффы собрались возле большого тенистого дерева, стоящего одиноко посреди голой степи.

Для начала устроили скачки. Мехти послал юного татарина стоять в миле от дерева и держать два платка – первому и второму всаднику. Был дан старт, и наездники, обгоняя друг друга, поскакали за платками. Джамбот резко выскочил вперёд, но от него ни на шаг не отставал татарин на прекрасном арабском жеребце. Цели они достигли вместе, но юноша дал первый платок татарину, а второй черкесу.

«Свой своему даёт», – раздражённо подумал Джамбот, но ничего не сказал, вернувшись обратно.

– Ты чуть не выиграл у лучшего наездника Каффы, – поздравил его Мехти. – А сейчас стреляем из лука.

Они отъехали на пятьдесят шагов от дерева, и Джамбот с легкостью повторил то, что он показывал дома.

– Да. Вот таких стрелков у нас нет. Учитесь, не ленитесь и будете стрелять, как он, – пристыдил Мехти сгрудившуюся возле него молодежь.

Затем упражнялись в набрасывании аркана, и здесь Джамбот был одним из лучших.

– Сколько тебе лет? – спросил один из старших татар.

– Двадцать, – ответил черкес.

Вокруг одобрительно закивали головами. В набегах от него будет ощутимая польза.

– Молодец, – снова похвалил Мехти, – утёр нос моим бездельникам. Через два дня на утренней заре все, кто захочет, собираемся здесь, у этого дерева. Провизию берите дней на шесть-семь каждый. Берите побольше арканов, пленников должно быть много. Всё, теперь по домам.

Возвращаясь, Мехти подъехал к Джамботу.

– А знаешь, кто навёл нас на аул, который мы будем грабить? Абазинец из того же аула, его изгнали, чуть не убили, вот он и хочет отомстить обидчикам.

– Плохой человек. Если натворил дел, опозорил свой род – уходи в другой аул. Дадут участок земли – живи, работай.

– Нет, работать он не будет, абреком решил стать. Я его проверял, он не трус и сражаться по-всякому может, но всё равно предатель, не лежит к нему душа, – заключил Мехти. – А тебе советую поупражняться в метании аркана.

На заре назначенного дня наездники собрались возле дерева. Мехти критически осмотрел всех, сделал несколько замечаний.

– Ну что. В добрый час. Поехали.

Они ехали вдоль границы леса, через реки, чтобы, если внезапно встретившегося противника будет больше, спрятаться в лесу, а если меньше – напасть на него. Небольшие горы, покрытые лесом, и ложбинки

между ними составляли весь пейзаж. К вечеру третьего дня абазинец остановил отряд.

– Вот за этой горой стоит аул, – хмуро сказал он.

– Поехали на разведку, – сказал Мехти абазинцу и Джамботу.

По горе шла тропа, по которой явно ходили коровы. Значит, и лошади пройдут. Аул был словно прилеплен к горе и его можно было объехать с двух сторон. Абреки решили оставить восемь человек, хуже всех владевших арканом, спуститься с горы и нападать с огородов, встречая тех, кто попытается скрыться в лесу. Остальные, по шесть человек с обеих сторон, должны ловить арканами выбегавших на улицу мужчин. Тщательно обсудив свой план, абреки уснули, выставив дозор.

Утром, разделившись на две партии, они вошли в аул. Раздался громкий свист, и нападение началось. Пытавшихся скрыться в лесу встречали арканами и стрелами. По улице взад и вперед носились всадники, кидая арканы на выбегавших. Пытавшихся сопротивляться били палицами и стрелами. Джамбот, как и сказал ему Мехти, носился взад-вперед, стреляя из лука, чем спас немало крымцев. Вскоре всё закончилось.

Всех жителей, кроме самых старых, сгоняли к центру аула, где их крепко связывали. Мужчин, не получивших ран, было человек тридцать, ещё столько же раненых. Слышались женские причитания и детский плач.

Мехти выехал на середину и крикнул:

– Абазы, вы поедете с нами. Женщины, дети и легко раненные поедут на повозках. Если кто-то попытается сбежать, то, клянусь Аллахом, я отрублю его тупую голову. Женщины, берите котлы и сварите для всех побольше мяса, дорога будет трудной.

Он оставил человек десять с обнаженными саблями стоять и караулить пленных. Остальные пошли по аулу собирать всё, что представляло какую-либо ценность. Выгнали всех коров в одно стадо, отдельно овец и коз. Наконец, собрав три повозки с награбленным добром, абреки, плотно пообедав и накормив пленных, тронулись в обратный путь.

Через пять дней без особых приключений обоз добрался до Каффы. Приехав домой и наскоро поздоровавшись с родными, наездники собрались во дворе у Мехти, чтобы поделить награбленное добро. Каждому досталось по одному-двое здоровых мужчин и по одному раненому. Мужчинам семейным отдали их жён и детей. Потом стали делить посуду, одежду, сельские орудия, сабли, кинжалы и всё остальное.

Джамбот привел своего хозяина, чтобы не обидеть никого своим выбором. Ему достались двое мужчин и две девушки. Потом, по указке Джованни, он взял красиво инкрустированный кинжал, осмотрел его, проверил остроту и крепость клинка и остался доволен. Он показал кинжал стоявшему недалеко Мехти, тот понимающе улыбнулся.

– Джованни, выбери за меня, пожалуйста. Я плохо ещё разбираюсь, что и сколько стоит, и не хочу никого обидеть.

Они обошли кругом все повозки, взяли ковры, подушечки, кое-какую посуду. Потом разделили животных. Каждому досталось по две коровы и по двенадцать овец и коз.

– Что ж, поскольку рабыни у нас уже есть, одну корову оставим, другую продадим, будут у нас свой сыр и сметана. Мелкий скот я продам тем, кто этим специально занимается.

– Как скажешь, Джованни, я тебе доверяю, – сказал Джамбот.

– Женщин пока поместим в гостевые комнаты, потом слуги построят им новую хибару.

Погрузив всё на повозку, посадив туда женщин и связанных мужчин, они поехали домой, гоня впереди стадо овец и коров. Дома Джованни подозвал женщин и объяснил им, что теперь это их жилище, повел на кухню, всё показал, разъяснил их обязанности.

– Нико, – сказал он слуге, – на первых порах помогай им, показывай, что где лежит, как и что им делать.

Женщины им достались симпатичные, младшей, Куне, было восемнадцать. Старшую звали Маца. От хорошего обращения они оттаяли, стали улыбаться и шутить. Первым не выдержал Джамбот. Он несколько дней присматривал за Куной, потом велел перенести её кровать в свою комнату. Через неделю дрогнуло сердце и у Джованни, и он стал жить в одной комнате с Мацей.

Женщины были весёлые, жизнь в доме заметно изменилась. Доволен был и Нико, исполнявший до этого обязанности повара.

Всё шло своим чередом. Лавка, дом, торговля. Джованни не мог нарадоваться, глядя, как быстро его помощник учится торговой науке. Джамбот старался изо всех сил. Время от времени он седлал коня и носился по степи, а ещё совершенствовался в метании аркана.

Они с Девлетом сходили в ещё один набег, добычи привезли больше, чем в первый раз, но Джамбот получил хорошую шишку от удара палицей. Джованни сильно разволновался, однако через неделю всё зажило.

Как-то вечером зашел Девлет. Накрыли стол, принесли вина. Молодой татарин, как и его отец, тайком не прочь был выпить. Они уже достаточно захмелели, молодые люди обсуждали свои абрекские дела, как вдруг Джованни, перебив юношей, рассказал, что и он грешен по части разбоя.

– Плавать я начал в пятнадцать лет простым матросом, а в двадцать лет попал в плен к пиратам-корсиканцам. У них там на Корсике ни клочка земли, скалы да камни. Поэтому, родившись на Корсике, трудно не стать пиратом или солдатом. Попросился я тогда к пиратам, не хотелось на рынок рабов попасть, а так как я хорошо владел оружием, меня приняли в своё братство. Десять лет я был настоящим пиратом, пока не сколотил кругленькую сумму, чтобы заняться торговлей. Но вот смотрю на вас, молодых, и у самого грешные мыслишки появляются. Услышал я на

рынке, что из Грузии через Каффу большой корабль идёт, на котором почти сто пятьдесят невольников помещаются. Он станет здесь на сутки на якорь, чтобы пополнить провизию и прикупить рабов. Ночью бы напасть на него! Огромный барыш будет, если потом продать и корабль, и рабов в Константинополе.

– А сколько в нем воинов-стражников? – спросил Девлет.

– Человек пятьдесят-шестьдесят, – ответил купец.

– Как же нам туда соваться, перебыют нас как мух.

– Не скажи, – возразил Джамбот, – сколько мужчин было в том абазинском ауле?

– Где-то семьдесят.

– А нас было двадцать. Надо подумать. Может быть, можно их какой-нибудь хитростью взять ради такого куша?

– Я знаю одно средство, – сказал Джованни. – Напоить их вином, чтобы все заснули замертво, залезть на корабль и перебить тех, кто будет сопротивляться. Я могу изготовить вино-снотворное, все, кто хоть стакан выпьют, заснут.

– А часовые? – спросил Девлет.

– Их незаметно заколоть или заарканить. Потом подать знак остальным, которые будут ждать в лодках. Они на верёвках поднимутся на борт и тогда можно связать всех матросов, а сопротивляющихся заколоть.

– У меня есть идея, – добавил Джамбот. – Когда они приплывут, я попрошусь к ним, чтобы меня довели до Константинополя, а со мною, мол, двое слуг: Девлет и ещё один пошустрее. Ночью напоим всю команду, уберём часовых и подадим знак команде наших. Только какой знак, я не знаю.

– Я знаю, – сказал купец. – Там на носу горит масляная лампа. Можно помигать ею, это и будет знак. Мы разместим ваших абреков на моей галере и будем стоять в полумиле от корабля. Как подадите знак, мы спустим шлюпки, подплывём к вам и по верёвкам залезем на борт. Тех, кто не спит, переколем, остальных свяжем и присоединим к рабам. По-моему, можно рискнуть.

– Да, интересный план, надо хорошо подумать, – сказал Джамбот.

– Да что тут думать! Договоримся с капитаном. Я дам ему двух рабов, ты своего одного, и если он настоящий работороговец, то не устоит перед такой выгодной сделкой. Когда он будет здесь, Джованни? – спросил Девлет.

– Я думаю, послезавтра.

– Ну вот. Завтра соберем всех наездников, расскажем им всё в деталях, чтобы послезавтра были готовы. Джованни, среди твоих матросов найдутся нам помощники?

– Есть у меня несколько бесшабашных ребят, думаю, шесть-семь человек найду.

– Итак, двадцать-двадцать пять человек у нас уже есть. Я готов рискнуть, – сказал Джамбот.

– Ну, раз все согласны, – заключил купец, – я тоже рискну поразмять мои старые косточки. Я завтра буду вино готовить, а вы езжайте к Мехти и объясните ему доходчиво всё, что мы решили сделать.

– Да, – сказал Девлет, – пора домой. Да поможет нам Аллах.

Джамбот проводил Девлета и простился с ним. Куна уже спала, и он полностью отдался размышлениям о задуманном предприятии. Смогут ли лихие наездники оставаться такими же на корабле? Вот она жизнь на самом деле! Опьянение от вина, от женщин, от боя. Сколько в мире удовольствий и развлечений. Невозможно, как отец Франческо, всю жизнь подавлять свою плоть, по крайней мере, в молодости. С этими мыслями он и заснул.

Утром, оседлав Саладина, он сперва просто ради удовольствия сделал круг вокруг Каффы и подъехал к дому Мехмед-гирея, позвал Девлета, и они вместе отправились к Мехти. Они успели как раз к тому времени, когда хозяин собирался завтракать. Тот обрадовался, посадил друзей за стол и кликнул жену. Вскоре стол был уставлен различными яствами.

Они позавтракали и, поблагодарив хозяина за гостеприимство, посвятили его в план, составленный вчера вечером. Мехти явно заинтересовался этим новым для него видом разбоя.

– Значит, если Джованни сможет усыпить команду, а вы уберёте часовых, то остальных можно перерезать как кроликов?

– Мехти, только ты сможешь уговорить наездников, надо не менее пятнадцати человек, но море не степь, надо уметь плавать, а главное – делать всё молча, в тишине.

– Мои люди выросли на берегу моря и плавают как дельфины. Я думаю, что смогу уговорить кого надо. Вечером я заеду к тебе, Джамбот, – сказал Мехти.

Друзья поднялись и, оседлав лошадей, выехали прочь.

– Если Мехти не поможет, то ничего не получится. Его уважают, за ним многие пойдут, – сказал Девлет.

– Поеду-ка я в лавку, а ты можешь с Мехти навестить абреков, вечером заедешь, – попрощался Джамбот и направил своего Саладина к рынку.

В лавке был только один приказчик Лука. Джованни, видимо, до сих пор колдовал с вином. Джамбот остался в лавке, глаза на прохожих и наблюдая, как торгует Лука. До него Джованни сменил трех приказчиков, но они безбожно обманывали его, воровали, пока не попался ему этот Лука. Он установил ему ежемесячное жалованье, кроме того, они договорились, что если Лука продаст товар дороже, чем установил хозяин, то разница шла Луке в карман.

К обеду пришёл сам хозяин и спросил, что продано и сколько выручено. Лука дал полный отчет о ходе торговли.

– Если ты по моим ценам столько выручил, то сколько в свой карман положил?

– Да так, горсть серебра, – улыбнулся Лука.

– А может, золота?

– Обижаете, хозяин. Вы же знаете мой принцип. Не воруй, не обманывай хозяина, не жадничай.

– Знаю, знаю. Поэтому уже три года у меня торгуешь. По моим подсчетам, ты накопил уже на приличную виллу.

– А у меня и так в Генуе хороший дом, ну, вы же его видели. Крепкий, просторный, комнат много. Я и мои дети прекрасно там помещаемся. А эти роскошества с фонтанами да античными статуями мне ни к чему. Я ведь не граф, не князь какой-нибудь.

– Да, родовитость обязывает к роскоши. Мой дом получше твоего и роскоши полно, и дочерям я привез безделушки со всего света. Одно плохо. Не родила мне жена сына-наследника. Кому нажитое богатство оставлять? Видимо, за грехи мои бог наказывает.

– Извините меня, синьор, но у вас ещё есть пятнадцать-двадцать лет, чтобы родить мальчика. Вон Маца может сына подарить, а нет, так вы на рынке можете купить себе хоть пять наложниц, которые смогут родить вам сына.

– А ты прав, старый плут, я об этом уже думал.

Джамбот сел на Саладина и поехал домой. Вечером вернулся с рынка Джованни.

– Да. Заставили вы меня задуматься. Ведь он прав. Мне всего пятьдесят, а я уже себя в старцы записал, – сказал купец – Был на рынке рабов. Приглянулись две, но у одной нос слишком горбатый, а вторую заставили раздеться – кожа да кости. Ничего, возьмём этот невольничий корабль, там выбор побольше будет: абхазки, грузинки, мегрелки. Буду, как породистую лошадь, выбирать мать своему сыну.

– Ах, совсем из головы вылетело, вино своё ты приготовил? – озабоченно спросил Джамбот.

– И я забыл. Сейчас проверим. Эй, Лука, Нико, идите сюда! – позвал он слуг.

– Что случилось, хозяин? – спросил подошедший Лука.

– Вот тебе полкружки вина, выпей за мое здоровье.

– С удовольствием, – Лука взял кружку и выпил вино.

– Ну, как оно тебе, привкуса неприятного нет? – спросил купец.

– Нет, хозяин. Хорошее крепкое вино, – ответил Лука и пошёл в другой конец двора.

Нико тоже выпил полкружки и похвалил вино. Лука чуть посуетился ещё с товаром, потом нетвёрдым шагом подошел к скамейке и сел. Его

голова клонилась вниз между колен, очнувшись, он подымал её, тупо оглядываясь по сторонам, потом сполз со скамейки и заснул.

– Этот готов, хоть голову ему отрезай, – сказал Джованни. – Посмотрим теперь на Нико.

Они подошли к его лачуге. Нико всё-таки успел добраться до своей кровати и крепко спал. Они подергали его за руки, за ноги, даже дали пощечину, но кроме нечленораздельного мычания ничего не добились.

– Действует, да ещё как, – сказал довольный Джованни. – Главное теперь, чтобы ты их всех заставил выпить. Сможешь? Команда у них итальянская.

– Смогу. Всё свое красноречие пушу в ход, лишь бы одну ночь у нас переночевали.

– Хорошо. Я немного слышал о капитане. Прирожденный работоровец. Торгует только самым красивым товаром, за ценой не стоит.

Внезапно раздался топот копыт. Это были Мехти и Девлет. Они спешили и подошли поздороваться.

– Есть пятнадцать человек, но они многого не понимают, а я в деталях не могу им объяснить. Я назначил на завтра сбор возле дерева. После обеда подъезжайте и растолкуйте, как и что, – сказал Мехти, и, распрощавшись, все разъехались по домам.

Назавтра весь день после обеда Джамбот объяснял всем и каждому, что и как надо делать. Вопросы сыпались дождём, но черкес разложил по полочкам роль каждого в нападении. Третьим Девлет взял своего друга Муслима, у которого мать была итальянкой, и он довольно неплохо владел языком. К вечеру все вопросы были разрешены, и абреки разъехались по домам.

Весь следующий день прошел в ожидании. Джамбот с Девлетом дежурили на пригорке, но корабля не было. Только вечером с запада подошла большая галера и стала на якорь посреди бухты.

– Сегодня они высаживаться не будут, – сказал Джованни, – завтра приплывут на лодках за товаром.

Девлет поскакал по всем абрекам, предупреждая о прибытии корабля.

На следующий день, как и предсказывал Джованни, с галеры спустили две шлюпки, которые поплыли к берегу. Вытащив шлюпки на песок, матросы со своим капитаном зашагали к рынку рабов.

Капитан придиричиво рассматривал каждого раба и отобрал одну красивую девушку и двух юношей хорошего сложения.

В лавку примчались Девлет с Муслимом, и они втроём пошли на встречу работоровцам. С первого взгляда поражала их одежда. Они были в испанских нарядах с массивными золотыми цепями на шеях. Когда они поравнялись, Джамбот вежливо обратился к капитану.

– Вы итальянец, синьор? Добрый день.

– Да, сударь, мы итальянцы, а вы, как я понял, из Неаполя? – отвечал капитан.

– Да, синьор, акцент выдает меня. Не могли бы вы оказать услугу? Разумеется, не бесплатно.

– В чем состоит ваша просьба?

– Понимаете, я со своими слугами должен быть через четыре-пять дней в Константинополе, вы же туда держите путь?

– Вы правильно догадались. Я могу вас выручить. Но чем вы меня выручите?

– У меня есть два раба.

Девлет держал на веревке связанного могучего раба и симпатичную девушку.

Капитан внимательно осмотрел их и сказал:

– Стало быть, один молодой синьор из Неаполя, двое его слуг-татар, молодой раб и симпатичная рабыня? Хорошо, молодой человек, как вас?

– Луиджи, синьор, – представился Джамбот.

– Перед заходом солнца я пришлю за вами шлюпку. Будьте на пляже возле того большого камня.

На том они расстались. Джамбот и его компания пошли домой к Джованни. Один за другим подъезжали татары, явился Мехти, и вскоре все были в сборе. Ещё раз внимательно обговорив все детали, Джованни и Мехти с его татарами пошли к морю, где их уже ждали шлюпки с галеры купца.

Когда солнце склонилось к горизонту, Джамбот и Девлет взяли бочонки с вином и пошли вместе с рабами к указанному камню. От корабля отделилась шлюпка, и вскоре вся компания была на борту. Капитан еще раз посмотрел на девушку-рабыню и отправил её к женщинам, мужчину тоже отправил в трюм, к остальным рабам. Троица стояла, опершись на борт, потом они начали осматриваться на корабле, стараясь не привлекать внимания. Прошли утомительные три-четыре часа.

– Пора, – сказал Джамбот, – берите вино и пошли.

В кубрике каждый матрос был занят своим делом.

– Друзья! – громко крикнул Джамбот. – У меня сегодня день рождения, я угощаю всех и прошу отведать моего крепкого итальянского вина.

– Вот это дело! – одобрительно загудели матросы и начали подходить к центру кубрика со своими чашами. Из сорока человек ни один не отказался.

– Ваше здоровье, синьор! – говорили они, выпивая по полной чаше. Потом разошлись по своим местам и незаметно для себя постепенно заснули.

– Получилось, – обрадовался Джамбот, – пора разобраться с трезвыми.

Они обнажили сабли, и подошли к каюте капитана. Тот с помощником сидел за столом. Троица ввалилась в каюту и к горлу капитана и помощника приставила острые клинки.

– Сдавайтесь, а то перережем вам горло, как баранам, – тихо сказал Джамбот.

Они крепко связали их и пошли к часовым на корме. Джамбот пошёл с одной стороны, Девлет и Муслим с другой.

– Эй, земляк, а ты не хочешь отведать моего вина, – обратился Джамбот к матросу. Тот, повернувшись, хотел было ответить, но сзади ему на шею опустилась веревка, и через минуту часовой был связан.

Джамбот подал условный знак. Вскоре подплыли две шлюпки. Им спустили трап, и Джованни с татарами избежали на корабль. Услышав шум с женской половины, прибежали двое копейщиков. Их встретили стрелами, и они упали на палубу.

– Теперь давайте матросов вязать, – сказал Джамбот, и они пошли в кубрик, держа в руках приготовленные заранее веревки. Все дружно храпели в различных положениях. Каждому матросу связали руки и ноги и уложили по нарам. Дело было сделано.

– Зачем вы нас позвали? – пошутил Мехти. – Вы бы втроем справились со всеми.

– Кто знал, что вино Джованни так сильно подействует? – ответил Джамбот. – Теперь надо решить, как их всех продавать, что делать с галерой?

– Я знаю в Константинополе одного очень богатого работорговца. Я думаю, он согласится взять оптом и рабов, и матросов, и корабль. Надо решать, кому ехать. Десять человек вполне справятся. Мехти, выбери пять-шесть человек из своих, остальные отправятся домой.

Мехти отобрал шестерых, наиболее знакомых с морем и морским делом.

– А как из Константинополя возвращаться? – опомнился вдруг Джамбот.

– Моя галера поплывет следом. Когда продадим корабль, на ней вернемся обратно. На рассвете, чтобы мы вас видели, гребите в Константинополь, а мы за вами. Не отрывайтесь от нас, чтобы мы не потеряли друг друга из виду, – сказал Джованни.

И они начали грузиться в шлюпки. Купец доставил лишних татар на берег, а сам вернулся на свою галеру. Он отдал там необходимые распоряжения и вернулся на трофейный корабль.

Начало светать, и Джамбот, как всегда, любовался восходом солнца.

– Оставь свое солнце. У тебя будет ещё много рассветов и закатов. Пора делом заняться. Пойдем с командой пообщаемся.

Они спустились в кубрик. Связанные матросы недоуменно спрашивали друг друга, что произошло.

– Уважаемые синьоры, – начал Джованни, – вы в плену. Смиритесь со своим положением. Кто из вас кок?

– Я, синьор, – ответил один.

– Развяжите его и ещё одного в помощь, а то он один с такой оравой не справится. Развяжите также аргузила.

Татары развязали троих. Кок со своим помощником пошёл на своё место и начал готовить еду.

– Аргузил, иди к гребцам и хорошенько командуй. Мы отплываем. Я сам у руля буду стоять.

Они поплыли. За ними потихоньку двинулась с места галера Джованни, не отставая, но и не обгоняя их.

Через четверо суток корабли достигли Константинополя. Джованни кинул якорь вне видимости от городских стен. Рядом стала и вторая галера.

– Спустить шлюпку! – скомандовал он. – Джамбот и Мехти пойдут со мной и ещё один татарин, чтобы следить за шлюпкой.

Они спустились в шлюпку и, подплыв через полчаса к причалу, пришвартовались в ряду таких же шлюпок.

Знакомой дорогой, не обращая внимания на красоту зданий, которые он видел чуть ли не каждый год, Джованни повёл свою команду к невольничьему рынку. Он походил между рядами, расспросил цены. Результат его вполне устроил.

– Ну что ж, пора к Сулейману идти, он тысячами рабов торгует, наверное, самый богатый работорговец, – сказал купец.

Сулейман жил в роскошном доме с фонтаном и павлинами в саду. Дверь открыл привратник.

– Доложи хозяину, что пришел Джованни Сакконе.

Через несколько минут дверь снова открылась, и привратник пригласил гостей войти. Они пошли по дорожке, мощенной гранитными плитками. По обеим сторонам росли кусты сирени, как бы закрывая от любопытного глаза то, что находится за ними. Дорожка вывела их к дому, двухэтажному зданию из белого мрамора, по обе стороны которого расходились колоннады. Они завернули вправо и увидели большой бассейн с фонтаном, возле которого стояла мраморная беседка. На ковре сидел старик лет семидесяти с живыми и быстрыми глазами.

– Салам алейкум, уважаемый Сулейман! – молвил Джованни.

– Алейкум ассалам, дорогой Джован. Кто это с тобой?

– Мои компаньоны.

– Что ж, добро пожаловать, садитесь поудобней. Если Джован пришел, значит десять-пятнадцать рабов привел.

– Бери выше, уважаемый. Восемьдесят мужчин, сорок женщин, сорок матросов и целый корабль по шесть пушек по бортам, – гордо сообщил купец старику.

– Неужели целый корабль захватил, откуда у тебя столько воинов? – удивился Сулейман.

– Это было не так трудно, – и купец вкратце рассказал историю с захватом корабля. – Вот они вдвоем всё сделали

– Слушай, уступи мне своего черкеса, я тебя озолочу.

– Нет, Сулейман, он мне как сын, – ответил купец.

– Ну, нет так нет. Значит, ты хочешь корабль, полный невольников, да ещё с командой, продать, первый раз такое слышу. Ну и какая же у тебя цена?

– Я особо торговаться не буду. Я знаю цену на корабль, цену на невольников и команду, – заявил Джованни и назвал цену. – Но времени торговать всем этим у меня нет, поэтому я прошу у тебя две трети всей суммы, – закончил он.

– Сделка выгодная. Хорошо. Я пошлю с тобой своего сына, и, если он подтвердит твои слова, я дам тебе сколько ты просишь.

Старик позвал старшего сына и ввёл его в курс дела. Вчетвером они пошли в порт, нашли свою шлюпку и вскорости приплыли к кораблю. Сын Сулеймана придирчиво осмотрел корабль, снасти, мачты, пушки, потом осмотрел всех невольников и команду и остался доволен.

Они опять вернулись на виллу, где сын подтвердил отцу слова Джованни.

– По рукам, Джован, – сказал довольный турок, – завтра с утра я приготовлю необходимые бумаги, а то в самой бухте товар отнимут, потом привезу на твою галеру золото и заберу корабль.

Компания, довольная сделкой, отправилась в порт. Джованни решил показать друзьям город. Парни шли, открыв рты от удивления. Огромные дома, мечети, церкви, золотые купола. Множество людей в различных одеждах. То и дело попадались носилки, которые несли по четыре раба.

– Так у них богатых стариков и женщин возят, – объяснял Джованни, ведя вконец ошарашенных Джамбота и Девлета к рынку.

Что там рынок в Каффе! Юноши ходили и смотрели по сторонам, держа друг друга за рукава, чтобы не потеряться.

Наконец, они подошли к месту, где торговали дикими животными. Величественные львы и тигры, леопарды, носороги, слоны и крокодилы. Голова уже шла кругом.

– А кто это покупает? – спросил потрясенный Джамбот.

– У богатых людей бывают различные прихоти. Некоторые заводят у себя дома зверинец. А я вот хочу купить собаку.

– А что, собак в Каффе разве нет? – удивился Джамбот.

– Таких нет. Это особая порода. Мастино. Они раньше в войнах Рима участвовали.

Пройдясь по ряду собак, Джованни нашел то, что искал. В большой корзине сидели пять-шесть щенят. Джованни внимательно осмотрел каждого и, выбрав одного, купил.

На следующий день состоялась сделка, и галера с сундуками, полными золота, направилась в Каффу.

Приплыв, они стали на якорь и на шлюпках с золотом поплыли на берег. Подошли к дому Джованни. Наступило время дележа золота.

– Итак, нас было двадцать... – начал итальянец.

– Извини, что перебиваю, – сказал Мехти. – Мы тут посоветовались и решили, что ты, Джамбот и Девлет получаете двойную долю.

Джамбот стал протестовать, но все в ответ загалдели:

– Это был твой план. Ты вывел из строя всю команду. Ты снял часового. Ты обезоружил капитана. Не спорь.

Джамботу только оставалось развести руками. Купец разделил золото, как и было решено. Каждый взял своё, и все довольные разошлись по домам.

Дома итальянца ждал сюрприз. Какой-то крестьянин, копаясь в земле, нашел две античные статуи. Полулежащая женщина и ребенок с отбитой ножкой. Все в Каффе знали, что Джованни дает хорошие деньги за такие древности. Вскоре появился крестьянин, нашедший статуи.

– Господин. Вот, нашел эти каменные фигуры. Дайте мне по совести, а то я цены не знаю, торговаться не умею, – сказал он.

Купец отсыпал ему горсть серебра и отпустил домой.

– Вот повезло, – сказал Джованни, радостно осматривая покупки. – В Италии богатые господа приобретают такие древности за любые деньги. Скоро, в ноябре, домой поеду, в Генуе буду зимовать. Поехали со мной, мир увидишь, на свою долю товар возьмешь, будешь отдельно торговать. А по весне приедем обратно. Хорошо подумай, по пути в Афины заглянем.

– А я уже подумал, пока мы плавали. Надо набирать свою команду, добыть галеру и плыть с тобой, а по дороге можно напасть на другие корабли.

– Здесь у тебя ничего не получится. Слухами земля полнится, дойдут они и до других галер.

– А мы не здесь корабль возьмем. Я всё продумал. Нужна только твоя помощь, чтобы добраться до Анапы. А там мы захватим корабль. Понравилось мне пиратское ремесло.

– Ну, смотри. Ты хитрый дьявол, Фортуна тебя поддерживает. На мою помощь можешь рассчитывать заранее.

На следующий день Джамбот поехал к Мехти созвать татар на завтрашний день, а сам по совету татарина поскакал по черкесским кварталам.

Черкесы в Каффе жили отдельно, и у них тоже была партия наездников – человек пятнадцать. У них был свой предводитель – Кантемир, лет тридцати от роду. Джамбот нашёл его жилище и, спешившись, зашёл во двор.

Кантемир был среднего роста, с умным проницательным взглядом.

– Здравствуй, Кантемир, как поживаешь? – обратился Джамбот к нему по-черкесски. – Я Джамбот из Кабарды.

– Здравствуй, здравствуй. Ты уже несколько месяцев в Каффе и ни разу к землякам не подошёл.

– Да вот, дела всё не дают познакомиться, – извинился Джамбот. – Прошу тебя собрать свою команду завтра к дереву в степи, у меня есть выгодное предложение.

– Хорошо, ты хоть и молод, но уже знаменитый в Каффе наездник. Мы будем завтра к обеду у дерева. Заходи в дом, пообедаем, – предложил Кантемир.

Джамбот поблагодарил, но, сославшись на дела, отказался и отправился в лавку помогать Джованни.

– Ну, как твои дела, набрал людей? – встретил его купец.

– Завтра к обеду и татары, и черкесы соберутся у дерева. Там и решится всё.

На следующий день Джамбот подъехал к назначенному месту. Там уже ждала внушительная компания наездников. Его приветствовали шумными одобрительными криками. Джамбот немного смутился, но быстро взял себя в руки и начал свою речь.

– Друзья, каждый из вас хороший наездник и не раз ходил в набеги. Я тоже предлагаю вам хорошо поразбойничать, но не на коне, а на море. Вы все, наверное, слышали, как мы малыми силами взяли в плен целую галеру с рабами и очень выгодно продали в Константинополе. Каждый получил столько золота, сколько собирают за два-три года постоянных набегов. Я предлагаю собрать команду, захватить судно и вместе с моим хозяином, нагрузив галеру товаром и рабами, отправиться в Геную. По дороге можно нападать на другие суда, отбирать добычу и продавать на приморских рынках. Все вы отличные воины, нам только нужно найти бомбардиров, стреляющих из пушек. Где их взять, я уже знаю. Весной вернемся домой, и кто хочет, займется обычными набегами, а кто захочет, может остаться пиратом. Вот моё предложение.

Градом посыпались вопросы. Джамбот, как умел, терпеливо отвечал на каждый из них. Через час он сказал:

– Итак, кто согласен рискнуть, становится с этой стороны, кто остаётся – с той.

Десять черкесов и пятнадцать татар встали около Джамбота. Это были, в основном, молодые несемейные парни. Мехти остался, сославшись на большую семью и незнание морского дела, но предложил:

– Тут у меня один ногаец пленный. Говорит, в двух днях езды отсюда очень большое стадо овец и коров. Их охраняют около двадцати человек. Если мы все, и татары, и черкесы, поедем, то, может, отобьем стадо и возьмем рабов. Предлагаю завтра же отправиться в поход.

Все с ним согласились и группами поехали в Каффу. Вечером Джамбот обо всем доложил Джованни.

– Надо, чтобы татары и черкесы сплотились, – объяснил он

– Ну, бог вам в помощь, – ответил купец и пошел спать. Джамбот долго ещё сидел у костра, размышляя о предстоящем.

На рассвете вся партия татар и черкесов собралась возле дерева и направилась на север, ведомая ногайцем. Двое суток они быстро проскакали по степи. Наконец, ногаец остановил их.

– Здесь, на расстоянии получаса езды, они пасутся, – сказал он.

– Ну, смотри, если обманешь, голову отрублю!

Джамбот и Кантемир рысью поскакали вперед, на разведку. Подъехав к большому кургану, спешили и взошли на его вершину. Ногаец не обманул. Огромное стадо овец паслось в степи, рядом, чуть в стороне, стояли коровы – около полутысячи голов. Стадо было окружено конными ногайцами. По краям стояли две большие юрты.

– Вечером они разводят костры и ставят по одному часовому с собаками, – сказал ногаец.

Разведчики спустились, оседлали коней и помчались к остальным.

– Днём нападать бесполезно, – сказал Мехти, – нападём на рассвете, когда чуть-чуть будет светать. Кантемир и Джамбот, с черкесами подойдете слева, мы справа. Самые меткие стрелки снимут часовых, и тогда остальные окружают юрты и будут бить тех, кто сопротивляется. Используйте арканы, рабы нам не помешают, – заключил он свою речь.

Стемнело, и вся партия заснула. За час до рассвета Мехти разбудил всех.

Тихим шагом всадники приблизились к стаду и спешили. Джамбот с черкесами бесшумно пробрались к левой юрте. Перед ней горел костер и сидел ногаец, глядя на пламя. Джамбот, как кошка, пробрался к юрте и, встав на колени, пустил стрелу в сердце ногайцу. Потом тихо свистнул, и черкесы бесшумно окружили юрту. На лай собак ногайцы стали выскакивать из юрт. Их встречали арканами и саблями. Вскоре всё утихло. Шестеро ногайцев были связаны, трое лежали убитые, двое, проскочив между наездниками, убежали в степь.

Джамбот поскакал на ту сторону к татарам. Там тоже всё было кончено. Восемь пленников, двое убитых и один убежавший. Наездники быстро окружили стадо и погнали овец и коров по степи обратно. Пленный ногаец получил коня и уехал своей дорогой. Все абреки, черкесы и татары молча смотрели вслед удаляющемуся одинокому всаднику, который, предав соплеменников, заслужил себе свободу.

Пять дней добирались абреки до Каффы. Они разделили добычу на равные доли и разъехались по домам. Джамбот, не заезжая домой, продал своих овец и коров и вечером, уставший, вернулся под крышу

своего итальянца. День он отдыхал, играя со щенком, кидая аркан. Вечером, когда вернулся Джованни, он посвятил его в свой план. Обсудив все детали, купец одобрил его.

На следующий день Джамбот собрал свою морскую команду возле дерева. Подробно рассказал, что их ожидает. Каждый должен был явиться в полном вооружении, со шлемом и кольчугой. Соберутся на рассвете в миле от Каффы, чтобы никто не увидел.

Вечером Джованни отправился на свою галеру и поплыл к указанному месту.

Когда встало солнце, на берегу собралось двадцать пять полностью вооруженных воинов. От галеры отделились три шлюпки и быстро отвезли их на корабль.

– С богом, – сказал Джованни и отдал аргузилу приказ грести на Анапу.

Через два дня они добрались до места назначения. Медленно проплыли через ряд кораблей. Джованни внимательно изучал их в подзорную трубу. Наконец, указал на новенькую галеру, по шести пушек на бортах.

– Это пираты-корсиканцы. Они нигде долго не задерживаются, надо их брать сегодня же.

Они подплыли на полмили от выбранной галеры и стали на якорь. Спустили шлюпку, в которую сели сам Джованни, Джамбот, Девлет и Муслим и поплыли.

– Эй, на борту! – крикнул Джованни. – Позовите капитана.

Капитан свесился с борта.

– У нас к вам очень выгодное дело, позвольте подняться на борт.

Им спустили трап. Они поднялись и прошли в каюту капитана. Там никого не было, кроме юноши шестнадцати лет. Капитан пригласил их войти и зашёл сам.

– Мой сын, – представил он паренька.

– Приставь кинжал к его горлу, – сказал по-татарски Джамбот Девлету. Тот, как молния, схватил парня за волосы и приставил к горлу кинжал. В грудь капитана уперлись две сабли – Джамбота и Муслима.

– А теперь, уважаемый, если вы хотите сохранить жизнь себе и своему сыну, будете выполнять то, что мы вам скажем. Выходите из каюты и отдайте приказ всем матросам, кроме бомбардиров и кока, грузиться в шлюпки и плыть на берег. И без глупостей, я выйду с тобой, и если что-то не так сделаешь, проткну тебя насквозь, – сказал Джованни.

Он вышел с капитаном на мостик, сделав непринужденную позу, встал возле него.

Капитан выполнил все распоряжения Джованни. Матросы недоумевали, но ослушаться приказа никто не посмел. Спустили три шлюпки, погрузились в них и отплыли к берегу.

Когда они вытащили шлюпки на песок, Джованни велел дать холостой выстрел из пушки, на который от галеры итальянца отделились тоже три шлюпки: одна с матросами, две с воинами. Они быстро подгребли и залезли на борт корабля.

Джованни посадил одного матроса аргузиллом и дал знак грести изо всех сил за его собственной галерой. Через полчаса они скрылись из виду.

Джованни собрал всех пленников в кают-компанию.

– Вы в плену, господа пираты, но ваша судьба в ваших же руках. Вы будете каждый заниматься своим делом, выполнять приказы вашего капитана. Да, синьор, не удивляйтесь, вы будете командовать, но под присмотром этого молодого человека. – он указал на Джамбота, – а залогом вашей верности будет ваш сын, которого я оставлю в Каффе под присмотром надёжных людей. Вы будете заниматься и торговлей, и пиратством, только с новой командой, – указал он на окружающих воинов. – Так что выбирайте – свобода или рабство? – закончил свою речь Джованни.

– Думать нечего. Мы согласны, – сказали матросы.

– Я согласен. Если с сыном будет всё в порядке, то я верно буду служить, – сказал хмурый капитан.

Корабль быстро набирал скорость, держа путь в неведомое.

Что ждет рожденного в горах вдали от моря молодого кабардинца и его новых друзей? Какие неожиданные повороты судьбы подстерегают его на выбранном пути?

Обо всем этом старался не думать молодой пират. Его пытливый ум полностью был поглощен происходящим и поиском новых и опасных приключений.

Целый месяц команда татар и черкесов под руководством итальянского капитана училась морскому делу. Джамбот, не давая себе поблажки, также вместе с матросами натягивал паруса, залезал вверх по вантам, стоял часами у рулевого колеса, изучал науку навигации в открытом море.

Джованни неторопливо и тщательно паковал товар, включая и долю Джамбота, добытую разбоем на море и на суше. Они договорились, что Джованни будет управлять торговыми делами их обоих.

Капитан второй галеры уже не был столь мрачным. Его сын в доме Шабаз-гирея учился управлять конём, метко стрелять из лука и другим воинским искусствам.

– Ты отдашь нам опытных моряков, а мы тебе вернём искусного воина, – говорил Шабаз-гирей.

Незаметно пролетело время, настал час отплытия. Корабли стояли освещённые осенним солнцем, команда прощалась с роднёй, капитаны проверяли готовность судов к дальнему плаванию. Наконец, все поднялись на борт. С головного корабля дали прощальный залп, галеры, опустив весла, стали медленно удаляться в открытое море.

Проплыв без приключений путь до Константинополя, Джованни приказал опустить паруса и стоять на месте без движения, опасаясь кишевших вокруг турецких кораблей, и грести ночью только веслами. Манёвр удался. Они осторожно миновали проливы и оказались в Эгейском море. Подняв паруса, корабли проплыли до Пирея, встретив на пути лишь несколько торговых судов. В тихой гавани они бросили якорь, решив здесь отдохнуть пару дней и пополнить запасы воды и продовольствия. Сойдя на берег, они развели небольшую торговлю. Джованни и Джамбот, оставив свой товар приказчикам, наняли лошадей и поскакали в Афины.

Нет нужды описывать чувства благоговения и восхищения, охватившие молодого черкеса при виде древних чудес архитектуры! Он обскакал всё, что можно объехать на коне, облазил всё, что можно облазить пешком. Джованни только один раз смог остановить его на обед. Только к закату переполненный чувствами Джамбот и уставший его ждать купец поехали обратно, успев на корабль только ночью. Поужинав, они зашли в каюту.

– Джованни, это ведь великое творение рук человеческих! У кого рука поднялась уничтожить эту красоту?

– Османы на строительство домов использовали мрамор. Ислам же запрещает изображать что-либо живое, тем более языческих богов. Здесь и в Риме было столько каменных изваяний, сколько жителей в Каффе.

Устав за день, Джамбот быстро уснул. Пополнив запасы, к полудню следующего дня корабли направились в сторону Сицилии. Они уже зашли в Сицилийский пролив, когда внезапно появилась какая-то большая галера и стала быстро приближаться к ним. Татарская галера тоже увидела приближающееся судно и поняла, что это пираты. Корабли начали выполнять манёвр, о котором капитаны договорились заранее – то есть если вражеская галера одна, то надо взять её в клещи и обстреливать с двух бортов.

Пиратский корабль начал разворачивать бортом. Первый его залп не нанес никакого вреда, но дал время приготовиться к отражению атаки. Первым же залпом была разбита капитанская рубка пиратов, другой снаряд попал ниже ватерлинии. Татарский корабль с другой стороны тоже дал залп и, видимо, небезуспешный. Корабли дали еще по два залпа, после чего пиратский корабль начал медленно крениться и тонуть. Пираты стали бросаться в воду и плыть к спасательным галерам. Их вытаскивали из воды, связывали и бросали в трюм. Так полным и молниеносным разгромом врага закончилась первое морское сражение Джамбота.

– Это корсиканцы, – довольно потирал руки купец, – за них на Корсике можно хороший выкуп получить.

Корабли татар и черкесов сменили направление. У берегов Корсики они стали на якорь, спустили шлюпку на воду, посадили в неё двух

пиратов и подплыли к берегу, где отпустили пленников, приказав к завтрашнему дню найти людей, готовых выкупить всех пиратов.

На следующий день с утра с берега подплыли несколько шлюпок. На борт поднялись переговорщики с сундуком золота. Подсчитав содержимое сундука, Джованни дал команду освободить пленников. Пираты по одному спускались и садились в шлюпки, радуясь своему неожиданному освобождению, и благодаря черкесов и татар за спасение.

Джованни разделил весь выкуп пополам и отправил заслуженную часть добычи на вторую галеру, предупредив сейчас же сняться с якоря. Подняв паруса, корабли скользили долго по необозримой водной глади, пока дозорный с мачты не крикнул:

– Генуя!

Итальянская команда купеческой галеры стала радоваться и обниматься, в то время как татары и черкесы настороженно и удивленно рассматривали ряды огромных кораблей и странные, не похожие на их жилища, дома.

Уже месяц Джамбот гостил у Джованни, помогая ему в лавке, но помощников хватало и без него. Он уже успел повидать все достопримечательности большого города. Джамбот с интересом рассматривал дворцы с террасными парками, посетил старую Романскую церковь Санта-Мария ди Кастелло, укрепленные торговые центры генуэзских купцов. Вечера проводил в беседах с Джованни, но его решительная натура требовала действий. Наконец, он решил заняться старым промыслом. Бродя по городу, он часто замечал богатые, красивые кареты и сопровождающих их конных или пеших воинов. Джамбот стал выходить к воротам города и наблюдать за въезжающими и выезжающими процессиями. Он поделился своими планами с купцом. Джованни вначале не обрадовался, считая это опасным, но согласился с молодым другом.

– Хорошо – сказал он. – Но твои молодцы должны надеть европейскую одежду. Вам нужно арендовать какое-нибудь старое имение на окраине города, чтобы можно было разместить твоих людей и лошадей. Я постараюсь найти что-нибудь подходящее. Ещё я скажу своим людям, чтобы они собирали слухи, разговоры о выезжающих из города с деньгами.

Джамбот согласился со всеми доводами купца. Не теряя времени, Джованни подыскал старое запущенное имение и взял его в аренду. Джамбот, со своей стороны, одел всю команду в европейское платье. На рынке он купил два десятка лошадей и перегнал их в уже отремонтированное имение. Татары и черкесы радовались как дети, что оказались в человеческих жилищах, да ещё с лошадьми. Джамбот строго наказал им не носиться попусту по городу и окрестностям, дабы не привлекать к себе излишнего внимания.

Наконец, появились нужные сведения. Богатый генуэзский меняла собирался отправиться в Турин с приданным для своей дочери, которая вышла замуж за сына Савойского герцога. Охрана будет состоять из восьми конников. Отправляются послезавтра, выедут на рассвете.

Джамбот со своей командой ещё раз обговорил детали предстоящего набега. Целый день они стреляли по мишеням из лука и упражнялись в метании аркана.

– Они будут в железных латах, поэтому лучше всего их заарканить, стрелы здесь не помогут, – предупреждал Джамбот.

За два дня до этого Джамбот с двумя товарищами изучал дорогу и прилегающий к городу лес. Из ворот города дорога спускалась с холма вниз и через три мили начиналась небольшая роща. Проскакав по лесной дороге полчаса, они увидели узкое место, где карета могла проехать с трудом. Тщательно обследовав это место, Джамбот с друзьями вернулся в имение, собрал всех и палочкой на песке нарисовал свой план.

– Вот здесь дорога сужается, карета ни развернуться, ни съехать с дороги не сможет. Вы спрячетесь в кустах по два человека на каждого латника, ещё двое впереди. Я с Ахметом подъеду сзади. Как только в узком месте процессия вытянется в цепочку, сразу по моему сигналу кидайте арканы. Если аркан сорвется, стреляйте из лука, но цельте в голову, она не защищена железными латами. В темноте мы можем неправильно расположиться, и всё сорвется. Поэтому выезжаем сегодня, чтобы успели до вечера выбрать места, откуда удобнее будет напасть. Собирайтесь, и пусть бог пошлет нам удачу.

Последовали нехитрые, привычные для конников сборы, и вскоре отряд мчался по дороге к лесу.

Начало светать. Из ворот Генуи показалась процессия. Четыре всадника впереди и столько же сзади. Джамбот с Ахметом, спрятавшись сбоку в кустах, внимательно наблюдали, как карета с охраной въезжает в рощу. Когда последний всадник скрылся за кустами, он с Ахметом неторопливо поехал за ними. Так, спокойным шагом, они прошли до места, где дорога сужалась. Охрана менялы выстроилась в цепочку. Джамбот громко свистнул и накинул аркан на последнего воина, сдернул его с лошади, прыгнул сам и связал пленнику руки. Одновременно, по сигналу, полетели арканы, но не каждый попал в цель. Трех пришлось подстрелить из лука. Остальные пятеро были обезоружены и связаны, со всех сняли боевые доспехи и связали цепочкой. Трясущегося от страха менялу даже не стали трогать. В считанные минуты команда вытащила три сундука с золотом и драгоценностями, разложила их по дорожным сумкам и отправилась обратно. В миле от города их уже поджидали две шлюпки. В них погрузили награбленное и пленников, а также всех татар, которые своей азиатской внешностью могли привлечь внимание генуэзцев. Не теряя времени, шлюпки поплыли к своей галере. В порту

стояли турецкие галеры, и Джамбот, опасаясь лишних глаз, договорился с одним из турецких торговцев и продал ему итальянцев по сходной цене. Значительным увеличением своего богатства остался доволен каждый из участников успешно проведенного дела. Не оставили без внимания и купца Джованни за его хлопоты.

Дни шли чередой, и как-то раз в лавку купца зашел богатый синьор, который интересовался античными скульптурами. Джованни повёл его на один из складов. Через полчаса повозка со скульптурами выехала за ворота.

– Знаешь, Джамбот, сколько получил я за эти скульптуры? – улыбаясь, спросил купец. – В сто раз больше, чем отдал за них. Я приобретаю только настоящие античные работы. Но есть и недобросовестные продавцы. Некоторые современные скульптуры нарочно вымазывают в земле свои работы, придают им древний вид и выгодно продают богатым и знатным собирателям древностей.

Всё больше и больше привыкал Джованни к своему юному другу. Привыкал как к сыну и стал волноваться, что разбойничья натура, проснувшаяся в Джамботе, доведёт его до беды. Он стал водить его по церквям, различным общественным местам, знатным домам, чтобы он видел лучшие творения живописи, ваяния и архитектуры. Джамбот, с его врожденным чувством прекрасного, с удовольствием познавал мир искусства, открывшийся перед ним. Кроме того, юный черкес владел всеми видами оружия, но не шпагой. Поэтому Джованни повел его к лучшему учителю фехтования, где юноша занимался месяц, пока учитель не отправил его домой, решив, что ученик с удивительной быстротой и точностью овладел техникой фехтования. В школе Джамбот приобрел много знакомых и друзей своего возраста. Его стали приглашать в лучшие дома Генуи. С новыми друзьями он посещал портовые кабаки, куртизанок. И, что неизбежно при таком образе жизни, принимал участие в уличных стычках. В одной из таких стычек против него дрался лучший фехтовальщик Генуи. Джамбот долго отбивал яростные атаки противника, но в какой-то момент раскрылся и тут же получил ранение в грудь. Друзья отнесли его домой к Джованни, тот быстро послал за лекарем. Лекарь, невзрачный старичок с козлиной бородкой, долго осматривал рану, помыл и, смешав из двух банок какую-то мазь, тщательно обработал рану. Потом оставил ещё одну мазь и уверил, что ничего опасного нет. Ни к кому не обращаясь, как будто сам с собой разговаривая, старик сказал:

– Молодому человеку повезло. Сердце и легкие не задеты. Два дня полежит без движения, а потом в течение месяца – покой и отдых, и всё заживет.

Так Джамбот был вынужден лежать и оставаться в доме. Он не мог просто лежать и взялся за книги. В доме Джованни была неплохая библиотека, в большом количестве имелись произведения античных авторов

и современных итальянских писателей. Долгими зимними вечерами Джамбот со своим старшим другом вели душевные беседы. Джованни вспоминал молодость, рассказывая различные занимательные истории из своей богатой событиями жизни. Могучий организм и хороший уход взяли своё. Через месяц Джамбот возобновил конные прогулки, а ещё через месяц он уже забыл, что был серьезно ранен.

Февральским днем прискакал гонец с татарской галеры и пригласил Джамбота на корабль. Он отправился с ним и поднялся на судно. Его встретили торжественно, поздравили с выздоровлением, отобедали и стали жаловаться на вынужденное безделье.

– Пора заняться делом, давайте отплывём на охоту, – говорили они. – До отплытия домой ещё месяц, что время зря терять, мы тут совсем сопьемся.

Джамбот, соскучившийся по рискованным делам, не дал долго себя уговаривать и согласился назавтра отправиться в путь.

Вернувшись домой, он рассказал Джованни о своих планах.

– Если ко времени отплытия в Крым я не вернусь, распорядись моей долей по своему усмотрению, – сказал он. – Дорогой Джованни, ты лучше меня знаешь, что любое рискованное дело сопряжено с опасностями. Поэтому, если вообще я пропаду, передай мою долю отцу.

– Дай вам бог удачи, – напутствовал его купец, обняв нежно, как сына.

Уже неделю галера бороздила Средиземное море, не встречая никого, пока, наконец, вахтенный не увидел корабль. Капитан внимательно осмотрел его в подзорную трубу, потом передал трубу Джамботу.

– С ними лучше не связываться, у них тридцать две пушки и большая команда, – сказал капитан.

– Давай пройдем мимо, может это просто торговый корабль.

– Сомневаюсь. Они больше похожи на пиратов.

Капитан дал команду идти прежним курсом, но неизвестный корабль неумолимо приближался.

– У них преимущество в скорости, вдвое-втрое больше, чем у нас.

Наконец, незнакомец догнал галеру и дал предупредительный залп, приказывая остановиться. В ответ Джамбот дал команду приготовиться к бою. Вражеский корабль тоже стал поворачивать боком. Не дожидаясь этого, галера нанесла удар первой, но какого-либо заметного вреда залп не причинил. Тем временем корабль развернулся и дал залп из шестнадцати бортовых пушек сразу. Вред от выстрелов был очень серьезным. Два ядра попали ниже ватерлинии, два на палубу, сбив при этом мачту. Галера рухнула на бок и медленно начала тонуть.

Большой корабль развернулся, подплыл к галере и стал терпеливо дожидаться, пока она сама утонет. Джамбот понял, что их всех ожидает рабство, и, покорившись судьбе, дал команду сдаваться, первый прыгнул

в море и подплыл к победителям. Вся команда галеры последовала за ним. Там их уже ждали и, спустив трап, поднимали татаро-черкесскую команду. На палубе им связали руки и собрали в одном месте.

Пленники с удивлением разглядывали огромный, по их мнению, корабль. Тридцать две пушки, команда человек в восемьдесят, огромные мачты и паруса.

Наконец к ним вышел капитан с помощниками.

– О! Что я вижу! Татары уже стали пиратским делом заниматься. Глупцы! Вам своими конями заниматься надо, а вы – в море. А остальные откуда? – спросил он.

– Мы черкесы, – ответил Джамбот, – а капитан наш итальянец.

– Похоже, вы о Бахтияр-паше ничего не слышали.

Бахтияр-паша был знаменитым турецким пиратом. О нём ходили слухи как о самом удачливом и дерзком морском пирате. Его имя вселяло ужас в морских торговцев. В дорогом восточном халате, расшитом золотом, с благообразной бородой, он больше походил на эфенди, чем на грозного пирата. От всемогущего султана он имел негласное разрешение пиратствовать, не трогая, конечно, турецкие корабли. Работоторговля была одним из основных его занятий.

– Ну что ж, и татары, и черкесы мамлюкам нужны. Берём курс на Египет, – скомандовал Бахтияр-паша.

В Александрии корабль стал на якорь. Вскоре на борт поднялись покупатели. Пленников раздели и построили в ряд. Главный военачальник осматривал каждого, придирчиво щупал мускулы и, наконец, отобрал пятнадцать человек.

– Нет, уважаемый, я продаю всех оптом, накинь немного сверху и забирай всех. Тех, кто в воины не годится, будешь использовать на хозяйственных работах, – сказал Бахтияр-паша.

Немного поторговавшись, они пришли к соглашению.

Из Александрии пленников повезли в Каир. Там их разделили. Татар забрали к бахритам на острова в дельте Нила, а черкесов – к бурджитам в крепость.

Прошёл год. Джамбот неоднократно принимал участие в различных военных экспедициях. Был на хорошем счету. Своей отвагой, умением выходить победителем из самых тяжелых ситуаций он завоевал уважение у командиров. Вскоре ему дали под начальство сотню. Казалось бы, складывается неплохая жизнь, но свободолюбивая натура молодого черкеса отказывалась подчиняться кому-либо. Он твердо решил при первой возможности убежать. Наконец, такая возможность представилась. Его вместе с другими военачальниками отправили в Александрию покупать будущих мамлюков. Как только они разместились на постоялом дворе, Джамбот прискакал на набережную и стал расспрашивать, где стоят генуэзские корабли. После недолгих поисков он нашел то, что ему нужно.

Джамбот подъехал к указанному судну и крикнул по-итальянски, чтобы ему спустили трап. Поднявшись на борт, он сразу направился к капитану. Тот пригласил его сесть и отужинать вместе. За ужином Джамбот поведал капитану свою историю. Капитан улыбнулся и сказал, что он знаком с Джованни. Джамбот пообещал капитану, что он заплатит любую сумму, какую скажет, если его доставят в Геную. Но капитан оказался благородным человеком.

– Никакой награды я не возьму. Я буду рад, если ты мне составишь компанию, чтобы скоротать беседой время до прибытия в Геную. Завтра к обеду я отплываю, не опаздывай.

Через две недели Джамбот зашел в открытые ворота дома Джованни. Купец отдавал распоряжения слугам упаковывать мешки с товаром, грузить их на подводу. По всему было видно, что он собирается в плавание. Джованни оглянулся посмотреть, кто зашел, и, сначала не узнав Джамбота, подслеповато прищурился.

– Джамбот! – вскричал он.

– Здравствуй, Джованни, – сказал молодой человек и, подбежав, крепко обнял стареющего друга.

– Я был уверен, что ты жив, – смахнул слезу радости купец.

– Как я мог умереть, не увидевшись с тобой? Ты, я вижу, в долгий путь собираешься?

– Да. Послезавтра отплываем. И долю твою я оставил, она уже в три раза выросла. Ну ладно, пойдем в дом, там за обедом расскажешь про свои приключения.

Во время обеда Джамбот поведал о том, что с ним произошло.

– Да. Помотала тебя судьба. Но ничего, фортуна опять повернулась к тебе лицом. Скоро поедешь домой.

Через день Джамбот стоял на носу корабля, плывущего в Каффу. Ветер надувал паруса, гребцы без усталости гребли веслами. Впереди были Крым, Каффа и родная Кабарда. Он думал о родных, о друзьях детства, о жизни своих соотечественников.

Но о чем бы ни думал молодой черкес, мысли его снова и снова возвращались к одному – впереди его ждут много приключений, не менее интересных и занятых, чем испытанные.

ОГОНЬ ЗЕЛЕННЫХ ЛУН

Новелла

К полуночи все изрядно набрались. Лариса сидела, практически свесив голову на скрещенные руки – по телу словно разливались теплые волны, и никаких мыслей – Боже, какое счастье думала она – никаких мыслей – одни ощущения. Лечите душу ощущениями – кажется, это сказал Оскар Уайльд – долечился – сифилис – гуммозный менингит – смерть – а перед этим тюрьма и бесчестье. Но как все же сладко вернуться в праздничную ночь незнания, в свой детский ад с фонариками, звездами, когда душа словно умирает, а тело... тело словно поет.

– Чем же ты ранена? – спросила душа, отлетая.

– Несовершенством. Несовершенством этого гребаного мира.

За столом о чем-то разговаривали ее друзья – друзья той, будничной Ларисы, которая рассуждала о шмотках, была в курсах – чему там надо быть в курсах, чтоб быть своей в этой теплой компании – знала о моде и кое-что об огороде – а та ее половина, которая всегда была в тени и молчала – ибо говорила на языке, которого ее друзья не знали – выпрямлялась внутри нее, раскрыла свои темные глаза и посмотрела на этот мир холодно и отрешенно, ведь он был чужд ей, весь, без остатка, и она говорила на языке, которого никто не знал – или она думала, что не знает.

Странно, подумала она, такая холодная голова, а ведь только что телу было так тепло, как не бывает от вина, только от водки – русской водки – когда после пары стопок, да под хорошую закуску, становится так тепло телу и душе и все вокруг такие родные...

– Да, это опьянение. Хорошая штука опьянение, особенно когда ты так по-собачьи одинок.

Взгляд ее скользнул по столу – вареная картошечка, посыпанная укропом, уже остывала селедочка в простенькой селедочнице, посыпанная зеленью... Открытая консервная банка – бычки в томате – какая прелесть – вареные сосиски на большом фарфоровом блюде... Дивный натюрморт.

Взгляд ее скользнул дальше – на ее парня. Ну как ее парня, условно ее. Он тоже сидел малость датый, но что хорошо в нем, по чести сказать, всегда не прочь. Не прочь – быть ее игрушкой.

– Условно мой, – думала она. – Мой парень – а вот я не его девушка.

– Пора проветриться. Ты как?

– Как скажешь, дорогая.

Они почти синхронно поднялись из-за стола, взяли за руки и побрели к выходу. Он что-то ответил ее подруге – та, кажется, интересовалась, куда они идут – Лариса промолчала в ответ.

Они вышли на улицу – ранняя осень была чуть прохладна, но еще обманчиво приветлива. И холодный ветер швырнул им в лицо чуть влажноватую мерцающую в свете фонаря опавшую листву. Ее парень так же молча завел мотоцикл, сел, надел шлем, откуда-то вытащил второй и так же молча протянул ей. Она тоже молча покачала головой – и отвела его руку.

Она уселась прямо за ним, крепко обняла за талию и – почувствовала, как он вздрогнул. Значит, не так уж и пьян, подумала она.

– Как насчет поцелуя, – спросила она.

Он тоже молча покачал головой.

– Что так?

– Я поцелую тебя потом, – ответил он, – если очень захочешь.

– Когда?

– Когда завезу подальше. Подальше от всех людей. Только ты и я.

– Звучит романтично.

– О, я тебе обещаю очень романтический вечер.

– Неужели? Тогда пусть он начнется прямо сейчас.

Он резко повернулся и впился поцелуем в ее губы, именно впился, и они пили друг друга как два вурдалака.

Наконец она толкнула его ногой.

– Все, я сыта...

– А я нет. В таком положении насытиться весьма проблематично.

– Мне пофиг. Крути свою машинку – и поехали к черту отсюда.

Или я слезаю.

– Жаль, что не с меня, а с мотоцикла слезать не надо. Может, наденешь шлем?

– Нет. Хочу, чтоб волосы развивались по ветру...

– Значит, полетаем?

– Полетаем.

Он резко нажал на газ, и мотоцикл рванул прямо в теплую ветреную осеннюю ночь.

Лариса крепко обхватила его сзади, чувствуя худую вздрагивающую страсть его подтянутого, но такого беззащитного тела, – они летели в ночь, и ничего с этим поделать было нельзя.

– Ночь нежна, – думала она, – кто сказал, что ночь так inferнальна и всепоглощающа? Ночь нежна – а вот я нет.

Ветер развеивал ее волосы, и она себя чувствовала почти что ведьмой, летящей на помеле, – крепко обнимала его худую спину, и его поцелуи горели на ее губах.

«Тебе никогда не напиться мной, – думала она, – я не дам тебе выпить меня до дна. Только пригубить. Ты мой, мой, ты – моя игрушка, ты – мой плюшевый котенок, ты станешь таким для меня».

Он молчал, но она даже спиной чувствовала, как он стиснул зубы. Однажды они валялись на пляже – была великолепная солнечная погода – песок отражал своей золотистостью щедрое золото льющегося с неба потока света – она впитывала его своей еще бледной, но медленно бронзовеющей кожей – он был задумчив, глаза закрыты – и вдруг открыл их и посмотрел на нее.

– Я не знаю, как мне с тобой быть. Я не знаю, что мне с тобой делать. Ты захватила меня в плен, как захватывает пират свободное судно, идущее своим путем – и оно становится его добычей. Все, все ты забрала у меня – но что ты дашь взамен? Ты даже любви не даешь мне, а ведь это так просто. Даже любви – не то чтобы стать моей, как становятся другие нормальные женщины. Есть ли у меня шанс, скажи? Если бы мы оказались на необитаемом острове, ну хоть тогда бы ты стала моей? Я бы охотился и рыбачил, ты поддерживала огонь в нашем очаге, и вокруг не было бы других мужчин, и у тебя не было бы выбора. Тогда бы ты наконец сказала: я твоя?

– Нет.

– Почему?

– Ты мой котенок.

– Я мужчина, а ты не хочешь этого понять.

– Ты мужчина. Возможно. Но для меня ты – плюшевый котенок с претензией на мужественность.

– Ты иногда такая сука, дорогая.

– А ты всегда такой милый, дорогой.

Он резко встал и пошел к ларьку – покупать себе пива, а когда вернулся с банкой ледяного напитка, его руки слегка дрожали.

– Иногда мне хочется убить тебя.

– Ну, это вряд ли. Ты слишком благоразумен для этого.

Он молча открыл банку пива все еще дрожащими руками и медленно начал его пить.

– Что, вкусно? Не правда ли холод придает ему особенную прелесть?

– Я не люблю теплого пива.

– Ты не ответил. Ведь холод делает пиво вкусней? Не так ли? Может, тебе нравятся холодные блюда? И напитки?

– Но не замороженные. Ты когда-нибудь оттаешь?

– Возможно. Но для этого меня надо хорошенько разогреть.

– Боюсь, моего огня не хватит. Что все-таки держит тебя?

– Луна. Луна, дорогой.

– Не понял. Можно подробнее?

– Лунная собака, которая сторожит мою чистоту.

– Может быть, тебе не стоит от меня защищаться? Тебе никогда не хотелось спуститься с небес на грешную землю и почувствовать себя просто женщиной? Теплой и земной?

– Очень хотелось. Но кто смотрит в небо, все время пытается взлететь. Кому бог дал крылья – плохо ходит по земле, переваливаясь и порой вызывая насмешки. Ему уютно только в небе – свободном и бесконечном небе – ибо птица рождается, чтобы летать. Сложенные крылья становятся горбом – ты знаешь это?

– Чертова Луна. Она притягивает тебя – смотри, как бы однажды не убила. Скорее, чем я.

– Полет – это такая штука, дорогой. Тот, кто летает, всегда рискует разбиться.

Им было тогда так тепло на этом пляже – солнце было не слишком жарким, и они лениво валялись на песке – время текло словно мимо них, сквозь них – они были наедине, но все же не вместе.

– Что главное в любви? Как ты считаешь?

– Синхронность. Конгруэнтность. Доверие.

– Ты мне не конгруэнтна? Может, ты конгруэнтна Вселенной? Может, у тебя мания величия?

– Я не конгруэнтна никому. Но ты мне подходишь больше, чем другие.

– А доверие? Ты мне доверяешь?

– Конечно. Ведь я катаюсь с тобой на мотоцикле – и на бешеной скорости. К тому же еще не надеваю шлем.

– Это потому, что ты частенько пьяна. Ты, как тролль – опьяняешься сама собой, помнишь, у Ибсена? Ты, конечно, девчонка – зашибись, но не стоит себя переоценивать.

– Однако ты со мной – я так несовершенна, а ты со мной. Это потому, что ты не из тех глупых мужчин, которые ищут свою женщину-мечту?

– Нет. Я реалист. Я знаю, какая ты, но нет сил уйти. Пока нет. Но, возможно, будут.

– О нет, не спеши, дорогой, как же я без тебя? Я несовершенна, зато ты образец лучших качеств. Практически совершенен – такой с виду серая мышь, ничем не примечательный, а такой настоящий...

– Ты же сказала – с претензией на мужественность.

– А я и не сказала – настоящий мужчина. Был бы им – давно бы меня бросил.

– Может, я однолюб.

– Да, может. Надеюсь, это твои проблемы?

– Это мои проблемы. Но ты – ты меня прогоняешь?

– Нет. Как же я без тебя, Сережа.

– Отпусти. Отпусти свою лунную собаку. Иди ко мне. Я дам тебе любовь – это намного прекрасней, чем твоя холодная чистота, согретая светом Луны. Светит – да не греет. Стань земной женщиной – теплой и простой, и все у нас будет хорошо.

– Не могу. Не могу, ведь для такой женщины, как я, Любовь и Смерть ходят рядом. Моя Лунная собака, мой холод – он и освобождает мой здравый смысл, становится противовесом тому, что смертельно.

– Разве большая любовь всегда смертельна?

– Для меня, возможно, – да. Я боюсь потерять себя – не должен человек изменять себе. Любовь – любовь с маленькой буквы. Полюбим по маленькой, а?

– Иногда ты отвратительна.

– Потому что не такова, какой ты хочешь меня видеть. Ты не хочешь принять мой целомудренный цинизм, а это спасение для нас обоих. Всепоглощающая любовь – вспомни Ромео и Джульетту. Здравый смысл, дорогой, всегда должен быть здравый смысл.

Они мчались на мотоцикле куда-то в бесконечность, и упоение этой ночью, и гармония с ней – и любовь – она растворялась в этой теплой тьме, в любви – и невесомость, и полет, и опьянение.

Она обнимала его – и он вздрагивал, его худые плечи напрягались, – она ощущала, как растет его возбуждение, а она отдавалась, бездумно отдавалась этой ночи. Алкоголь ледяным дождем осыпал ее мозг, и там распускались цветы невиданной и призрачной красоты. Луна звала, звала к себе в полет, в бесконечность – и она на секунду увидела четыре луны, они горели манящим зеленым цветом, словно были полны жизни – и каждая звала к себе.

«Вот и гармония, – думала она, – вот и равновесие...» Как вдруг он резко затормозил.

– Пересядь.

– Не поняла?

– Пересядь вперед. За руль. Теперь я хочу обнимать тебя сзади.

– Но...

– Не бойся. Никаких но. Ночь нежна. Я буду держать руль – просто сядь спереди.

Лариса медленно слезла с мотоцикла и стояла, глядя, как он освобождает ей место. Он тоже слез, и какое-то время они стояли рядом, глядя в небо, он взял ее за руку, и больше им ничего было не надо – он ведь не из тех, кто выпрашивает поцелуи, после того как ему отказали. Наконец до нее дошло, что надо сесть первой, она не спеша лениво села спереди, он за ней, обняв ее так жадно и страстно, и положив руки на руль.

Он нажал на газ – и они полетели, именно полетели сквозь эту лунную ночь, но настоящий полет был у них впереди.

Он все продолжал вздрагивать, тесно прижавшись к ней и не выпуская из рук – Лариса только держала руки на руле – а кто из них вел, это была настоящая загадка. Кажется, никто – или, вернее, оба, а значит, практически никто. В ней не было страха – было только пьянящее ощущение полета – и собственной невесомости – она летела на шабаш, но у нее был спутник.

Слияние – такое уродливое и неестественное – но все же слияние. Она только начала в нем растворяться...

«Надо бы пересесть, – подумала она, – надо пересесть, ведь так можно разбиться...»

Стена. Она возникла ниоткуда – обычная белая стена на пути Ночи и их обоих.

Ни он, ни она не успели затормозить. С размаху – внезапный и оглушающий удар – и тогда наступил подлинный полет – полет в стратосферу – сквозь этот серебряный туман и тучи – в Небо, чтобы потом удариться и разбиться о землю.

Она выпустила его руку – каждый парил в этой оглушающей невесомости, и земля – такая добрая и уютная земля – источник притяжения и силы – раскрыла объятья – чтоб стать их общей могилой.

Удар. Она была еще жива, когда приземлилась наконец – и раскроила себе голову об эту землю.

Он тоже еще был жив – кажется, у него был сломан позвоночник – но он не кричал – в этом был весь он – он никогда ни на что не жаловался. Только лежал в какой-то неестественной позе – как сломанная кукла.

Лариса поползла к нему – медленно, как змея, оставляя кровавый след – и в последний момент еще успела взять его за руку. Рука была такой живой и теплой – ей это напомнило сцену из Тристана и Изольды – это была последняя земная шутка, которая пришла ей в голову.

Он крепко сжал ее руку, все так же глядя широко раскрытыми глазами в бескрайнее небо – их последнее пожатие напоминало дружеское – ведь дружбой заканчивается обычно страсть – или смертью – как в их случае. Она еще успела взглянуть в последний раз в небо – и обманчивая зеленая Луна, казалось, полная жизни – наконец, погасла.

*Жаухар АППАЕВА,
искусствовед*

СЛОВО О МАСТЕРЕ

Заслуженный художник РСФСР, народный художник КБР, лауреат государственной премии Кабардино-Балкарии Михаил Хамидович Тхакумашев – значительная фигура в искусстве республики. Он признан как на официальном уровне, так и в художественном сообществе. Его можно назвать одним из родоначальников кабардино-балкарского искусства ваiania. У него внушительный послужной список и безупречная репутация мастера резца. Помимо творческой работы, он занимался и широкой общественной деятельностью: был председателем Союза художников КБАССР, членом правления СХ РСФСР, членом выставкома российской творческой организации художников.

Скульптор Михаил Тхакумашев в мастерской с сыном Зауром. 2017

Появление таких мастеров искусства, как М. Тхакумашев, значительно ускорило процесс становления профессионального изобразительного искусства Кабардино-Балкарии. Ведь у коренного населения края вплоть до 50-х годов прошлого столетия не было традиций изобразительного искусства, что было связано со своеобразием эстетических представлений, спецификой художественного мышления кабардинцев и балкарцев. В довоенный период в Нальчике работали лишь приезжие русские художники. Национальных кадров не было.

Важным событием в культурной жизни Кабардино-Балкарии в начале 50-х годов стало пополнение местного художественного сообщества несколькими выпускниками Саратовского и Ростовского-на-Дону художественных училищ, в числе которых был Михаил Тхакумашев. Вместе с другими наиболее талантливыми коллегами ему удалось вывести искусство нашего края на всесоюзную художественную арену. Более семи десятилетий скульптор отдал развитию искусства Кабардино-Балкарии, и сегодня, несмотря на возраст, остается креативным художником, не исчерпавшим свой творческий потенциал.

Михаил Хамидович всегда занимал активную жизненную и творческую позицию, работал очень продуктивно, причем в его произведениях наблюдался явный прогресс в художественном качестве. Его станковые и монументальные скульптуры всегда вызывали большой общественный резонанс, поскольку их художественные достоинства были неоспоримы, а сам ваятель – известен не только в Кабардино-Балкарии, но и далеко за ее пределами как автор многих получивших широкое признание скульптурных работ. Среди них портретные образы видных деятелей культуры Кабардино-Балкарии Бекмурзы Пачева, Кязима Мечиева, Алима Кешокова, Али Шогенцукова, Кайсына Кулиева, Бетала Куашева, Зарамука Кардангушева, выдающегося дирижера

Шора Ногмов. Гипс. 1959

*Артисты Али Тухужев
и Султан Каздохов. Эскиз.
Гипс. 2010*

Алим Кешоков. Гипс. 1991

современности Юрия Темирканова и многих других.

Фигуративная пластика ваятеля хранится в фондах Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств, в музеях Москвы, Мурманска, Белгорода, Воронежа, она украшает культурный ландшафт городов и сел не только нашей республики, но и всего Северо-Кавказского региона. В свое время его произведения закупались министерствами культуры РСФСР и СССР, Художественным фондом России. Он выполнял творческие заказы для Москвы, Дагестана, Краснодар, Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии, Ростова-на-Дону и других городов страны. Значительная часть произведений остается в мастерской художника.

Всю жизнь Михаил Хамидович был приверженцем реализма и не менял свои творческие ориентиры. Он десятилетиями шлифовал,

115-я дивизия. Гипс. 2017

В мастерской. 2017

совершенствовал свое мастерство. Будучи профессионально вооружен, зная все тонкости своего ремесла, он всегда добивается нужного эффекта.

Ваятель создал немало памятников в честь выдающихся людей Кабардино-Балкарии, но особенно важной в творчестве Михаила Тхакумашева стала тема Великой Отечественной войны. В годы военного лихолетья он был еще подростком, но, оказавшись на оккупированной фашистами территории, знает о войне не понаслышке. Не только полученные знания, но и пережитые страдания помогли ваятелю объективно, реалистично создать летопись военных лет. По признанию Михаила Хамидовича, работа над каждым очередным мемориалом бывает для него серьезным испытанием, всегда затрагивает его личные чувства, напоминает о близких людях, погибших в Великой Отечественной войне.

Творческая биография скульптора вполне удачна. Годы его творчества были плодотворны и по количеству созданных работ, и по их художественным достоинствам: многие его творения стали хрестоматийными. Несмотря на свой солидный возраст, он востребован как скульптор и по сей день, поскольку его произведения соответствуют высокому художественному стандарту.

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Очерк

Магомет Тахирович Абшаев

Он родился в селе Хабаз в семье сельских учителей. Отец погиб на фронте 30 июля 1941 года, а мать с трёхлетним Магометом была депортирована в Киргизию. Окончив школу, он приехал на родину и поступил на физико-математический факультет КБГУ, который окончил с отличием. Начиная с 4-го курса, работает в ВГИ. В 1967 году защитил кандидатскую, в 1988-м – докторскую диссертацию, в 1989-м ему присвоено звание профессора.

М. Абшаев выполнил фундаментальные исследования радиофизических свойств облачной атмосферы, разработал радиолокационные, радиолокационно-радиометрические и доплеровские методы обнаружения

и распознавания опасных явлений погоды, уникальный информационно-измерительный комплекс средств когерентной, некогерентной, активной и пассивной многоволновой радиолокации. С их применением им выполнены исследования макро- и микроструктуры грозоградовых облаков, их классификация по особенностям строения и динамики развития. Выявлены региональные особенности, в том числе и различия в структуре облаков Северного и Южного полушарий, чему способствовала реализация проекта противогодовой защиты в Аргентине. На этой основе были разработаны новые представления о механизме образования града, новый физический принцип предотвращения града и автоматизированная технология противогодовой защиты. Для её реализации Магомет Тахирович выполнил колоссальную работу по разработке идеологии, вовлечению промышленных предприятий, созданию опытных образцов, проведению их государственных и межведомственных испытаний и организации серийного производства двухволнового метеорологического радиолокатора «МРЛ-5», противогодовых ракет нескольких поколений, ракетных установок с дистанционным компьютерным управлением, программно-технический комплекс управления противогодовыми операциями «АСУ-МРЛ».

Он инициировал и сделал большой вклад в создание Северо-Кавказской радиолокационной сети штормоповещения и метеорологического обеспечения авиации, а также в создание доплеровских радиолокаторов «ДМРЛ-С» и «ДМРЛ-10». Совместно с сыном, идущим по его стопам, разработаны алгоритмы и программное обеспечение метеоканала радиолокационного комплекса «Сопка-2», обеспечивающего в реальном масштабе времени лётный состав ВВС картой опасных для полётов авиации гроз, шквалов и зон турбулентности. Эти наукоёмкие технические средства превосходят мировые аналоги, обеспечивают потребность страны и экспортируются в страны СНГ и дальнего зарубежья.

Крупный вклад он сделал в развитие противоградовых работ в России, странах СНГ, Аргентине, Бразилии и других, осуществляя научно-методическое руководство военизированными службами по активному воздействию на метеорологические процессы Госкомгидромета СССР и Росгидромета, подготовку специалистов, внедрение научно-технических новшеств, создание руководств, регламентирующих организацию и проведение противоградовых работ.

Его научная школа включает 20 кандидатов и 5 докторов наук, более 3500 отечественных и иностранных специалистов-практиков в области радиометеорологии и модификации погоды, более 100 дипломников и магистров – выпускников КБГУ, МГУ, КГУ, ОГМИ, ЛГМИ и других университетов страны.

М. Абшаев – учёный с мировым именем в области радиометеорологии, физики облаков и модификации погоды, автор более 500 научных работ (монографий, научных статей, патентов и научно-методических разработок). Отстаивает честь отечественной науки на международном уровне – в течение многих лет был представителем СССР и РФ в группе экспертов ВМО при ООН, в рабочей группе Межгосударственного совета по гидрометеорологии стран СНГ, в межправительственных комиссиях, на международных научных конференциях и симпозиумах.

Многогранная и плодотворная деятельность М. Абшаева, его талантливые труды выдвинули российскую науку и технику в области радиолокационной метеорологии и активных воздействий на градовые процессы на передовые позиции в мире. Его труд удостоен Государственных премий СССР, КБР, правительства РФ, почётных званий заслуженного деятеля науки РФ и КЧР, 11 медалей и дипломов ВДНХ СССР, медалей «Ветеран труда» и МЧС России, почётных грамот Госкомгидромета СССР, Росгидромета и Общественной палаты КБР, нагрудных знаков «Почётный работник Гидрометслужбы России» и «Почётный работник охраны природы».

Характерным для него, по словам коллег, является преданность науке, профессионализм и принципиальность, самоотверженный труд и

решение научных проблем от идеи до внедрения. Он не принял в погоне за деньгами и карьерой ни одно из выгодных предложений – работать в США, Швейцарии, Турции, остаться в Аргентине, переехать в Москву, Ташкент. «Может быть, где-то было бы легче реализовать свои проекты, но я, наверное, слишком привязан к родине и консервативен. Мои ученики оказались более решительны – многие из них работают в Аргентине, Англии, США, Канаде, Германии, Израиле, и вряд ли вернутся, пока у нас такая низкая оплата интеллектуального труда», – с сожалением говорит он.

Магомет Тахирович принимает активное участие в научной и общественной жизни института, республики, Росгидромета и других ведомств. Являясь членом Общественной палаты Кабардино-Балкарии, общественных советов при министерстве России по делам Северного Кавказа, при департаменте Росгидромета по СКФО и ЮФО, при Минприроды КБР, членом научного совета Росгидромета, а также заместителем председателя общественной организации «Алан», целенаправленно занимается развитием науки и образования, отстаивает межнациональный мир и согласие в республике и регионе.

У него дружная семья: дочь Амина и сын Али – доктора физико-математических наук, Зухра – детский врач, Марина – юрист. Жена находится на заслуженном отдыхе и помогает воспитывать внуков.

Юбиляр продолжает активно работать над реализацией своих многочисленных идей и проектов. Первостепенными из них он считает техническое переоснащение служб борьбы со стихией, внедрение своего роботизированного программно-технического комплекса защиты от града и сопутствующих опасных явлений (ливневых паводков, шквалов, смерчей), создание беспилотного авиационного комплекса мониторинга и предотвращения опасных явлений, который позволит наилучшим образом реализовать защиту больших территорий от градобитий и засухи. Востребованность этих проектов повышается по мере глобального потепления климата, повышения частоты (ежегодно на 6-7 %) и интенсивности стихийных явлений, приводящих к чрезвычайным ситуациям и человеческим жертвам.

Магомет Тахирович Абшаев – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ и КЧР, лауреат Государственных премий СССР, КБР, правительства РФ и международной премии «За выдающиеся достижения в области модификации погоды».

Коллеги юбиляра

М. Абшаев – ведущий учёный в области модификации погоды, развития противоголовоградных работ в России, странах СНГ и дальнего зарубежья, где успешно применяются созданные им и под его научным руководством методы и технические средства обнаружения и предотвращения града. Магомет Тахирович внёс также крупный вклад в развитие радиолокационных методов наблюдений и создание двухволнового радиолокатора «МРЛ-5», доплеровских радиолокаторов «ДМРЛ-С» и «ДМРЛ-10», автоматизированных систем обработки их информации для управления противоголовоградными операциями и выдачи информации в сеть штормооповещения и обеспечения безопасности полётов авиации. Решению этих масштабных задач способствовали неуёмная энергия, профессионализм и организаторский талант юбиляра. За цикл работ по созданию комплекса передовых радиолокационных методов и средств М. Абшаев был удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники.

*Г. Щукин,
профессор Военно-космической академии
имени А. Ф. Можайского, заслуженный деятель РФ и КБР,
доктор физико-математических наук*

Мы с Магометом Тахировичем учились на одном курсе физико-математического факультета КБГУ (отделение физики) и потом вместе были отобраны (как отличники) для работы в Высокогорном геофизическом институте. Далее вся наша научная деятельность на протяжении большого периода и до настоящего времени протекала в этом институте, куда нас привлёк его первый директор, профессор Г. Сулаквелидзе.

Магомет Тахирович уже студентом проявлял лидерские качества, огромное трудолюбие и творческий подход к занятиям, особенно когда касалось решения задач или лабораторных работ. Позднее эти качества проявились особенно ярко, когда мы стали заниматься исследованиями по физике облаков и активным воздействиям на них. Магомет Тахирович стоял у истоков этих работ и внёс огромный вклад в развитие как научных исследований, так и в организацию сложной системы противоголовоградной защиты, а также подготовку кадров в стране и многих странах мира. М. Абшаев развил ракетный способ предотвращения града и обеспечения создания современных ракетных комплексов. Благодаря ему, а также с учётом выводов других учёных ВГИ, в последнее десятилетие 20-го века институт оставался в числе самых передовых и результативных

научных учреждений Росгидромета страны и пользовался большой известностью за рубежом.

С Магомедом Тахировичем мы с самого начала создания Общественной палаты КБР принимаем активное участие в её становлении и деятельности по развитию гражданского общества в республике.

*Л. Федченко,
зам. председателя Общественной палаты КБР,
научный руководитель программ ВГИ, профессор*

М. Абшаев сделал выдающийся вклад в развитие противоградовых работ, начатых ещё в СССР, вывел эти работы на современный научно-технический уровень. Им созданы автоматизированная ракетная технология противоградовой защиты, программно-технический комплекс управления противоградовыми операциями, под его научным руководством созданы, испытаны и внедрены высокоэффективные радиолокаторы, ракетные комплексы и методы их применения. Но он энергично стремится вперёд, увлекая и нас, работников противоградовых служб. Решает проблемы полной автоматизации и удешевления системы противоградовой защиты, расширения её функций для предотвращения (ослабления) сопутствующих граду опасных явлений (ливневых паводков, гроз, шквалов и смерчей) и искусственного увеличения осадков. На базе нашей службы совместно с сыном создал действующий образец роботизированной системы предотвращения града «АСУ-Град».

Его многочисленные научные труды известны во всём мире, у него учатся и перенимают опыт специалисты многих стран. Профессор М. Абшаев, без сомнения, один из мировых лидеров в области модификации погоды, создавший свою школу.

*Х. Чочаев,
начальник Северо-Кавказской военизированной службы,
кандидат физико-математических наук*

Материал к публикации подготовила Светлана Моттаева

Кипов Мухамед Темирканович (1942–2001) – заслуженный художник КБР, заслуженный деятель культуры РФ.

Родился в Кабардино-Балкарии, в с. Нижний Куркужин. Окончил Московский полиграфический институт, был членом Союза художников России. Возглавлял правление Союза художников КБР.

Работал в книжной и станковой графике, занимался живописью, художественным оформлением спектаклей. Был участником республиканских, зональных и российских выставок. С 1976 года книги с иллюстрациями Мухамеда Кипова были представлены на Московской международной книжной выставке-ярмарке. Однако ни одной персональной выставки произведений М. Т. Кипова при жизни художника не было.

ЕГО ВСЕГДА БУДЕТ НЕ ХВАТАТЬ...

Очерк

В ноябре 2017 года исполнилось 75 лет со дня рождения художника Мухамеда Кипова. Однако эта дата практически не была отмечена общественностью Кабардино-Балкарии.

Мухамед Кипов был человеком незаурядных интеллектуальных и творческих способностей, мыслителем, ум и душа которого были полны переживаний об истории и культуре своего народа.

Один из друзей как-то сказал ему: «Твои коллеги устраивают свои персональные выставки, ищут спонсоров, издают альбомы и книги. А ты сидишь, как будто времени у тебя бесконечно много».

Художник ответил, что это его мало интересует. Ещё многое надо постичь в профессии, сделать в жизни, найти ответы на важные вопросы. Он хочет изображать людей, пейзажи – в мире так много прекрасного!

Наверное, таковы истинные таланты.

В среде научной и творческой интеллигенции Кабардино-Балкарии имя Кипова было очень авторитетным. Он был одним из главных «судей» и критиков в сфере искусства. Его оценки, мнения ждали с волнением, и не только авторы. Свободный в своих суждениях, он не оглядывался по сторонам, говорил честно. Остролов, блестяще облакающий в яркие

словесные формы свои мысли, он одной фразой мог нарушить застывшее спокойствие в творческом сообществе.

Мне по роду деятельности несколько раз довелось встречаться с художником Киповым в компании писателей. Разговор шёл об искусстве, культуре, литературе.

Запомнился напряженно-пристальный взгляд Мухамеда, отражающий сосредоточенность мыслей. В его голосе чувствовалась большая внутренняя сила, в каждом его слове была мощь.

М. Кипов был человеком свободным от идеологических штампов и конъюнктурщины, неравнодушным и знающим тенденции в мировом искусстве. Этническое дерево адыгов он знал от корней до цветков...

После ухода мастера в сельском поселении Н. Куркужин Баксанского района была открыта детская школа искусств им. М. Кипова, директором которой является мастер художественной лепки (скульптор) Рита Кужева.

Позднее вышел большой альбом, в котором собраны лучшие графические работы М. Кипова. Только тогда многие из нас, кто не бывал в мастерской художника или видел лишь отдельные его произведения, получили возможность ознакомиться с лучшими творениями автора. Это стало возможным благодаря стараниям близкого друга Мухамеда Темиркановича – народного художника КБР Заурбека Бгажнокова.

Жаль, что не написано книг о Кипове, совсем мало информации о нём в интернете. В «Википедии» нет даже краткой статьи об этом замечательном художнике. Не сохранились записи его речей, выступлений, высказываний. Благо, живы те, кто его хорошо знал, его близкие друзья.

Одна из встреч, посвященных памяти Мухамеда Кипова, состоялась несколько лет назад в Государственной национальной библиотеке КБР. Я рада, что у меня сохранился сценарий этой телевизионной передачи, запечатлевшей суждения людей, близко знавших художника.

*Салисат Беева,
главный редактор редакции вещания
на кабардинском языке «Адыгэ»
ГКУ «Вещательный телеканал
«Кабардино-Балкария»*

Заур Налоев: Я уверен, что придут времена, когда юбилеи Кипова будут отмечать всем народом. Этого Мухамед Кипов заслуживает.

Он был человеком необыкновенно талантливым и обаятельным. Я не встречал в жизни более интересного и глубоко чувствующего собеседника, чем он. Мухамед блестяще разбирался в поэзии и философии. Кабардинским и русским языками владел отлично, оратор был непревзойдённый.

Он очень тонко понимал и чувствовал человеческую душу, её бесконечные оттенки и грани, и потому умел глубоко заглядывать в бездонный колодезь по имени душа, в котором не всегда бьётся чистая родниковая вода.

Именно человек со всеми сторонами его сущности был в центре творческого внимания этого художника. Не случайно у него столько портретных рисунков. Как можно просто графически, не пользуясь никакой палитрой красок, передать состояние души! Это удивительно! Для этого, наверное, надо быть просто Мухамедом Киповым.

Он в графике смело разрушил принципы соцреализма, имел свой стиль рисования, но не это было главным в его творчестве и в нём как личности. Кипов был свободным в своих взглядах и в своей жизненной позиции, был несгибаем и бескомпромиссен, когда это касалось принципов в искусстве и искренности в человеческих отношениях. Талантливый был человек, талантливый...

Грустно, что мы говорим о нём «был». Мухамед мыслил масштабно, время чувствовал с особой остротой. Всё время шла напряженная работа его ума и сердца. Он был поэт, хоть и не писал стихов, и такое художественное восприятие окружающего мира наполняло его работы большой любовью и поэзией.

Джабраил Хауна: Помню вечер, когда я первый раз увидел Кипова. Мы собрались у Адама Маршенкулова. Как обычно, вели разговор о литературе, искусстве. В углу сидел молодой человек и курил. Это был Мухамед. Когда он зажигал сигарету, я обратил внимание на его отращенный ноготь. Потом мне много раз приходилось

Иллюстрация к поэме Ш. Руставели
«Витязь в тигровой шкуре»

наблюдать, как он своим острым длинным ногтем точил карандаш и начинал рисовать.

Зашёл разговор о повести Гоголя «Вий». И вдруг Кипов привёл высказывание Гоголя. Я посмотрел в его сторону с удивлением. Мне Гоголь очень близок как мастер художественного слова. Оказалось, что он также любим Киповым.

Я сказал ему, что принесу книгу Андрея Белого «Символика как миропонимание», что в ней и о Гоголе много интересного пишут. Он обрадовался. Так получилось, что нас Гоголь и подружил. С этого дня мы с ним никогда друг от друга не отдалялись.

Мухамед был человек с очень чистой душой, необыкновенно чистой! Слишком мало было ему отпущено, к сожалению. Он много ещё хотел сделать. Чувствовал, что время неумолимо утекает, а он ещё не приступал к главным своим работам. Мечтал сделать книжные иллюстрации по нартскому эпосу. Увы, не успел...

Люди такого масштаба и глубины мышления не так часто рождаются. То, что среди нас жил великий сын своего народа, мы поняли только после его ухода. Жаль, очень жаль...

Хотя люди наподобие Кипова не умирают. Они уходят, их физически с нами нет, но их творения живут с нами.

Заурбек Бгажноков: Мухамед Кипов был человеком, который ведёт за собой. Для меня он являлся образцом для подражания. Но планку, которую он ставил – нравственную и эстетическую – порою трудно держать.

Он никогда не изменял правде искусства, это было для него святым в творческом процессе. Мухамед Кипов был, действительно, гениальным художником, и мне непонятно, почему он остался малознакомым для большинства его современников. Хотя что тут говорить – у него при жизни не было ни одной персональной выставки. Да он и не стремился к этому. Объяснить, почему – сложно.

Иллюстрации Кипова к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» – это шедевр в графическом искусстве. Известную поэму иллюстрировали многие известные художники, работы же Мухамеда стали одними из достойнейших в этом ряду.

У Кипова много произведений, сотни рисунков, исполненных в разной технике, множество иллюстраций. Особенно много и талантливо он писал портреты и автопортреты. Нам сейчас важно собрать все его работы в один альбом и выпустить такое издание.

Хамид Кажаров: Кипов мне напоминает... открытую рану. Идёт снег, идет дождь, ветер, пыль, а рана остаётся открытой.

Мухамед очень глубоко и тонко чувствовал жизнь, пороки человеческой природы ощущал, как никто другой. Несложно понять, каково

такому человеку в нашем непростом мире. Всё это, конечно, отражалось в его спрессованных мыслях и его работах.

Нам его всегда будет не хватать...

Мухамед Кипов будет всегда современным. Что его делает таким? Прежде всего, его искренность и открытость, умение видеть мир насквозь и умение глубоко чувствовать. Фальши в нем не было ни творческой, ни человеческой.

Михаил Горлов: Мухамед всю жизнь пропагандировал идею свободы. Творческий путь он начинал очень бурно. Потом ушел в депрессию, затем стал спокойным и грустным. Когда наступили времена демократизации и свободы, ему, по-моему, стало тоскливо. Он тогда ушёл ещё в более жёсткий реализм, как мне кажется. Потеря духовных ориентиров для нескольких поколений Киповым переживалась очень сильно. Стихотворение «Старый фонтан» именно об этом.

Кипов ни на кого не был похож, жил, мыслил, творил очень ярко, не изменил своим творческим и человеческим принципам и оставил в искусстве и в наших сердцах яркий и неизгладимый след.

Руслан Цримов: В Мухамеде Кипове было одно качество, которое свойственно очень малому количеству людей. У него было эпическое мировосприятие, эпическое состояние сознания. Он наблюдал за всем и всеми и за собой как бы со стороны, видел мир целостным и в связи с человеком, всем человеческим обществом.

Всё, что делал этот художник, – это был разговор с самим собой и с этим миром. Такое ощущение было, что он не слышал, что ему говорят. Диалога с миром у него не получалось. Но «монологи» Кипова позволяют заглянуть в глубины его неповторимой души и понять боль и радость, которыми он жил.

Мадина Кипова: Для меня отец был самым любимым, уважаемым, тонким, очень умным и очень талантливым человеком.

Наши народы – кабардинцы, балкарцы и другие – живы не хлебом единым. У них всегда была большая потребность в красоте, высоком, духовном. Хочется, чтобы государство и общество уделяли искусству больше внимания.

Людей талантливых у нас много. Их надо ценить при жизни, пока они ещё среди нас.

*Кашиф УНЕЖЕВ,
доктор философских наук, профессор,
академик АМАН,
заслуженный деятель науки КБР*

ФЕНОМЕН АДЫГЭ ХАБЗЭ (АДЫГСКОГО ЭТИКЕТА)

Инки и ацтеки, древние египтяне, китайцы, индусы и многие другие народы оставили после себя множество гениальных творений в материальной и духовной культуре человеческой цивилизации. В этом многообразии самовыражения народов мира, в истории некоторых из них, к сожалению, были и такие случаи, когда человечество оказывалось на грани глобальной катастрофы, когда нравственность, духовность отодвигались на задний план и приоритет отдавался вождями и правителями, сиюминутным политическим интересам или личной славе. Но уникальность и сложность человеческой истории заключается в том, что почти всегда разум и справедливость одерживают победу над «дьявольскими» идеями и их носителями. Этому способствовали культура человечества, ее позитивные начала, дух добра, человеколюбия. И чтобы понять многообразную культуру человечества, вклад каждого народа в эту общую «копилку», необходимо внимательно изучить культуру каждого из них, постичь его мироощущение, поведение, образ мышления, его систему ценностей, ибо, как метко высказался Гоголь, «национальное – не в описании сарафана», а в том, чтобы смотреть на мир «глазами своей национальной стихии».

Для того, чтобы понять эту самую «национальную стихию» адыгов (черкесов), необходимо рассмотреть, в чем заключается феномен «Адыгэ хабзэ» (адыгского этикета), который является для этого древнего народа уникальным способом восприятия мира, в том числе самого человека.

Чтобы понять культуру адыгов (черкесов), как любого другого народа, необходимо разобраться в ментальности этноса. Это очень важно, потому что ментальность – возможность человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему его культурой и эпохой. Ментальность народа – это «мыслительный инструментарий», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и исторически обусловлен, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики. Для уяснения сути ментальности народа исследователю приходится, не принимая на

веру выраженные заявления людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, «докапываться» до более потаенных пластов их сознания, пластов, которые могут быть обнаружены в этих источниках скорее, как бы против их намерений и воли¹. Чтобы выявить эти пласты адыгов, понять их духовность, необходимо разобраться в Адыгэ хабзэ, который является своего рода неписанным законом, культурной ориентацией, охватывая все стороны жизни, начиная от самых незначительных моментов до принципов взаимоотношений этого этноса с другими народами и государствами.

Адыгэ хабзэ для черкеса – это, пожалуй, больше, чем религия, больше, чем целая философская система взглядов на окружающий нас мир. Адыгэ хабзэ для адыга – это его образ жизни, его образ мышления. Адыгэ хабзэ – это поведение адыга от его рождения до ухода в иной мир. Он его соблюдал везде и всюду. С этим неписанным законом он рождался и уносил его в могилу. Сложность феномена Адыгэ хабзэ заключается в том, что он пронизывал и пронизывает в определенной степени и сейчас всю адыгскую жизнь, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей всех возрастов и поколений обоюбого пола независимо от социального статуса каждого. Сложность феномена Адыгэ хабзэ заключается еще и в том, что этот свод законов регулировал каждый поступок любого человека в любой ситуации, будь это в быту или на войне. «Детализируя» все действия человека, он как свод неписаных законов адыгов выступает во многом и как общее учение, и на вопрос: «Что такое Адыгэ хабзэ?» – однозначно ответить трудно.

Адыгэ хабзэ формировался как выражение ментальности адыгов, начиная с древнего периода его истории, и всегда приспосабливался к новым социально-экономическим и политическим условиям их жизни. Можно предположить, что адыгский этикет в том понимании, в каком мы его представляем и знаем, окончательно сформировался в условиях феодализма. Именно в эпоху феодальной Черкесии он оформился окончательно, и наиболее полное представление о его принципах и элементах было получено из познаний того периода. Поэтому, чтобы понять феномен Адыгэ хабзэ, мировоззрение его носителей – адыгов, необходимо иметь четкое представление о феодализме вообще и об адыгах в частности.

Адыгэ хабзэ не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов, способы производства, социальный строй, типы военной организации, принципы взаимоотношений адыгского общества с другими народами и т. д. Адыгэ хабзэ регламентировал отношение даже к рабам и врагам.

Таким образом, принципы Адыгэ хабзэ в полном объеме и детально, вплоть до мельчайших подробностей, регулирует все традиционные общественные институты адыгов (черкесов). В частности, важнейшие из них, – гостеприимство, куначество, аталычество, кровная месть, на-

ездничество и т. д. Система взаимоотношений между представителями различных социальных слоев общества, институты представительной власти, как они функционировали, точнее сказать, как они регулировались посредством Адыгэ хабзэ, – все это также детально в отражено в этническом кодексе адыгов.

Огромное место отведено в Адыгэ хабзэ вопросам воспитания подрастающего поколения, застольному и танцевальному этикету, военной культуре адыгов (черкесов), свадебным и похоронным обрядам, семейным отношениям и всем остальным сферам жизни народа. Особое место занимают в Адыгэ хабзэ вопросы уважительного отношения к старшим, к женщине. Адыгэ хабзэ детализирует даже формы приветствия и прощания, манеру верховой езды. Словом, в Адыгэ хабзэ «расписано» все и вся в жизни адыгов (черкесов).

Чтобы понять феномен Адыгэ хабзэ, необходимо разобраться с ментальностью носителя этого этикета, и наоборот, чтобы понять ментальность адыга, необходимо иметь четкое представление об этом этикете, о социальных условиях его возникновения и функционирования. Другими словами, Адыгэ хабзэ и менталитет адыгов находятся в тесной диалектической взаимосвязи.

Об адыгском этикете писали многие авторы, в том числе зарубежные путешественники и ученые. Но все они затрагивали только отдельные аспекты этой проблемы. Наиболее полно из местных авторов рассмотрели эту малоизученную проблему традиционной культуры адыгов Б. Х. Бгажноков², С. Х. Мафедзев³, Б. К. Утижев⁴ и др. По нашему мнению, Б. Х. Бгажноков справедливо отметил, что этикет – это, прежде всего, ядро, организующий центр традиционно-бытовой культуры общения. Обычно же под этим понимают форму поведения, обхождения, правила учтивости, принятые в каком-либо обществе⁵. Этикет какого-либо народа, то есть этноэтикет, не существует вне времени и пространства. Поэтому он видоизменяется в зависимости от изменений социально-экономических и политических условий жизни каждого этноса. В связи с этим содержание этикета и его место в социальной жизни той или иной общности определяются конкретно-историческими условиями развития этноса.

Э. Дюркгейм отмечал, что в обществах сегментарного типа, то есть замкнутых, мало подверженных влиянию со стороны, нормы этикета почти всецело, до деталей, определяют форму поведения: «Способ, каким человек должен питаться, одеваться в каждом обстоятельстве, жесты, которые он должен производить, определены с точностью».⁶

Как было сказано выше, адыгский этикет зародился и развился в глубокой древности. Он уходит своими корнями в эпоху родового строя. Многие принципы адыгского этикета имели место уже в эпоху создания нартского эпоса, в сюжетах которого в той или иной степени они прослеживаются. Адыгский этикет – творение всего народа. Поэтому

он тесно связан с его историей, вернее сказать, он «растворен» в его истории, он – его история. Не случайно в адыгском этикете остались следы каждой эпохи этой истории, начиная с периода матриархата (матриархально-родовой организации) до классового общества. В этом плане можно привести примеры из нартского эпоса, в котором нашли свое отражение и матриархальный, и патриархальный периоды истории адыгов и их преломление в адыгском этикете. Именно в нартском эпосе можно проследить путь становления и развития адыгского этикета, ибо он создавался и развивался в период от родового строя до появления феодализма. Именно на стадии феодализма окончательно сформировался адыгский этикет в таком виде, в каком мы его знаем и каким его узнали европейцы.

Рыцарское, уважительное отношение к женщине по адыгскому этикету выработано у адыгов еще в эпоху нартов. Об этом красноречиво свидетельствуют многие нартские сказания, где в центре событий и объектом всеобщего уважения выступает женщина. В нартском эпосе часто выступает «мать нартов» – Сатаней. Она – величественная фигура матриархата. Знаменательно, что создатели эпоса обрекли всех своих героев на физическую смерть, а Сатаней наделили бессмертием. В этом плане можно согласиться с В. И. Абаевым, который считает, что можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаней. Она – олицетворение доброты, чистоты и неугасимого огня любви к очагу, к ближним ⁷. Это касается, прежде всего, более раннего этапа становления нартского эпоса, когда женщина выступает во всех вопросах жизни общества в роли главного действующего лица.

Так и в других нартских сказаниях, посвященных Адиюх, Даханаго, Малечипх, легко прослеживаются черты матриархата, следы которого запечатлены в Адыгэ хабзэ. Словом – фактическое обожествление женщины, она священна, неприкосновенна, ее слово – закон для всех. Эти традиции адыгского этикета уходят своими корнями в матриархально-родовой строй адыгов и их предков. Все это наложило определенный отпечаток на этикет этого этноса.

В нартских сказаниях женщин наделяли невероятной физической силой и по отношению к мужчинам, и по отношению к природе. Это говорит о том, что женщина занимала особое место в жизни народа.

Вот как эта сила женщины показана в нартском эпосе на примере одной из его героинь – Малечипх («Мэлэчыхъу» – «дочь Малеча» – К. У.) в сказании «Как Малечипх вышла замуж»:

*Малечипх реке великой
Говорит слова такие:
«Слушай, Псыж⁸ полноводный,
Псыж холодный, бурливый,*

*Горделивый, свободный,
Разомкни свои волны
Перед вестником скорби!»
В тот же миг на семь проток
Разделилась гладь речная,
И по камням семицветным
Конь ступает без опаски.⁹*

Таким образом, эти строки из нартского эпоса свидетельствуют о том, что женщина в жизни адыгов, как и у остальных народов мира на стадии матриархата, играла главную роль, и это отразилось в их культуре. Однако следует отметить, что основное ядро нартского эпоса относится ко второму периоду общечеловеческой истории, а именно патриархату. И это тоже наложило отпечаток на адыгский этикет. Культ мужчины, особенно старшего члена семьи, рода, фамилии, общины – Тхамады, всегда присутствует в нартском эпосе. Примечательно и то, что в этом эпосе четко прослеживается процесс перехода общества от матриархата к патриархату, когда мужчина начинает занимать главное место в жизни общества. Это видно из работы Хасы нартов, куда теперь вообще не приглашались женщины, это подтверждают и многие нартские сказания более поздних периодов истории адыгов,

В сказании о бое Сосруко с могущественным и всемогущим Тотрешем отразились патриархальные отношения в обществе. Например, после поражения Сосруко, возвращавшийся домой, на вопрос матери – Сатаней: «Что нового видел ты на Хасе?», отвечает: «Женщина о Хасе не спрашивает, к женщине за советом не идут, кто идет, тот не мужчина!»¹⁰

А в другом нартском сказании о Бадыноко, он выступает против обычая нартов убивать стариков, когда они достигали преклонного возраста и становились физически беспомощными людьми. Речь идет о том, что по достижении преклонного возраста такому нарту устраивали «последний пир». После такого пира его сажали в плетеную корзину и сбрасывали с обрыва. Такую гору адыги называли «жыгыъейбг» (дословно: «гора, где оплакивали стариков». – К. У.). В отказе от этого жестокого обычая мы видим, какое уважение стали оказывать нарты не только старику, но и старухе, что культ старшего, уважительное отношение к нему занимают особое место в адыгском этикете.

Вот описание момента отказа от обычая убивать стариков в сказании «Как Бадыноко ввел в Стране Нартов новый обычай».

«Был у нартов старый, но плохой обычай. Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог уже вытащить тремя пальцами меч из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня, не мог натянуть лук, чтобы подстрелить дичь, не было у него силы, чтобы надеть на ноги ноговицы, чтобы держать грабли в руках, чтобы сложить копну сена, не было уже

у него силы, чтобы не дремать, охраняя стадо, – сажали этого дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селения. Выносили и поднимали на вершину Горы Старости. К плетеной корзине приделывали большие каменные колеса и пускали корзину по обрыву – в пропасть. По обычаю нартов, Бадыноко должен был сбросить своего отца после «последнего пира» в пропасть, но он пожалел его, спрятал в пещере и там его содержал. В свою очередь, Бадын – отец, давал своему сыну умные советы, как выйти нартам из различных экстремальных ситуаций, и благодаря этим советам старого мудрого человека нарты были спасены от голода и разрухи. А когда нарты узнали, что именно благодаря советам старца они спасены, они порешили: отменить старый обычай, ибо он плох, не увозить дряхлых стариков на вершину Горы Старости, не бросать их в пропасть по дороге смерти, а лелеять их старость и слушаться их мудрых советов. Так ввел Бадыноко в Стране Нартов новый обычай, и старики жили с тех пор до самого предела своей жизни, наставляя нартов мудростью и благословляя Бадыноко»¹¹.

Мы привели эту выдержку из нартского сказания, стремясь показать, как менялась психология у нартов по отношению к старшему поколению, как вырабатывался у древних предков адыгов культ старшего, уважительное отношение к нему, что является по сегодняшний день неотъемлемой составной частью адыгского этикета. Вершиной высочайшего уважительного отношения к старшему по адыгскому этикету является институт Тхамадизма. Мы уже говорили о нем, и нет необходимости повторять сказанное, но следует отметить, что фигура Тхамады всегда присутствует и в нартском эпосе. Без его участия и решающего слова не обсуждался ни один вопрос, будь то бытовые или общественные дела. Хаса нартов проводилась с его непосредственным участием и под его руководством. На Хасу специально приглашался Тхамада, его слово было решающим. Все это наложило определенный отпечаток на его место в адыгском этикете, которое он занимает по сегодняшний день.

Многие другие стороны адыгского этикета также уходят своими корнями в глубокую древность, чему мы имеем множество подтверждений из нартского эпоса. В этом плане много примеров мы находим по вопросам институтов гостеприимства, куначества, наездничества, системы воспитания подрастающего поколения, уважительного отношения не только к представителям старшего поколения, но и младшего.

Вот что говорится, например, в нартском сказании «Как родился Бадыноко», как свидетельство того, что с древнейших времен у адыгов гость был священной личностью и был окружен огромным вниманием хозяина дома: «Спустя некоторое время Сосруко вновь приехал в ту семью вместе с одним нартом-всадником. Его пригласили в дом, ждал он недолго – и, как положено по обычаю, в отведенную ему комнату вошла хозяйка, неся рог с марамажеем¹² в руках, и с нею кан-девушка¹³.

Утром, когда стало светать, вернулся Шабатын. Как только он вошел в дом, сказали ему: «У нас гостит Сосруко».

– Приведите ко мне, не держите в кунацкой, – сказал он и велел позвать к себе Сосруко¹⁴.

В этих выдержках из одного из нартских сказаний ясно представлены принципы института гостеприимства, со всеми его атрибутами, который занимает одно из значительных мест в адыгском этикете и четко прослеживается в древнейшем памятнике духовной культуры адыгов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что возникновение адыгского этикета и в целом адыгской традиционной культуры и ее проникновение в современную культуру прошло длительный путь. Действительно, путь к современному адыгскому этикету был чрезвычайно трудным и длительным. Он во многом восходит не только к нартскому эпосу, но и к мифологии, хотя между ними невозможно провести четкую границу. Поэтому справедливо отмечает, на наш взгляд, Ю. М. Тхагазитов, что «соотношение миф-эпос-этикет позволяет выяснять своеобразие сущности и формы имманентного развития традиционных звеньев адыгской культуры. На исторически последовательных стадиях развития адыгов, духовного освоения ими мира, соотношение миф-эпос-этикет, как составляющая динамической целостности, представляет собой основу преемственности различных типов художественного сознания»¹⁵. Другими словами, до формирования адыгского этикета в жизни его носителя, прежде всего, имели место миф и эпос. Поэтому этикет при своем формировании не мог не опираться на них, и они наложили определенный отпечаток на него. Миф-эпос-этикет выступают как структурная целостность. Но миф, как известно, возникает на самых ранних этапах развития человечества, то есть тогда, когда человек выделяется из биологического мира и становится существом биосоциальным. Генетически и типологически, в синхронном и диахронном аспекте миф соотнесен с обрядом, ритуалом. А архаический ритуал важен еще потому, что он по-своему синтезирует архаический миф и этикет, так как ритуал не только «запечатлевает миф, но в нем, несомненно, воплощены первоначальные свойства этикета, в том числе адыгского. Миф, ритуал, эпос, этикет находятся в органической связи, они взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. Адыгский этикет рационализировал впоследствии миф, эпос¹⁶.

Исходя из этого, можно заключить, что адыгский этикет в своем становлении и развитии прошел три основных этапа или стадии: миф, эпос и сам этикет.

Одним из основных постулатов адыгского этикета является традиционно-бытовая культура общения, коммуникативное поведение каждого человека независимо от его возраста и социального положения. Этот процесс можно подразделить на следующие стадии:

- 1) неопределенности;
- 2) регламентации;
- 3) обобщения.

Стадия неопределенности относится к самому раннему периоду человеческой истории, когда люди еще не пришли к тому, чтобы установить, строго фиксировать стандарты общения, приуроченные к различным ситуациям взаимодействия. На этом этапе истории человечества «нащупываются» только возможные пути стандартизации взаимодействия, и процесс этот носил в основном стихийный, малоосознанный характер.

Вторая стадия знаменует собой формирование и утверждение широкой сети правил коммуникативного поведения во всех типичных социальных ситуациях. Причем эти правила поведения непомерно детализированы и конкретны. Это и есть, собственно, стадия формирования этикета в целом. Она охватывает период человеческой истории, начиная с родового строя, и продолжается до феодализма, где завершается формирование этикета.

Разложение феодального общества кладет начало третьей стадии развития адыгского этикета, который переживает и современность¹⁷.

Из сказанного следует, что этикет уходит своими корнями в мифологию и к героическому эпосу, а миф органически связан с ритуалом, и они нередко выступают вместе. Миф является словесным выражением ритуала. Из ритуала и мифа рождается обычай, система взаимоотношений, а следовательно, принципы межродового общения.

Эти нормы поведения людей определяются ментальностью этноса, природными условиями и уровнем развития производительных сил. «Видные мыслители XVII-XVIII вв. Боден, Монтескье и Гердер в согласии с научным уровнем их эпохи предлагали, – писал Л. Н. Гумилев, – все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т. п. определяются природой стран, населенных разными народами»¹⁸.

Так и адыгский этикет, как культура народа, тесно связан с природой, со средой обитания адыгского этноса.

Адыгский этикет в своем становлении и развитии прошел длинный путь, как и сам народ – его носитель и создатель. Как было сказано выше, нет такой сферы человеческой жизнедеятельности, которую бы не затрагивал адыгский этикет, где бы им не регулировались все действия человека. Чтобы понять этот феномен, необходимо остановиться на отдельных сторонах деятельности и поведения людей и на том, как они регулируются адыгским этикетом. Именно после этого можно себе представить ясную картину этого уникального явления, восхищавшего многих зарубежных ученых и путешественников, которые бывали в Стране черкесов и ближе познакомились с ними. Европейские авторы сравнивали Адыгэ хабзэ с «франкским», с рыцарским этикетом времен

первых королей Германии и Франции. «Обхождение их (черкесов. – К. У.) похоже на франкское: они вежливы и, приветствуя, снимают шапку; женщины принимают чужеземцев с радушием; для принятия пищи они садятся по-франкски за стол»¹⁹ – писал Ксаверио Главани в своем «Описании Черкесии», составленном еще в 1724 г.

А англичанин Дж. Белл, который жил среди черкесов в течение несколько лет (1837-1839), высказался об адыгском этикете следующим образом: «По всему тому, что я видел, я смотрю на черкесов в массе, как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-нибудь читал»²⁰. А корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. Лонгворт, который тоже внимательно изучал быт, нравы черкесов, писал, что «ни в какой другой стране мира манера поведения людей не является столь же спокойной и достойной»²¹.

Весьма лестно высказывались европейцы не только об Адыгэ хабзэ, но в целом о черкесах. Они все отличали не только уникальность адыгского этикета, но также восхищались их духом, физической красотой, трудолюбием и т. д. Известный ученый-геолог, натуралист и археолог Фредерик Дюбуа де Монпере писал о черкесах следующее: «Если бы я смел судить о путях Господних, я бы сказал, что Провидение пожелало возродить, обновить другие деградировавшие расы, смешав их с прекрасной черкесской расой; но нам ли судить о деяниях высшего разума!»²². Этот перечень высказываний зарубежных авторов о черкесах, которые бывали в их стране, можно было бы продолжить.

Адыгскому этикету трудно дать однозначное определение, но попытаемся объяснить, в чем его суть и специфика. Во-первых, следует отметить, что Адыгэ хабзэ возник в глубокой древности, уходит своими корнями в эпоху матриархата, родового, бесклассового строя. Этот факт мы постарались доказать на примере нартского героического эпоса, где многие элементы и принципы адыгского этикета имеют место.

Во-вторых, адыгский этикет «вторгается» во все сферы жизни человека и общества. В нем детально разработана система воспитания подрастающего поколения. В-третьих, в адыгском этикете подробно «расписаны» правила межличностного общения не только между членами одной семьи, но и с чужими людьми. Здесь эта система настолько детализирована, что по этикету требуются особые формы и правила в межличностных контактах – от приветствия до прощания. Эта система общения регламентирует правила поведения любого человека, как в быту, так и в общественных местах. В-четвертых, по адыгскому этикету в межличностном общении особое место отводится толерантности каждого человека. Поэтому эта черта характера воспитывается в каждом человеке с раннего возраста. Соблюдать все требования адыгского этикета – значит обладать «адыгагъэ», т. е. человечностью. Адыгский этикет предполагает, прежде всего, видеть в человеке самого человека, уважать

в нем личность, если даже он враг. В этом плане уместно сослаться на один из важнейших принципов адыгского гостеприимства, по которому хозяин дома не имеет права отказывать в приеме в качестве гостя любому человеку, если даже между ними кровная вражда.

Предполагается, что именно адыгский этикет стал одним из основных барьеров в укреплении позиций религии в среде адыгского этноса. Ни для кого не секрет, что у адыгов религия никогда не играла такой важной роли в жизни, как это имело и имеет место у остальных народов, в том числе горцев Кавказа. Дело в том, что адыгский этикет решал почти все проблемы религии, выполнял социальные функции в жизни общества больше, чем религия. Требования религии «растворились» в Адыгэ хабзэ, ибо он содержательней, чем религия, в охвате проблем общества. Тем не менее, следует констатировать, что при сравнении важнейших требований и принципов Адыгэ хабзэ и религии мы находим много общего.

Следовательно, Адыгэ хабзэ не только неписанный свод законов адыгского этноса, но и своеобразная религия. Адыгский этикет оказывается подчас сильнее, чем религиозное сознание, поэтому религия не могла вытеснить его из жизни адыгского этноса. Но этот феномен еще требует специального научного исследования. Чтобы понять суть и специфику Адыгэ хабзэ, недостаточно только знания его – необходимо родиться адыгом и жить среди адыгов. Для постижения сути Адыгэ хабзэ необходимо знать дух адыга, который формируется именно через Адыгэ хабзэ. Последний и адыгский менталитет неразрывно связаны друг с другом. Менталитет адыгов не только складывается посредством Адыгэ хабзэ, но и проявляется через него.

Таким образом, Адыгэ хабзэ – это особый способ видения окружающего нас мира. Это особый тип поведения человека. Это особая форма межличностных отношений. В этом его жизненная сила. Несмотря на самые немыслимые формы и методы воздействия на Адыгэ хабзэ на протяжении тысячелетий, он модернизировался с учетом изменений социально-экономических и политических условий жизни адыгов, и до сих пор продолжает оказывать значительное влияние на жизнь общества. В тех семьях, где испокон веков Адыгэ хабзэ был нормой жизни, методом воспитания детей, показателем уважительного отношения к личности, он до сих пор жив и выполняет те же функции, что и сотни лет назад, но с некоторыми «поправками», сделанными временем, особенно эпохой бурных и противоречивых событий XX в. На адыгский этикет и в целом на адыгскую культуру наложил глубокий отпечаток социальный строй, который видоизменялся в течение многовековой истории данного этноса. А социальный строй каждого этноса во многом зависит от среды его обитания, от ее ландшафта. В таком вечном единстве находились все народы, ныне живущие и исчезнувшие за всю историю человечества.

Народ адыгов, находясь в тесной гармонии с природой Кавказа, через Адыгэ хабзэ развивался, вырабатывал свой дух, свой менталитет. Видимо, поэтому великий немецкий мыслитель прошлого столетия Гегель отметил, что «только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, – только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю»²³. Именно в органическом единстве с природой Кавказа адыги, как и другие коренные народы, создали свой образ жизни, свой образ мышления, свои стереотипы поведения.

Стандарты мышления народа, в том числе и художественные, всегда соответствовали социально-экономическим и политическим условиям его жизни. Если исходить из этого положения, то адыги задолго до монгольского нашествия, еще в IV в., переживали период феодализма. Таким образом, период от IV до XIX в. был периодом не только дальнейшего развития феодализма, но и отрезком времени, когда Адыгэ хабзэ – основной неписаный закон жизни, модернизировался. Это был период, когда многие его принципы и положения начинают все четче и четче защищать интересы князей и дворян. Более того, именно период зарождения и развития феодальных отношений сопровождался процессом выделения из общеадыгского этикета нового – дворянского этикета (Уэркъ хабзэ). Стало быть, Уэркъ хабзэ зародился наравне с процессом появления князей и дворян в адыгском обществе. Подобно тому, как они имели свой особый социальный и политический статус, в отличие от трудового люда, адыгские феодалы создали себе свой особый этикет, свою особую культуру, которая в целом опиралась на общеадыгский этикет.

Академик П. С. Паллас охарактеризовал адыгских феодалов следующим образом: «Это род рыцарей, которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссии и Лифляндии»²⁴.

Адыгские князья и дворяне не то чтобы создали свой новый, отличный от общеадыгского, этикет; они просто на его основе создали свои стандарты поведения, свои формы и методы соблюдения всех его требований и принципов. Уэркъ хабзэ, можно полагать, более детализировал Адыгэ хабзэ. Все важнейшие его требования соблюдались более скрупулезно, более «заметно», со своими специфическими способами и методами. Эту разницу между простыми крестьянами и феодалами в соблюдении Адыгэ хабзэ мы прослеживаем везде и всюду. Возьмем, к примеру, танцевальный этикет адыгов, который является составной частью общеадыгского этикета. А многие его элементы соблюдались в первую очередь именно князьями и дворянами. К ним относится, напри-

мер, наездничество – один из традиционных общественных институтов адыгов – было только их занятием. «Набеги с целью добычи рабов, скота, имущества по своей значимости в социальной жизни, в духовной атмосфере феодальной Черкесии, – пишет Б. Бгажноков, – одна из самых примечательных страниц ее истории. Не случайно в пантеоне адыгских языческих божеств покровитель наездничества и наездников Зек1уэтхэ («зек1уэ» – поход, набег; «Тхэ» – Бог)»²⁵. Что касается другого, не менее значимого традиционного института – аталычества, который занимал заметное место в жизни адыгов, в Адыгэ хабзэ, то он был фактически институтом феодалов, т. е., в первую очередь, детей князей и дворян отдавали на воспитание аталыку.

Образ жизни адыгских феодалов, их культура были образцом для подражания для всех остальных горцев Кавказа. Многие феодалы Абхазии, Чечни, Дагестана, Осетии и все остальные горцы с большой охотой отдавали своих детей на воспитание адыгским уоркам (дворянам) – аталыкам. Они знали, какое место занимает Адыгэ хабзэ в жизни Черкесии и какие положительные функции он выполняет в воспитании полноценного, высоконравственного, физически здорового молодого поколения. Словом, они знали, что воспитанный на традициях Адыгэ хабзэ всегда мог выжить в любых экстремальных ситуациях, ибо этого человека отличали такие качества, как выносливость и вежливость, смелость и отвага, толерантность и честность, доброта и непримиримость к несправедливости и т. д.

Адыгэ хабзэ огромное значение придавал развитию в человеке разумной способности суждений и эстетического чувства прекрасного, чувства меры и справедливости в делах как гражданских, так и частных. Для более полного понимания сути и специфики Уэркъ хабзэ необходимо обратиться к некоторым его требованиям и принципам. Есть специальные понятия в этом этикете, как Уэркъ къафэ (дворянский танец), Уэркъ хьэл (дворянский характер), Уэркъ шытесык1э (дворянский метод верховой езды) и т. д. О том, что именно Уэркъ хабзэ соблюдал более скрупулезно, щепетильно все требования Адыгэ хабзэ, на базе которого он возник, можно наблюдать на примере танцевального этикета дворян. По дворянскому этикету партнеры должны были танцевать более степенно, без резких движений, более торжественно. Вообще, по общеадыгскому танцевальному этикету строго запрещалось танцору все, что могло унижить девушку. Например, не допускалось прикосновение к ней во время танца, запрещались какие-либо резкие жесты, шутки и т. д. Особенно строго эти требования соблюдались при Уэркъ къафэ (дворянском танце). Кроме этого, девушкам тоже запрещались резкие движения при танце. Она должна вести себя скромно, вместе с тем торжественно, ее осанка должна была быть во время танца горделивой, а движения плавными. Она не имела права поднимать свои руки выше пояса, движения рук

тоже должны были быть плавными и как бы ласкающими. Она должна была только изредка смотреть во время танца прямо в глаза партнеру. Дворянка выходила в круг танцевать на деревянных ходулях, затем она спокойно снимала их и танцевала. До тех пор, пока девушка не наденет эти ходули и не займет свое место, ее партнер обязан был стоять перед ней, почтительно вытянув руки по швам. Затем, откланявшись, он отступал на несколько шагов назад, пятясь, и, развернувшись правым плечом к девушке, возвращался на свое место. Дворянин почти за все время танца стоял на пальцах и, как орел, парил над девушкой²⁶. Причем не допускался надменный взгляд в сторону девушки, наоборот, партнер смотрел в ее сторону торжественно и ласково, как бы любясь грацией ее движений, красотой, оберегая ее. Инициатива прекращения танца и ухода из круга принадлежала во всех случаях девушке. Считалось плохим тоном долго танцевать с одной и той же девушкой и часто выходить в круг на танец, т. е. соблюдалась своего рода джентльменская очередность в танцах. Таким образом, в дворянском танце все требования этикета дворян соблюдались исключительно строго и неукоснительно, и случаи отклонения от этих норм осуждались строго. А когда танцевали простые крестьяне и другие представители низших слоев общества с некоторыми отклонениями от этих норм танцевального этикета, их судили не так строго и старались особо не обращать внимания на эти «изъяны», т. е. и их танец соответствовал их общей культуре, которая была более грубой, более «приземленной».

В подчеркнуто детальном соблюдении всех норм дворянского этикета его носителями можно убедиться еще на примере застольного этикета. Мы немного затронули этот вопрос с культом Тхамады. Но следует отметить, что именно за столом адыг не столько принимал пищу, сколько показывал свою культуру, свой интеллект. Адыгское застолье в целом – это Адыгэ хабзэ в миниатюре, это адыгская философия.

Прежде всего, следует отметить, что адыги всегда питались очень умеренно, но и пища была самой разнообразной и высококалорийной. О разумном питании, о количестве разнообразных блюд, подаваемых гостям, говорили многие иностранные авторы.

Присутствовать за адыгским столом не только интересно, но и чрезвычайно трудно, ибо, по признанию многих авторитетных авторов, адыгский застольный этикет является одним из самых сложных во всем мире. Здесь за каждым человеком закреплено определенное место, пусть в помещении или во дворе, где присутствуют десятки, а то и сотни гостей. Рассаживаются гости, прежде всего, в зависимости от возраста и степени родства с хозяином дома. Самое почетное место застолья отводится Тхамеде, где он и находится до конца. Пища также подается в той же последовательности, в какой рассаживались гости. А самое трудное в обслуживании стола гостей – это подача блюд, особенно

части птицы, туши барана или крупного рогатого скота. Дело в том, что не каждую долю можно было подавать любому человеку, а в зависимости от возраста и степени родства гостей и только определенную. Даже были (во многом и сейчас это соблюдается) строгие требования по поводу очередности подачи блюд.

Мы эти примеры приводим не для того, чтобы описать все правила, а чтобы отметить, что они самым тщательным образом соблюдались по дворянскому этикету. Более того, по нормам этого этикета строго запрещалось употребление дворянами и князьями требухи. Употребление ее считалось унижением их достоинства, и всегда эту часть передавали крестьянам и рабам. Настолько к подобным вещам они строго подходили, что даже серединку арбуза не ели, сравнивая ее с требухой. Так, по крайней мере, многие старожилы Кабарды объясняли странность обращения с арбузом дворян и князей.

Но в целом самой главной особенностью, стержнем дворянского этикета было то, что он всецело схож со средневековым рыцарским. Вообще, черкесы всегда приучали своих детей быть умеренными во всем. Содержание понятия «чрезмерность» выходило за рамки благовоспитанности. Это касается и умеренности в еде, и лаконизма в речи, и сдержанности в проявлении эмоций, и даже в выборе цвета одежды и т. п. Уместно вспомнить здесь расхожее японское выражение: «Все излишнее безобразно». Тяготы и различные жизненные трудности были известны с ранних лет, в том числе детям князей и дворян. Именно последние воспитывались выносливыми, умеющими переносить голод, холод и другие лишения. Впоследствии эти качества не раз их выручали²⁷.

Многие иностранные авторы обращали внимание на большую сдержанность адыгов в еде.

Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи, который был в «в стране Черкесии» в начале XIX в., писал, что они ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости в кражах и умению переносить голод и усталость (выделено нами. – К. У.). Он указывал, что подобное воспитание напоминает героические времена Греции, и оно пользовалось таким признанием, что татарские ханы древности посылали своих детей в Черкесию на выучку аталыкам. Во время своих путешествий или набегов против соседей им на целый день хватает небольшого количества кислого теста (имеется в виду, наверное, «хьэтыкъ» – лепешка из кукурузной муки. – К. У.). Эту пищу, которую называли «комил» («гъуэмылэ – провизия. – К. У.), они держат в кожаном мешке, притороченном к седлу²⁸.

Следует особо подчеркнуть, что адыги очень строго подходили к употреблению алкогольных напитков. Именно в этом они были очень умеренными, и считалось большим позором для всего рода и села, если кто-либо показывался в обществе в нетрезвом состоянии. Особенно в этом отношении были строги князья и дворяне, которые должны были

быть готовыми в любую секунду сесть на лошадь и отправиться в поход или стать на защиту своего отцовского очага. Джиовани Лукка – итальянский монах Доминиканского ордена, автор описания крымских татар, ногайцев, черкесов, абхазов и грузин – еще в XVII в. писал, что на пирах молодым не предлагают пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства. Далее он указывал, что самый обыкновенный напиток у этого народа составляет вода, вскипяченная с медом и небольшим количеством проса («махъсымэ». – К. У.). Этот напиток охмеляет так же сильно, как и вино. Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству²⁹.

Другой европейский автор, Эдмонд Спенсер, писал следующее: «Закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя воздержание в высокой степени, которое считается (в Черкесии. – К. У.) добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью»³⁰.

Нет почти ни одного принципа Адыгэ хабзэ, по которому дворянский этикет не пытался бы выделиться, но совершенно определенно, что в основе всего Уэркъ хабзэ лежит именно Адыгэ хабзэ. «Различие между этикетом высших и низших сословий было малоощутимым»³¹.

Как было сказано выше, представители высших сословий – князья и дворяне – имели возможность и стремились соблюдать все требования Адыгэ хабзэ в полном объеме и более обстоятельно, детально. Собственно, именно состоятельные слои населения имели возможность придерживаться этого этикета.

Оба этикета вовсе не исключают, а, наоборот, дополняют друг друга; дворянский этикет вырастает из общеадыгского этикета, который уходит своими корнями в эпоху родового строя. А Уэркъ хабзэ сформировался в условиях феодализма, на стадии развитых его отношений, когда окончательно сложился класс дворян со всеми политическими, социальными и культурными особенностями. Таким образом, дворянский этикет – это культура состоятельного класса. Поэтому эта культура соответствовала статусу дворян и князей в обществе.

Князья и дворяне настолько пытались выделиться из общей массы по своему этикету, что даже имели свой особый язык. Л. Я. Люлье пишет, что «князья и дворяне в Кабарде имеют особое наречие, которое скрывают от простого народа. Точно, существовало между черкесами искаженное наречие, коего смысл не каждому был известен. Оно называлось «шакобзе», т. е. языком охотничьим»³².

Но ключевым, самым главным принципом Уэркъ хабзэ, является рыцарская мораль. Дух благородства и воинственности в дворянском этикете занимают огромное место. Стремление адыгских князей и дворян к славе через проявленную смелость и отвагу во время войны является основным стимулом жизни. Поэтому больше всего презирались по

адыгскому этикету, в особенности по Уэркъ хабзэ, трусость и малодушие. Рыцарю, уличенному в трусости, посвящали свои осуждающие и осмеивающие песни джэгуаклуэ (народные певцы) и такие «герои» до конца своих дней жизни не могли смыть с себя позора. Более того, его дети, весь род презирались обществом, их старались не брать с собой на войну или в набеги. Были даже случаи, когда в знак всеобщего презрения на такого труса надевали особое платье «къэрабгъэ джанэ» – рубашку труса, или шапку труса, т.е. «къэрабгъэ пылэ» Ш. Ногмов тоже обращал внимание на своеобразную кару труса по адыгскому этикету. Он, в частности, отмечал, что «адыхе славились храбростью и беззаветным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню, которая определялась ценою в пару волов. Храбрость рождает славолюбие; уверенность в себе дает человеку характер самостоятельный»³³.

Э. Спенсер указывал на пример их отчаянной доблести: русские офицеры уверяли, что черкесский воин никогда не сдается, сражаясь до последнего дыхания, даже с войском врагов, лишь только когда он обесиливается от ран, тогда только он может сдаться на милость победителя. Ко всей этой храбрости мы можем добавить, что они владеют таким же количеством хитрости, ловкости, что абсолютно невозможно перехитрить их: враг никогда не может рассчитать их движений. Он также отмечал, что нет слов, чтобы описать достойным образом стремительность черкесского заряда, самым храбрым европейским войскам он показался бы абсолютно жутким. Более того, этот англичанин указывал, что черкесы были самыми лучшими партизанами в мире³⁴. Есть предположение, что именно черкесы, вернее, древние их предки, начали одними из первых в практике истории войн применять партизанскую форму борьбы с врагом. Если учесть, что адыги всегда были объектом агрессии самых различных племен и что история адыгов – это, прежде всего, война, защита своей территории от внешних врагов, то нетрудно поверить в эту версию. Их метод ведения партизанской войны описали многие авторы, и все они отмечали, что черкесам не было равных в таких способах ведения боя. Враг не мог раскрыть тактику ведения боя черкесами, т. к. «появляясь как из-под земли, они сейчас находятся в одном месте, затем в другом, и даже ползут подобно змее в траве и удивляют часового, дежурившего на воротах крепости; одним словом, каждое дерево, утес и кустарники служат черкесу засадой»³⁵.

Дух свободы, чувство собственного достоинства и славы – вот главный смысл жизни адыга. Ради этого он, не задумываясь, мог распрощаться со своей жизнью, и эту особенность адыгского духа подчеркивали многие европейские авторы, даже те, которые были их заклятыми врагами и воевали с ними. Черкес, если он отправлялся на войну, должен был или одержать победу, или погибнуть на поле боя как герой.

В воспоминаниях Н. И. Лорера, декабриста, сосланного на Кавказ наряду со многими другими офицерами, участниками событий 1825 г. на Сенатской площади, нетрудно уловить дух патриотизма, героизма черкесского князя и дворянина, вообще черкеса. Именно Адыгэ хабзэ предполагает такое поведение на войне.

Адыгский этикет, в том числе Уэркъ хабзэ, также предписывает внешне спокойное перенесение страданий, чрезвычайную, по внешним понятиям доходящую до абсурда, скромность и вежливость. А что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане Адыгэ хабзэ стоит ближе к этикету западноевропейских средневековых рыцарей³⁶. По Адыгэ хабзэ, особенно по дворянскому этикету, человек должен быть чрезвычайно скромным и щедрым. Скупость и надменность расценивались как одни из главных пороков настоящего черкеса. Поэтому князья и дворяне одевались скромно, жили тоже в скромных жилищах. Об этой особенности характера адыгских князей и дворян писал Ш. Ногмов. Владельцы обращаются с уорками и народом просто, без гордости и надменности. Сильнейший и богатейший владелец живет в такой же хижине, как и последний уорк. Если уорк увидит на владельце хорошее платье, шапку или другое и пожелает иметь эту вещь, то владелец не в праве ему в этом отказывать³⁷. Любой князь или дворянин мог подарить любому человеку все, что тому понравилось, за исключением коня и оружия. С ними расставались очень трудно, если таковое случалось в их жизни. Щедрость и отвага – лучшее средство у черкесов приобрести известность. Таково мнение многих авторов.

По адыгскому этикету, в том числе по Уэркъ хабзэ, строго осуждалось в характере человека самохвальство. Какой бы героизм ни совершал черкес, он не должен был этим хвастаться – о своих подвигах черкес никогда не говорил. Многие авторы, которые хорошо знали дух черкеса, отмечали, что тот отличается большой сдержанностью, в том числе в распространении своих добрых и отважных поступков.

Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» отмечал, что неприличным почитается у черкесов болтливость и, по их мнению, должно более слушать и менее говорить. Говорить о своих подвигах, возносить самому себе похвалу, в каком бы то ни было виде, почитается у черкесов величайшим пороком. Кроме того, по их мнению, хвалить человека в глазах его – суть гнусное лицемерство. По дворянскому этикету строго осуждалось употребление в речи неприличных или ругательных слов. Хан-Гирей обращает на это внимание и пишет, что произносить бранные слова князья и дворяне почитают за поступок, достойный презрения, что и родило у черкесов поговорку: «Настоящему дворянину не сродни бранные слова»³⁸.

Оставаясь во всем сдержанным, черкес в то же время не признавал никаких преград в защите чести и достоинства своего сеньора, почтенного

старца, гостя, кунака или женщины. При этом черкес, особенно князь или дворянин, внешне должен был выглядеть спокойным, невозмутимым, даже если он оказывался в самых экстремальных ситуациях. Черкес, согласно этикету, ни в коем случае не должен был проявлять внешне свой гнев, негодование, страдание и т. д.

Хан-Гирей также отмечал, что все обряды вежливости черкес соблюдал по дворянскому этикету, даже по отношению к своему врагу. Достоинно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда братья или князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явными врагами, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например, в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают обнажать оружие, враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услуги, что называется дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда; но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие; и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение. Да и в самом деле, человек, чуждый вежливости и понятия о приличиях, может ли сродниться с долгом общежития³⁹.

Неприличным считалось и считается до сих пор по Адыгэ хабзэ проявлять сколько-нибудь заметное любопытство по какому-либо вопросу, касающемуся дел другого человека. Например, по адыгскому этикету, неприлично спрашивать у человека, попросившего отправиться куда-то вместе с ним, о направлении и цели поездки. Отсюда и народная поговорка: «Адыгэл 1ыр дыздэк 1уэр дэнэ жи 1эу щ 1эупщ 1эркъым, зыщ 1эупщ 1эр дапщэщ дыщежьэр жи 1эу аращ» (Настоящий черкес не спрашивает, куда нужно идти, а спрашивает только о том, когда отправляться). Здесь, прежде всего, речь идет о характере князя, дворянина. Всякий рыцарь, не требуя никаких разъяснений, должен был последовать за позвавшим его человеком, а тем более сеньором. Этот же автор в своем труде цитирует Ф. Торнау: «Таков обычай у черкесов: друзья оказывают услугу, требующую иногда крови, не спрашивая и не добиваясь даже отгадать, в чем она заключается»⁴⁰.

Важнейшей нормой морали по Уэркъ хабзэ, вообще по адыгскому этикету, было не разглашать тайны другого человека, особенно близких, друзей, соседей и т. д. ни при каких обстоятельствах. Поэтому распространенной была поговорка у дворян: «Уэркъ зашэркъым» (Уорк тайны не разглашает). Соблюдать эту норму этикета дворян считалось важнейшим долгом каждого честного человека, что было справедливым и по отношению к адыгским мужчинам других сословий. Заинтересованность феодальной знати в строгом соблюдении данного правила породила у

адыгов довольно суровое по тем временам наказание для тех, кто нарушал закон. В старину черкесы прожигали шапку того, кто раскрывал чужую тайну, почему и вошло в обыкновение говорить: «У него шапка сквозная», когда хотели упрекнуть кого-нибудь в нарушении тайны.

Следование нормам вежливости в обращении друг к другу, что является одним из основных требований адыгского этикета, начинается с приветствия. Подобно застольному или танцевальному этикету адыгов, приветствие и прощание занимают особое место в Адыгэ хабзэ, в том числе дворянском этикете. Формы приветствия у адыгов – самые разнообразные, в зависимости от места, времени и ситуации, в которых встречаются люди, – утром и днем, на работе, на свадьбе или просто в пути, пешком или верхом и т. д. Адыги разработали целую систему приветствий, и каждое отражает содержание той ситуации, при которой происходит встреча. Здесь заложена целая философия. Более того, даже формула приветствия не во всех ситуациях осуществления трудовой деятельности одинаковая. Например, пахаря или сеятеля путник приветствовал словами: «Бов апший!» (Да будет тебе изобилие!); людей, занятых уборкой урожая или косарей, приветствовали: «Шхошх апший!» (Без горя, без беды съешь тебе собранное!); пастуха приветствуют словами: «Бохъу апший!» (Умножься твоему стаду!) и т. д. На такие приветствия отвечали словами: «Упсэу апший!» или «Уи 1уэху ф1ы ирик1уэ!» Слово «ашший» не переводится дословно, но оно означает «добро», «хороший», «благополучие». Если встречали человека, который встал на ноги после выздоровления, приветствовали словами: «Лъапэ махуэ къыхухъэжьэж!» (Пусть счастливым вновь твой шаг будет!)⁴¹.

Многие авторы, в том числе Хан-Гирей, Тебу де Мариньи, отмечали, что адыги приветствовали малознакомых, но высокочтимых людей, гостей и женщин прикладыванием правой руки к головному убору. Инициатива первым приветствовать другого принадлежала младшему по возрасту. Он должен был первым приветствовать старшего словесно, но право подачи руки первым принадлежало старшему человеку. У адыгов, как у мужчин, так и женщин, не принято целоваться во время приветствия. Вот что писал Хан-Гирей по поводу приветствия у черкесов: «Приветствия состоят в том, что встречающий или посещающий гостя, или старшего по летам, или по знатности происхождения, приветствуют его, произнося: «Желание доброго приезда», причем поднимают правую руку к голове своей и вслед за тем, спустя некоторое время, спрашивают его о здравии с тем же знаком приветствия. Надобно заметить, что делают рукою эти движения легко и не торопясь. Вообще, по коренным обычаям черкесов с приветствием не делают смешанных и странных телодвижений, как это у других азиатских народов бывает»⁴². При этом следует отметить, что младшие не вступают в разговор после приветствия, младший по возрасту, когда ему подает руку старший, здороваются обеими руками,

как бы поддерживая своей левой рукой его правое предплечье. Этим жестом он проявляет свое особое уважение к этому человеку. Мужчины обнимаются, когда они давно не виделись, или если они близкие друзья, или родственники. Что касается приветствия разнополых людей, то право первой подать руку принадлежит женщине. Кстати сказать, вообще правом на рукопожатие не обладают женщины многих народов, в том числе Северного Кавказа. Например, у чеченцев, таджиков и др. налагается запрет на рукопожатие между лицами противоположного пола. Мужчина и женщина обнимаются только в том случае, если они близкие родственники. Мужчины, если они даже просто односельчане, или если чужой человек встречает по дороге другого, или группу людей, они приветствуют друг друга словами типа «*Флохъус апций!*» (С добром пребудь!). При этом первым должен приветствовать прохожий, а те ему вежливо отвечают.

Хан-Гирей отмечал, что вообще «соблюдение вежливости в обращении есть неприменная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою следует этому прекрасному правилу, облагораживающему человека»⁴³. Адыги (черкесы) никогда ни при каких обстоятельствах, в том числе и при приветствии не обращались друг другу на «вы». К любому человеку, независимо от возраста и социального и иного положения, всегда обращались и младшие и старшие друг другу на «ты».

Точно такие же нормы приличия соблюдались и в настоящее время во многом соблюдаются у адыгов по Адыгэ хабзэ и при прощании человека человеком или группы людей друг с другом, и здесь свои особые правила. Одним из главных моментов в этой церемонии, на наш взгляд, являлось и является то, что черкес никогда не высказывал своего неудовлетворения приемом хозяина дома. Были специальные формы выражения своего неудовлетворения тем человеком, у которого он гостил. В таком случае гость поворачивал своего коня хвостом к дому хозяина и садился на него, а если был доволен приемом – то наоборот, направлял голову коня в сторону дома и садился, а затем отъезжал, прощаясь и благодаря хозяина за теплый прием.

Н. Данилевский в своей работе «Кавказ и его горские жители» в середине XIX в. отмечал, что черкесы «любят вежливость, скромность, чинопочитание; всякое ругательное слово (особенно название вора) имеет последствие: строгость замечания, угрозу и самый поединок, для которого не назначается ни места, ни времени; там, где впервые встречаются соперники после ссоры, бывает и место поединка, часто кончающегося убийством»⁴⁴.

Нормы приличия строго соблюдались, в первую очередь, князьями и дворянами. Именно они были страстными радетелями этих строгих

правил вежливости. Дворянский этикет, вообще Адыгэ хабзэ, предполагал, как было сказано выше, чтобы даже кровные враги уважали достоинство друг друга. Скажем, если они встретились и ожидался неминуемый поединок, то по Уэркъ хабзэ каждый предлагал противнику первым нанести удар или стрелять. Соблюдались такие правила: «Ты старше, и потому право первого удара за тобой»; «Я первый вызвался на дуэль; поэтому теперь ты начинай первым»; «Ты гость в наших краях, бей первым» и т. д.

«Рассматривая вообще нравственную сторону черкесов, – писал Хан-Гирей, – находим у них идеи высокие, благородные, истинно рыцарские; находим в делах их поступки великодушные, достойные похвалы»⁴⁵. Именно Адыгэ хабзэ, особенно Уэркъ хабзэ, был выражением идеального образа мыслей, высоконравственных, благородных и отважных поступков. Особенно высокие требования предъявлялись к человеку в его поступках и действиях по моральному кодексу Уэркъ хабзэ. Это подтверждает множество пословиц, поговорок. Приведем некоторые из них: «Уэркъ бгы задэщ» (Рыцарь – неприступная скала); «Уэркъыгъэр дэгъэзеигъуэ к1ыхыщ» (Рыцарство – долгий (трудный) подъем) и т. д.⁴⁶

Князья и дворяне не только создали свой собственный этикет, целиком и полностью основанный на принципах Адыгэ хабзэ, и скрупулезно соблюдали вплоть до мелочей все нормы Уэркъ хабзэ, но также строго следили за тем, чтобы их кровь оставалась чистой. Категорически запрещалось по Уэркъ хабзэ жениться или выходить замуж за представителя низших сословий. Э. Спенсер писал, что, возможно, ни один народ не желает более, чем черкес, сохранить свой род чистым и незамутненным, особенно их князья, поэтому при выборе жены большее внимание уделяется красоте форм и фигуры, чем образованию. Действительно, черкес истинно адыгской породы редко берет жену среди народа любого племени Кавказа, который не имеет такой же родословной, как он сам⁴⁷.

Высшее сословие, не имея знаний ни по современной генетике, ни по иной отрасли науки, из многовековой практики знало, что в крови заложено все то, каким будет человек. Они во многом интуитивно чувствовали, что у человека неблагородного сословия, человека плебейского происхождения и образ мышления, и образ жизни всегда будут плебейскими. Они знали, что человек такого происхождения, какие бы обстоятельства ему ни создавали, никогда не станет высоконравственным, благородным. В душе человека низкого происхождения всегда сохраняются отрицательные начала, дух разрушения, зависти, ненависти к другим людям, как бы внешне он ни притворялся. Поэтому не случайно у адыгов, преимущественно благородного происхождения, до сих бытует поговорка «Хьэцыбанэм и п1эм хьэцыбанэ къок1эж» (На месте шиповника всегда произрастает шиповник). Она сродни русской поговорке: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Одна из отличительных черт характера адыга – дух воинственности, дух отваги. Вся система воспитания, особенно детей князей и дворян, была построена на том, чтобы выработать эти качества. И это отмечали многие авторы, в том числе иностранцы. «Черкес благородно представляет на Кавказе, – указывалась О. де Гелль, – последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков»⁴⁸. Большинство авторов, которые интересовались феноменом адыгской храбрости, воинской доблести, преданности однажды данному слову, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания, которая создана на основе Адыгэ хабзэ, является его основой.

Типологически Адыгэ хабзэ сходно с этикетом восточных народов: китайцев, индусов, арабов, японцев – и с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. Много общего, особенно между Уэркъ хабзэ и традиционным японским этикетом «бусидо». Как известно, и японский этикет бусидо сложился в эпоху феодализма как этикет военной аристократии, этикет многочисленного сословия рыцарей – самураев. И бусидо, и Уэркъ хабзэ предполагают неукоснительную верность своему долгу. По адыгскому этикету, человек никогда не должен задумываться над проблемами жизни и смерти, когда речь шла о чести и достоинстве человека, о защите родины и т. д. Зато он всегда видел перед собой эталон высшей добродетели и считал своим долгом ему подражать. Этому всецело был подчинен образ жизни.

Адыгские князья и дворяне исповедовали принципы храбрости, отваги, презрения к смерти, защиты своей свободы, достоинства. Они нападали даже на соплеменников, на соседние народы, в том числе на казачьи станицы, и угоняли табуны лошадей, стада скота, даже людей. При этом князья щедро делились награбленным имуществом со своими дворянами, с которыми они совершали эти набеги. В этой связи адыгский просветитель А.-Г. Кешев отметил, что «не корысть и не кровожадность, а жажда подвигов и не умирающая в сердце народа любовь к независимости и свободе воодушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование»⁴⁹.

Г.-Ю. Клапрот писал, что адыгские феодалы много времени проводили в военных походах, физической подготовке, вообще военной закалке. Поэтому он отмечал, что «они часто предпринимают походы, направляясь на несколько дней в леса и горы, где их единственной пищей служит немного проса, которое они берут с собой. Такой образ жизни и свобода имеют для них столько привлекательного, что они ни на что не хотят менять его и охотно отказались бы от всего, чтобы иметь возможность вернуться обратно к настоящему положению»⁵⁰.

Н. Ф. Дубровин писал следующее: «Желание приобрести известность, сделаться храбрым джигитом (витязем), прославиться своею

удалью не только в одном каком-либо, но в целом обществе, в долинах и по горам, составляли его цель, его желание и вместе с тем лучшую награду за тяготы переносимых трудов. Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасности во время боя только для того, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли, а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесов и отсутствии хвастовства и самохвальства. Черкес знал, что прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит»⁵¹.

Такой образ жизни феодалов требовал огромного напряжения духовных и физических сил. Поэтому они были выносливы, терпеливы, скромны и сдержанны. Для них, в целом для адыгов, славное имя было нетленным, непреходящим, ценным (точнее, бесценным) само по себе, оно не покупается и не продается; славное имя превосходит всякую материальную награду. Адыгу всегда был присущ дух соперничества, и это приближало его к природе, к игре. Данные качества выработались множеством состязаний, детских и общенародных национальных игр.

Отличительная черта характера адыгских феодалов – это дух неподчинения, славы. И если проследить историю адыгов, то она – ожесточенная борьба партий, княжеских фамилий, которая порой доходила до открытых вооруженных столкновений и почти непрекращающихся раздоров и войн между ними; каждый феодал ставил свою независимость выше общеадыгских интересов. В отличие от многих народов, адыги – народ гражданской общины, но не государственной в собственном смысле слова. И совсем поражает в истории адыгов тот факт, что этот талантливый и не лишенный высокого интеллекта народ хладнокровно сам себя уничтожал на протяжении веков. Их дух соперничества часто был направлен не на объединение, а на разрушение. Именно по этой причине у адыгов после их предков – синдо-меотских племен – не осталось централизованной мощной государственности.

В бесконечных спорах адыгских княжеских фамилий мы видим лишь дестабилизирующий фактор. Князья не признавали никаких авторитетов. Каждый из них действовал по своему усмотрению. А простолюдины в этом отношении отличались послушанием. Так что адыги, к сожалению, не были прагматиками и расчетливыми для себя. Они не сумели ответить на вызов истории – не создали, вернее, не воссоздали после Древней Синдики свою государственность. Адыги держались не самодержцем, а народом. На это все наложил определенный отпечаток Уэркъ хабзэ, через который воспитывался дух адыга, в том числе дух неподчинения и соперничества, что не всегда имело позитивные последствия в судьбе всего народа.

Особенность сознания адыга, духа свободолюбия, воспитания по Адыгэ хабзэ, являлась одной из причин того, что адыги не создали централизованного государства. Именно психологический фактор сыграл в этом вопросе негативную роль. По этому поводу политолог Г. К. Дахунов писал, что психологический фактор, невзирая на его кажущуюся легковесность, также оказывает серьезное воздействие на становление государства, что связано с образом жизни нации... Свободолюбивый характер кавказских народов также затруднил формирование у них государственных структур. Если это утверждение справедливо по отношению ко всем кавказским народам, то оно вдвойне справедливо по отношению к адыгам, особенно к князьям и дворянам. Он отмечает, что именно психологические особенности характера этого народа, вытекающие из его образа жизни, стали непреодолимым препятствием к объединению адыгских племен и созданию ими централизованного государства.

Среди этих особенностей характера адыгов, отмечаемых почти всеми исследователями, на первом месте стоит неукротимая жажда независимости, доходящее иногда до абсурда свободолюбие, постоянное стремление к индивидуальной славе, личному подвигу. Отсюда игнорирование всякой дисциплины и организованности⁵².

Н. Дубровин отмечал также, что «...сильно развитая самостоятельность общин и аристократический элемент, не желавший отказаться от своих вековых преимуществ, препятствовали слиянию черкесов в одно целое. Народ, привыкший к необузданной свободе, не перенес повелительного тона муртазаков, присылаемых с приказаниями от народного собрания!»⁵³ Правда, здесь, кроме психологического фактора, для создания централизованного государства необходимы еще и экономические, географические, демографические и иные условия. Но следует признать, что наряду с этим Адыгэ хабзэ в создании и сохранении высокой нравственности адыгского этноса совершил беспрецедентную революцию в истории мировой культуры. Адыгэ хабзэ не только сформировал ментальность адыга, но и сохранил духовную энергию народа. Этот этикет был всегда примером подражания и предметом восхищения многих народов. Недаром соседние с адыгами народы, если хотят похвалить человека, говорят, что он «благородный, как черкес; «он, как черкес, сидит на коне»; «он храбр, как черкес» и т. д.

Поэтому адыгский этикет занимает особое место в общекавказской культуре. В связи с этим один из специалистов по культуре Н. М. Рехвишвили отмечал, что «выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет... был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами». Аналогичную же оценку дает адыгскому этикету С. И. Дахкильгов, ученый из Грозного: «Известно, что близживущие с адыгами вайнахи и другие народы восприняли некоторые обычаи и

нормы этикета адыгов. Про благородного человека вайнахи говорили: «Черсе санна эзде къонах ва из» (Он благороден, как черкес). Гордого мужчину называли: «Кураг Хавбате» (Гордый кабардинец) и т. д.⁵⁴

Таким образом, Адыгэ хабзэ, в том числе Уэркъ хабзэ (дворянский этикет), являлся и до сих пор во многом является важнейшим регулятором человеческих взаимоотношений, поведения людей в быту и в общественных местах. Он так же строго регламентировал взаимоотношения адыгов с другими народами и государствами. Правда, с течением времени, особенно в XX в., многие важнейшие нормы адыгского этикета претерпели значительные изменения, ослабились их социальные функции. А что касается Уэркъ хабзэ, то он, с физическим уничтожением большевистским режимом их носителей – дворян и князей, вообще исчез. Более того, большевистская пропаганда сделала понятие «Уэркъ хабзэ» нарицательным. И, как отмечала моя мать Унежева Шамсят, если хотели очень оскорбить «те, которые были ничем, а теперь стали всем», кого-либо из благородного происхождения, то их любимым выражением было слово «Уэркъыхъэ» (дословно: «собачий дворянин»). И ее можно понять, когда она говорила об этом с огромной скорбью: «Для меня это слово было самым оскорбительным, которым меня когда-либо называли». Действительно, нетрудно представить себе психологическое состояние человека, когда втаптывают в грязь этикет, на принципах которого он воспитывался, и было воспитано не одно поколение его предков.

Другого подхода к культуре народов, особенно традиционной, не могло быть у «кухарок». Слишком сильна была в них тяга к разрушительству всего и вся. Как поется в песне, у нас «более семидесяти лет шла гражданская война», и чтобы вернуться из войны «страны дураков» в «страну гениев» нужно, к сожалению, много времени. В этой связи нам представляется возможным и необходимым возродить в полном объеме адыгский этикет, в том числе Уэркъ хабзэ. Правда, это надо сделать с учетом тех перемен, которые произошли во всех сферах жизни нашего общества.

И если бы адыгский этнос смог соединить все позитивные начала и функции Адыгэ хабзэ, в том числе Уэркъ хабзэ, с достижениями научно-технической революции современной человеческой цивилизации, мы бы значительно быстрее продвинулись бы вперед, к процветанию. Речь идет о том, чтобы человек жил и работал по нормам Адыгэ хабзэ, но с использованием достижений научно-технической революции. Как мы постарались показать выше, нормы воспитания, поведения, общения и самых разнообразных отношений людей, на которые распространяется Адыгэ хабзэ, предполагают уважать человека в человеке, бережно относиться к среде своего обитания, строить взаимоотношения с другими народами и государствами, уважая честь

и достоинство каждого. В этом – жизненная сила Адыгэ хабзэ, который для адыга больше, чем этикет, больше, чем религия. В Адыгэ хабзэ адыг «растворяется», он не представляет себе жизни вне его норм и принципов. Это его образ жизни и образ мышления. В этом заключается феномен Адыгэ хабзэ.

Литература

1. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 50, 60.
2. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
3. Мафедзев С. Х. Адыги, обычаи, традиции (Адыгэ Хабзэ). Нальчик, 1997.
4. Утижнев Б. К. Адыгэ Хабзэ. Нальчик, 2009.
5. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного. Одесса, 1900. С. 231.
7. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 17.
8. Древнее адыгское название реки Кубань – Псыжь. Дословно означает «древняя река»
9. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 376.
10. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 17, 18.
11. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 213–217.
12. Марамажей – национальный алкогольный напиток адыгов
13. Кан-девушка – девушка, которая отдана на воспитание в другую семью.
14. Нарты. Адыгский героический эпос. М. 1974. С. 231.
15. Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. С. 9.
16. Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. С. 9–13.
17. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10, 11.
18. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л. 1989. С. 166.
19. Ксаверио Главани. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов Х111–Х1Х вв. Нальчик, 1974. С. 161, (далее КБКИЕА).
20. Белл Джеймс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // КБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 507.
21. Там же. С. 566.
22. Там же. С. 445.
23. Гегель Г. В. Философия духа. Энциклопедия философских наук. В 3-х томах. М., 1977. Т. 3. С. 6–408.
24. Паллас Петр Симон. Заметки о путешествиях в южные наместничества российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 216.
25. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 79.
26. Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. С. 56–61.
27. Мальбахов Б., Эльмесов Н. Среднековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 9.
28. Жак Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи. Путешествия в Черкесию. // АБКИЕА. Нальчик., 1974. С. 295, 301.

29. *Жан Батист Тавернье*. Шесть путешествий. // КБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 72.
30. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 43.
31. *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1974. С. 24.
32. *Люлье Л. Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 15.
33. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 66, 67.
34. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 42, 43.
35. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 43.
36. *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1974. С. 23.
37. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 74.
38. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 277, 278.
39. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 277.
40. *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 94–97.
41. *Мамбетов Г. Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 207–211; *Щоджэн Х.* Къэрдэнгъуц1 з. Адыгэ хабзэу щы1ахэр. Налщык, 1995. С. 6–11.
42. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 276, 277.
43. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 275.
44. *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 182.
45. *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 214.
46. *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 100, 101.
47. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 799.
48. *М-ль де Гель.* Путешествие в степи Каспийского моря и по Российскому меридиану. 2-е изд. Париж, 1868. С. 189.
49. *Каламбий (А-Г. Кешев).* Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 224.
50. *Генрих-Юлиус Клапрот.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 262.
51. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 18.
52. Некоторые политико-психологические аспекты геноцида адыгов. Рукопись. Личный архив. 1996. С. 6, 7.
53. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 226.
54. *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 25.

*Пишкан ТАОВ,
доктор экономических наук,
председатель экспертно-аналитического
совета при Главе КБР, академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ*

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС МЕДОВОГО ПРОМЫСЛА

«В ряде других вечных ценностей вместе с золотом, серебром, алмазами, янтарем, розовым маслом, мед также есть эталон вечной и незыблемой ценности. Более того, он так же исключителен и уникален на Земле, как исключительна и уникальна сама пчела». В этом определении чудеснейшего пчелопродукта писатель В. Солоухин очень точно отразил все его богатство и непреходящее значение для человечества. Все народы мира отдали дань признания меду. А пчелы, являясь составной частью экологического мира, нередко рассматривались и как пример для человека в плане организации своей деятельности. Изображение пчелы встречается на более чем трехстах гербах, на монетах и купюрах различных государств. Наши предки, славившиеся пчелиным искусством, умели ценить пчел и обогащаться от их трудов. Мед считался не только лакомством и лекарством, но и неким символом успешности жизни. История пчеловодства прочно вплетена в общую историческую канву России и ее народов.

Медовый промысел имел большое значение и для коренного населения Кабардино-Балкарии. О широком его распространении у адыгов, например, писали авторы XVIII–XIX вв. Ими с удивлением было подмечено, что в адыгских поселениях не было практически ни одного двора, в котором не содержалось бы от десяти до тридцати ульев. А на некоторых обширных усадьбах состоятельных владельцев их насчитывалось до тысячи и более единиц.

В советское время пчеловодство по-прежнему оставалось важным подспорьем в пополнении семейных бюджетов жителей нашего края. А с целью совершенствования технологии содержания пчел, улучшения породного состава и гарантированного сбыта продукции большинство производителей товарного меда «на дому» были объединены в товарищество пчеловодов «Нальчикское», которое, по сути, представляло собой маленький островок частного промысла, не запрещенного законом.

Активно занималось выгодным производством и само государство. Кабардино-Балкария со своими давними особыми пчеловодческими традициями была одной из немногих республик в стране, где эта работа велась на научной основе. Успешно функционировало специализированное хозяйство по племенному разведению серых кавказских пчел

в Баксанском районе. Ведь кавказянки, известны во всем мире своим миролюбием и феноменальными качествами, позволяющими им продуктивно работать даже на культурах с глубоким залеганием нектароносиков. Был налажен и необходимый ветеринарный контроль. Работала в республике и контора пчеловодства, которая поставляла товары для пасечников, начиная от вошины, рамок, заканчивая спецодеждой и средствами защиты пчел от вредителей и болезней. Стимулом для развития отрасли на государственном уровне служил и тот факт, что на Кабардино-Балкарской экспортно-импортной базе существовали всего две статьи поступления иностранной валюты, одной из которых был мед. По мнению специалистов, высокому уровню развития пчеловодства в республике способствовало также наличие универсальной кормовой базы, которая характеризуется сочетанием культурной и естественной растительности в горной, предгорной и равнинной зонах, что в условиях относительно теплого климата увеличивает длительность медосбора, а следовательно, продуктивность пасек.

В целом, в пользу пчеловодства говорит особенность отрасли, проявляемая в многоассортиментности единого производства. Ведь кроме меда на пасеках добываются такие ценнейшие продукты, как воск, прополис, перга, маточное молочко, пыльца, пчелиный яд. И как справедливо отмечают ученые-практики, опыление медоносными пчелами энтамофильных (опыляемых насекомыми) культур, значительно повышает урожайность.

К сожалению, в настоящее время в России не существует поддержки отрасли со стороны государства. В прежние же времена за ущерб пчеловодству строго наказывали, а также всячески поощряли тех, кто им занимался. В частности, Екатерина II в государственных документах предписывала «различные снисхождения и помощь пчеловодам». На личной печати императрицы даже было изображение ульев с пчелами. Она же, озабоченная ухудшением пчеловодства в отечестве, высочайшим манифестом от 14 мая 1775 года освободила пчеловодов от всех налогов.

Сегодня пчеловодство держится в основном на энтузиазме любителей, которые законодательно практически не защищены от любого негативного воздействия. Недействующий в настоящее время закон о пчеловодческом промысле в РФ должен был бы «защищать права пчеловодов, во многом способствовать извлечению натурального меда от фальсификата, сохранению чистоты и племенного состава пчел, закреплению на федеральном уровне праздника пчеловода». Пока что этого не произошло.

Развитие пчеловодства в новых рыночных условиях дало сбой. Из-за снижения спроса на племенную продукцию высокого качества закрылись многие питомники по разведению пчел, в том числе и в КБР. Даже на сельскохозяйственных рынках КБР стала доминировать продукция отрасли из соседних и отдаленных регионов страны, зачастую сомнительного качества.

В первые годы после реформ инерция исторического опыта еще давала о себе знать. Но постепенно пчеловодством стало заниматься все меньшее количество людей также и в нашей республике, хотя кардинальных изменений в кормовой базе не произошло. Наоборот, уменьшение нагрузки на пастбищные угодья результировало частичным восстановлением экосистем альпийских лугов, доведенных в колхозно-совхозный период до крайней степени истощения. Дикорастущее разнотравье, появившееся в последнее время на склонах горной и предгорной зон, существенно улучшило естественную кормовую базу. Что касается культурных фитоценозов, то сегодня засеваются почти все пахотные земли республики. В качестве положительного момента необходимо отметить и ограниченное применение ядохимикатов на полях, что также на пользу общему состоянию отрасли.

Несомненно, важной причиной охлаждения к промыслу пчеловодов с многолетним стажем стало кардинальное изменение внешней среды. В России стал функционировать свободный рынок. Снятие формальных ограничений в сфере частного предпринимательства привело к тому, что торговые прилавки оказались заполнены основным пчелопродуктом – медом. Причем большая часть его является фальсификатом. Ведь в мире нет, пожалуй, пищевого продукта, с которым недобросовестные продавцы могут совершать столь большое количество обманных манипуляций. Помимо прямой фальсификации обман возможен за счет продажи меда с низкой диастазной активностью, с истекшим сроком хранения и другими дефектами, известными лишь продавцу.

И в России положение в этой области не лучше, чем в других странах. Поэтому государством в свое время были разработаны и приняты к исполнению формальные правила регулирования торговли продуктами пчеловодческого промысла. Мед был включен в список сертифицируемых товаров. При этом в сертификате должно быть указано большое количество параметров, характеризующих качество продукта. Но если в развитых, и даже в некоторых развивающихся странах, проверки на соответствие декларации на мед проводятся регулярно, а в случае раскрытия фальсификации придаются широкой огласке, то у нас в республике, да и в России в целом, контроля в данной области практически нет. На такое состояние дел в отрасли потребитель незамедлительно отреагировал пассивным спросом. Согласно неофициальным расчетным данным по потреблению меда на душу населения, если не брать во внимание страны с засушливым и тропическим климатом и страны Азии, где традиционно низкий уровень его потребления, Россия сегодня стоит почти на последнем месте. В количественном отношении это выглядит следующим образом: страны германских традиций – Австрия, Швейцария, Германия – 1,01–1,53 кг, – Япония, Италия, Норвегия, Россия – 0,32–0,38 кг.

Действительно, зачем потребителю платить за килограмм сладкого продукта, неизвестно какого происхождения, баснословную цену, когда есть альтернатива в виде сахара, который стоит в десять раз дешевле.

Еще одна проблема, дающая о себе знать параллельно, – экономическая целесообразность занятия данной предпринимательской деятельностью в новых рыночных условиях. В сельскохозяйственном производстве она довольно условна, и зачастую оценивается субъективно личностным восприятием тяжести труда. Суть этого посыла известного ученого А. В. Чайнова, основателя междисциплинарного крестьяноведения, заключается в том, что так как в отрасли невозможна механизация производственных процессов, то чем выше результат кропотливой работы в денежном выражении, тем менее тягостными кажутся затраченные усилия.

Мед у нас в стране всегда был дорогим удовольствием. И даже сегодня, несмотря на падение платежеспособного спроса, цена на него остается неоправданно очень высокой. Для сравнения: при стабильной оптовой стоимости килограмма на мировом рынке в один доллар, в среднем по России в розницу этот показатель составляет 700–1000 рублей. Разница более чем существенная. Вот и получается, что если во всех странах-производителях меда рентабельность в 20–25% вполне приемлемая величина, о чем свидетельствует общемировая тенденция к росту его производства, то у нас конечная цена на пчелопродукты многократно превышает все мыслимые и немыслимые расходы на производство и реализацию.

Справедливости ради необходимо сказать, что стремление получить суперприбыль не является отличительной особенностью только пчеловодов. В условиях взрывного роста потребностей населения это стало изначальным императивом практически всех отечественных предпринимателей, занятых в малом бизнесе, что свидетельствует о несбалансированности единого хозяйственного механизма и отсутствии полноценного механизма рыночного ценообразования.

Тем не менее, ведущие эксперты нисколько не сомневаются, что пчеловодство в стране является актуальным и перспективным видом бизнеса, о чем свидетельствует опыт многих российских пчеловодов. Но для того чтобы оно стало действительно выгодной коммерцией, необходимо решение множества организационных вопросов как внутреннего, так и внешнего характера. Однако сами пчеловоды не склонны к самоорганизации, а государство проявляет полную индифферентность к развитию отрасли. В качестве аргументов можно привести целый ряд фактов. Взять хотя бы одну из главных проблем любого производства – гарантированный сбыт продукции. Особенность ее заключается в том, что в современных рыночных условиях без выхода на массового покупателя достичь желаемого результата вряд ли удастся. Это возможно в основном через торговые сети различного уровня. Организация сотрудничества с ними не по силам отдельно взятому пасечнику, потому что они предъявляют самые высокие требования к качеству, внешнему виду и прочим характеристикам товара. А это уже вопросы из области брэндинга меда, чего в Кабардино-Балкарии нет и в помине, да и в условиях страны решение проблемы находится в зачаточном состоянии. То, что в магазинах в основном превалируют товары-субституты (джемы, варенья, сиропы

и прочее), однозначно свидетельствует о неконкурентности продуктов пчеловодства ни по цене, ни по качеству. К сожалению, большинство наших пчеловодов не могут получать много и недорогого меда, что не дает им возможность претендовать на успешную конкуренцию даже с алтайским и башкирским продуктом. Одним словом, сетевые поставки требуют больших объемов продукта пчеловодства и по низкой стоимости. К тому же, обязательно документальное подтверждение высокого качества, что предполагает тестирование меда в современных лабораториях. Такого организационного уровня нет ни в КБР, ни в РФ.

Что касается внешних факторов развития отрасли, то в мире вообще существует заслуженное эксклюзивное отношение к пчеловодству. Программы его поддержки действуют во многих странах мира. Даже там, где, казалось бы, нет веских причин проявлять особое беспокойство по данному поводу. Например, в 27 странах ЕС на эти цели ежегодно расходуется около 100 млн евро в год, включая дотации на научные исследования.

Из всего сказанного следует вывод, что без участия государства в республике не удастся поднять медовую отрасль на должную высоту, дающую возможности межрегионального технологического и торгового сотрудничества. Проблему можно было бы оставить без особого внимания, если бы промысел не имел столь большого значения для населения Кабардино-Балкарии.

Чтобы сделать наше пчеловодство востребованным, нужна региональная комплексная программа, охватывающая весь отраслевой цикл. В первую очередь, это организационные мероприятия по воссозданию племенного пчеловодческого хозяйства за счет государственных, муниципальных и частных ресурсов. Ведь спрос на кавказских серых пчел сегодня растет во всем мире. Особенно большой интерес они представляют для французских, турецких и китайских фирм, широко использующих в своих товарах продукцию пчеловодства. К тому же, следует наладить межрегиональную кооперацию в области производства пчеловодческой продукции и гарантированного сбыта вплоть до выхода на международный рынок. Ведь горные медоносы, разнотравье альпийских лугов дают такое разнообразие микроэлементов, что с ними не могут сравниться никакие другие продукты пчеловодства. И применение их в лечебных целях на курорте «Нальчик» послужило бы привлекательным фактором для отдыхающих.

Во-вторых, необходимо создание благоприятных внешних условий для развития кооперативного движения в пчеловодстве, способствующих образованию предприятий по типу прежнего товарищества «Нальчикское». Особое внимание следует уделить санитарной экспертизе меда. А привлечение образовательных и научных учреждений с современным лабораторным оборудованием, способных на коммерческой основе оказывать различные услуги как объединениям пчеловодов, так и оптовым покупателям, несомненно поможет в решении данной проблемы. И, конечно же, необходимо наладить подготовку квалифицированных кадров для эффективного развития медового промысла в нашем регионе.

ПУТЬ, ДЛИННОЮ В 60 ЛЕТ

Председатели правления СП России с 1958 по 2018 годы:

Л. С. Соболев (1958–70); С. В. Михалков (1970–91);

Ю. В. Бондарев (1991–94); В. Н. Ганичев (1994–2018)

...Шел 1958 год, время так называемой хрущевской оттепели. При всем своем волюнтаризме и ненависти к православной религии, политический лидер СССР понимал, что настала необходимость поисков каких-то новых духовных опор для укрепления патриотической идеи, размытой и расшатанной бурной эпохой постсталинизма. Необходимо было защитить историческую науку страны, ее литературу от нападок и охаиваний со стороны отщепенцев, убежавших из России и ополчившихся на нее из-за бугра при поддержке многочисленных «тамиздатов» и «голосов». Вот в такой ситуации, в поисках и противостояниях, в 1958 году и создавался Союз писателей РСФСР, ставший сегодня Союзом писателей России, который 15 февраля 2018 года в Центральном Доме литераторов в Москве провел свой очередной, XV съезд.

Только что с поезда, я приехал на Большую Никитскую к зданию ЦДЛ, как коротко называют этот знаменитый дом, около девяти утра. Не ожидал, что в такую рань, по меркам столичных писателей, здесь будет так многолюдно. Собрались не только делегаты предстоящего съезда, но и приглашенные гости – из бывших республик Союза и дружественных стран. Мы с Муталипом Беппаевым, председателем правления СП КБР, тоже были делегатами этого съезда. Центральный Дом литераторов

гудел, как пчелиный рой. Давно не встречавшиеся друзья здоровались, обнимались, увлеченно говорили о чем-то, понятном только им, важном и неотложном, мы тоже искали в фойе старых друзей. Делегаты и гости фотографировались на память, дарили друг другу книги... Но вот прозвенел звонок к открытию, и все заняли свои места.

Съезд открыл Н. Ф. Иванов, на тот момент – исполняющий обязанности председателя правления СП России, после краткого приветствия он предоставил слово Владимиру Сергеевичу Бушину, старейшему писателю России.

Скажем сразу, для подавляющего числа писателей 15-й съезд Союза писателей России был поистине судьбоносным: некоторые молча ожидали каких-то перемен в лучшую сторону, некоторые еще раньше выступали в средствах массовой информации, анализируя прошлые периоды работы СП, рекомендуя свое видение будущего и даже обвиняя в чем-то руководство головного союза во всех грехах, бездоказательно ссылаясь не на всеобщий кризис, а кризис в самом отдельно взятом писательском союзе, не понимая, или игнорируя то, что этот кризис, как выразился уходящий по собственному желанию с поста руководителя СП России Валерий Ганичев, – прежде всего, нравственный, и он требует глубинного объяснения.

Конечно, эту тему, в ее сложности, и не нужно было поднимать в то время, когда перед съездом стояли другие задачи, актуальные для выживания писательского сообщества. Да, как это ни прискорбно, главным вопросом стали выборы нового председателя правления организации. Борьба за этот пост началась задолго до съезда, знакового, как его нарекли, когда стало известно, что действующий председатель СП России Валерий Николаевич Ганичев из-за болезни не будет выдвигать свою кандидатуру на новый срок. Тогда и начались разговоры, переговоры и хождения в поисках кандидатур, удовлетворяющих запросы всех заинтересованных лиц. И в столице, и региональных отделениях СП было опубликовано много открытых писем. Мнения, как это бывает, разделились, посыпались упреки и оскорбления с разных сторон, зачастую враждебных между собой. И, в конце концов, к началу съезда определились две кандидатуры: исполняющий обязанности председателя правления Союза писателей России прозаик Николай Федорович Иванов, за год до съезда назначенный на эту должность самим Ганичевым. В своем выступлении в газете народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко так писала о Николае Федоровиче: «Думаю, что на данном этапе именно ему, замечательному прозаику и русскому офицеру Николаю Федоровичу Иванову мы обязаны сохранением и нашего союза, и нашего уникального писательского особняка на Комсомольском проспекте, 13. Ибо без него и помогающего ему коллектива, во главе с первым секретарем СП России Геннадием Ивановым, мы не смогли бы провести этот, такой важный для всех писателей страны съезд».

*С л е в а н а п р а в о: Хасан Тхазеплов, Хаджи-Мурат Хамхоев,
Аршак Тер-Маркарян, Муталип Бептаев, Вадим Рахманов*

А мы в нашей республике не смогли сохранить отведенный нам первым президентом КБР Валерием Коковым особняк, который уже был готов к эксплуатации более чем на 60 %. Когда теряем – молчим, а когда потеряли – жалуемся. Может быть, те, кто принимают решения, услышав нас, вернут особняк и помогут закончить его ремонт.

Второй кандидатурой на съезде стал Сергей Шаргунов – прозаик, член Союза писателей России, депутат Государственной Думы, известный нам, в том числе, и по его выступлениям на телевидении. Выступавшие в его поддержку говорили, что с его избранием можно было бы восстановить былые традиции и расширить возможности союза по продвижению своих интересов в органах государственной власти. Серьезных возражений в его адрес не последовало, за исключением, пожалуй, одного: Сергей Шаргунов никогда не работал в руководстве Союза писателей, у него нет опыта взаимодействия ни с региональными организациями, ни с ведущими писателями. Отсутствие опыта может негативно сказаться на его работе и стать причиной возможных ошибок. Поэтому было бы целесообразным сначала выбрать его в состав правления и дать возможность проявить там свои возможности в организаторском плане.

Последовали горячие выступления в поддержку обоих кандидатов и другие – по поводу того, каким им видится наш обновленный союз. Детальное изложение существующих проблем, их трактовок и способов решения, в рамках этой статьи невозможно, но я хотел бы привести здесь тезисы, заранее подготовленные группой писателей во главе со Станиславом Куняевым, которые, на мой взгляд, вполне отвечают требованиям времени:

1. Новый избранный председатель правления должен обеспечить, прежде всего, единство союза, не допустить раскола и судебных тяжб...

2. Новый председатель должен сформировать вокруг себя команду из молодых (40–60) писателей, которые бы через 3–5 лет потенциально были готовы выдвинуть из своих рядов нового лидера.

3. Новый председатель должен вывести союз из финансово-экономического кризиса...

4. Сразу же после избрания новый председатель должен инициировать процесс подготовки нового варианта Устава в строгом соответствии с изменившимся с 2014 года законодательством в сфере общественных организаций...

5. Союз писателей России должен иметь свой официальный интернет-сайт.

6. Новое руководство должно или восстановить регулярный выпуск газеты «Российский писатель», или публиковать свои материалы в общеписательской «Литературной газете»...

7. Создать, наконец, полноценный реестр членов союза – списки и анкетные учетные карточки...

8. Создать дееспособный аппарат союза.

9. Избранное руководство союза и сотрудники аппарата должны обеспечить установление конструктивного взаимодействия с органами государственной власти:

– комитетом по культуре Госдумы России;

– министерством культуры России;

– федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям (Роспечать);

– министерством образования и науки России;

– оргкомитетом по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации;

– региональными властями.

10. Союз писателей России должен участвовать в конкурсах на соискание грантов Роспечати, а также в конкурсах на соискание президентских грантов для социально значимых общественных проектов, и в многом другом.

Одним из значимых пунктов было обозначено следующее: «Разработать и принять закон «О государственной поддержке литературы в Российской Федерации» на федеральном, региональных, а также муниципальных уровнях. Многие из этих предложений, по уже указанной причине, здесь мы привести не можем.

Таким образом, после детальных обсуждений поставленных вопросов съезд вынес предложение провести открытое голосование по выборам председателя. И, после тщательной процедуры подсчета, на законных основаниях, подавляющим большинством был избран новый председатель правления Союза писателей России – Николай Федорович Иванов. (Для справки: делегатами со всей России были 166 членов СП.)

*Хасан Тхазеплов,
заслуженный работник культуры РФ,
лауреат Большой литературной премии РФ*

КАК БЫСТРОТЕЧНО ВРЕМЯ...

Очерк

*«Память – вовсе не взгляд в прошлое.
Память – культура народа. Память принадлежит
будущему не в меньшей степени, чем прошлому».*

Николай Эльяш

Для нас, первых артистов балета, 50-летний юбилей музыкального театра – это, прежде всего, момент гордости, момент памяти, время размышлений. Это, конечно же, взгляд в прошлое, на сцене которого прошла вся наша жизнь, где было около тридцати балетов мировой и советской классики, раздумья над его достижениями, неудачами и, безусловно, взгляд в будущее.

Так бывает, что мы сохраняем воспоминания о самых чудесных мгновениях нашей жизни, наполненные встречами и общением с интересными, талантливыми людьми, это – дирижеры, режиссеры, композиторы, балетмейстеры, художники, писатели – все те, с кем свела нас судьба по жизни и с кем прошло становление нашего родного театра.

Еще за два года до открытия театра первых выпускников хореографического отделения Культурно-просветительного училища, силами которых были поставлены первые четыре балета («Лялюца» Л. Когана, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, «Даханаго» Л. Когана и «Лебединое озеро» П. Чайковского в постановке А. И. Проценко), были зачислены в штат Госфилармонии. Вместе с солистами и артистами оркестра филармонии артисты балета вели активную концертную деятельность. Эта группа из 15-20 человек, в которую вошли Р. Хакулова, Р. Молова, Х. Амшокова, Х. Архестов, Б. Карданов. В. Факова, Ф. Сабанчиева, А. Бекалдиев, М. Хамурзов и другие, и составила основное ядро будущей балетной труппы.

Театр еще достраивался, когда артистов филармонии и плюс очередных выпускников КПУ – 1 октября 1967 года – зачислили в его штат, поэтому первым артистам балета будущего театра посчастливилось стать участниками исторического события.

Как писала «Кабардино-Балкарская правда»: «Раздвигается занавес – и взору присутствующих открывается большой портрет В. И. Ленина. Ильич словно говорит со сцены: «Искусство принадлежит народу». Министр культуры КБАССР К. К. Эфендиев обращается к собравшимся: «Дорогие товарищи! В истории каждого народа золотыми буквами

вписываются особые даты. Такая дата у нас сегодня, 27 января 1968 года, Государственный музыкальный театр объявляется открытым!»

Как писал всесоюзный журнал «Театральная жизнь»: «В городе Нальчике начал работать новый театральный коллектив – Государственный музыкальный театр Кабардино-Балкарии. В день открытия был показан третий национальный балет «Аминат» Л. Когана. Спектакль, поставленный балетмейстером А. Проценко по его собственному либретто и оформленный И. Фаюткиным, рассказывает о героической борьбе горцев Северного Кавказа против фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны. В центральных партиях зрители увидели Р. Хакулову и Б. Карданова. Дирижер А. Шахгалдян».

В театр балетная труппа пришла не с пустыми руками, в запасе уже было четыре многоактных балета, о которых я сказала выше. В репертуаре оставались все пять балетов, а параллельно готовились «Вечер балета», куда вошли концертные номера, два одноактных балета «Вальпургиева ночь» Гуно, и «Штраусиана» и второй балет, «Тщетная предосторожность», Гертеля. Работа была насыщенной, мы не следили за временем, все измерялось мерой сделанного. Главные партии в балете «Тщетная предосторожность» Александр Иванович доверил Х. Амшоковой и Ю. Кузнецову. Работа в этом балете потребовала от молодых исполнителей еще большей выносливости, к тому же не только техническая, но и актерская сторона партии ставила перед юными исполнителями сложные задачи. Александр Иванович, как тонкий психолог, видел их потенциал и старался помочь раскрыть душу своего героя.

Труппа стала пополняться выпускниками из хореографических училищ страны. Из Перми к нам приехали Саламат Захохова, ставшая нашей ведущей балериной, и три брата-близнеца Руслан, Хачим и Арсен Абидовы, а из Саратова – Галина и Анатолий Величко.

В конце 1968 года в Нальчик приезжает второй балетмейстер Булат Мухамедович Губжоков, который после окончания ГИТИСа работал в Якутском муздрамтеатре главным балетмейстером. За время работы он осуществил постановки национальных балетов на музыку местных композиторов: «Чумчуруку», «Алый платочек» (по собственному либретто), балет «Голубой Дунай» Штрауса и танцы к операм.

Первой его работой в нашем театре стал «Вечер одноактных балетов», куда вошли «Приглашение к танцу» Вебера, «Болеро» Равеля и «Барышня и хулиган» Шостаковича. Барышня в исполнении Р. Хакуловой, как и музыка Шостаковича, нежна и беззащитна. Хулиган же, в исполнении Б. Карданова, – натура неуправляемая, стихийная. Взгляд, как у затравленного зверька, сдвинутая на глаза кепка, но на губах наигранная нагловатая ухмылка, походка – развязная. Чувство к девушке-учительнице преображают его, за показной бравадой скрыта ранимая душа. Очень драматично актер проводит сцену смерти.

Александр Иванович параллельно готовил балет «Золушка» С. Прокофьева. Счастливая, вдохновленная балетная труппа работала с большим энтузиазмом, в репертуаре уже было девять балетов. За полтора года, что работала в театре одна балетная труппа, мы объездили и показали наши балеты во всех республиках Северного Кавказа. Все это нам организовывали и пропагандировали, неравнодушные к балетному искусству люди, – наш первый директор театра В. Х. Темирканов и его заместитель, неутомимый труженик В. С. Шумахов, ныне – директор «Театра кукол».

По окончании ГИТИСа и музучилища им. Гнесиных в середине 1969 года в Нальчик возвращается большая группа будущих артистов. Вместе с ними приехал и А. С. Шереужев, который еще в Москве в течение месяца репетировал с ними оперетту «Севастопольский вальс» К. Листова.

Второй сезон музыкальный театр открывал премьерой балета «Золушка» С. Прокофьева. О премьерe очень тепло отозвался народный артист СССР композитор Д. Б. Кабалевский в журнале «Музыкальная жизнь»: «Публика, заполнившая зал, – это были и взрослые и дети – горячо отзывались на все перипетии увлекательно поставленного спектакля (балетмейстер-постановщик А. Проценко), на искусство артистов, среди которых прежде всего хочется назвать исполнителей женских ролей – Р. Хакулову (Золушка), Г. Белокопытову и Е. Степанец (две сестры), И. Бедину (Мать-Мачеха) и Принца – Х. Архестова.

11 октября 1969 года состоялась премьера первого музыкального спектакля «Севастопольский вальс» К. Листова. Этот спектакль стал

главным экзаменом вчерашних выпускников, который они выдержали с блеском. Главные партии исполнили Г. Таукенова, Л. Кодзокова, М. Жилоков, Е. Шогенова, А. Маршенкулов, Ш. Наршаова, Х. Сибекков, Х. Макоев. Успех был необычайный. Очень большая работа была проведена Ю. М. Бицуевым, который собрал и в короткий срок создал в театре хор, добился великолепного звучания. Состав хора постоянно пополняется выпускниками музучилищ. На всем длительном протяжении существования театра, хор является одним из главных составляющих каждого музыкального спектакля, а его бессменным руководителем и вдохновителем своего детища остается заслуженный деятель искусств КБАССР Юрий Муратович Бицуев.

Работа в театре кипела. Молодые артисты готовились к новым премьерам. А. И. Проценко готовил премьеру балета «Эсмеральда» Пуни, Глиера и Василенко, а Б. М. Губжоков работал над балетом «Тропую грома» К. Караева. 100-летний юбилей В. И. Ленина был ознаменован новой премьерой – первой национальной оперой «Мадина» М. Балова и Х. Карданова в постановке Л. Х. Эркенова. Работа молодого коллектива была удостоена диплома 1-й степени Всесоюзного смотра Музыкальных театров. Успех превзошел все ожидания. Возникло полное взаимопонимание, актеров и зрителей объединило то, что происходило на сцене, где главные партии исполнили С. Богатыжева, В. Барагунов, М. Жилоков, В. Куашева, А. Пачев. И после этой премьеры, с 18 апреля 1970 года, театр по праву стал называться Музыкальным.

С приходом молодых артистов и второго балетмейстера театр жил в каком-то сумасшедшем ритме, создавалось впечатление, что он куда-то спешит, боится чего-то не успеть сделать. Появляется целый калейдоскоп новых постановок – музыкальные комедии «Кавказская племянница» Гаджиева и «Звезда экрана» Эшпая, оперетты «Черный дракон» Модуньо и «Летучая мышь» Штрауса, опера «Травиата» Верди, балеты «Эсмеральда» Пуни, Глиера и Василенко, «Тропую грома» Караева, «Легенда гор» Молова. Все балеты разноплановые, и эта работа еще больше захватила нас. Мы жили в сказочном мире – мире постановок и премьер. Здесь возникают образы и средневековья, и трагедийные, и образы национального эпоса. Их объединяет то, что главные партии во всех этих спектаклях исполняют ведущие солисты балета Р. Хакулова, Х. Архестов и Б. Карданов. Созданные ими образы настолько не похожи друг на друга, что создается впечатление, что и исполнители этих партий совсем другие артисты.

Последней большой работой Александра Ивановича Проценко в нашем театре стал балет «Жизель» Адана. Этот балет был создан специально в расчете на Х. Архестова. Задуманный постановщиком образ должен был воплотить конкретный танцовщик, поднявшись до уровня замысла постановщика. Александр Иванович работал настолько вдох-

новенно, увлеченно, что своим азартом зажигал и нас. Главные партии исполнили Р. Хакулова и Х. Архестов. Р. Хакулова обладала даром глубокого осмысления танца. Все игровые и танцевальные сцены она проводила ярко, а во втором акте была особенно трогательной, воздушной, неземной. Танец и актерская игра – единое целое в образе, созданном Архестовым в «Жизели». Архестов показывает все, что происходит с его Альбертом, как драму человека, переживающего разлад с действительностью. Видение Жизели-виллисы – это плод его романтических грез, родившихся под влиянием мучающей его вины в смерти Жизели.

С уходом А. И. Проценко новых постановок балетов не стало, и только через год состоялась премьера детского балета «Доктор Айболит» Морозова в постановке Б. М. Губжокова. А когда Роза Хакулова поступила в ГИТИС и покинула Нальчик, балеты постепенно сошли с репертуара. Правда, балетная труппа была занята во всех постановках опер и оперетт, но технические возможности артистов балета были намного выше этих подтанцовок.

Оперетта – это яркое динамичное действо, где танец играет важную драматическую роль. Как сказал Н. И. Эльяш: «Балетмейстер театра оперетты – это художник радостного настроения, где танец выявляет пластический образ действия. Поэтому балетмейстеру необходимо работать вместе с режиссером, дирижером и актерами оперетты». Интерес к работе возрос, когда руководство театра стало практиковать приглашения балетмейстеров из других городов страны. Это был Г. З. Ваховский из Пятигорска, который поставил танцы к «Фиалке Монмартра» и «Марицу» Кальмана, «Веселую вдову» Легара, «Цыганского барона» Штрауса, «Мою прекрасную леди», Лоу, «Холопку» Стрельникова; Ю. Заруцкий из Грузии поставил танцы к музыкальной комедии «Проделки Ханумы» Канчели. Неоднократно с нами работал Л. Травинин. Балетная труппа работала с удовольствием, было интересно, познавательно, каждый из них имел свой почерк в постановке танцев, тем самым вносил новую струю в нашу работу. Каждый год выходило по 4–5 новых премьер. Режиссеры театра стали приглашать артистов балета на драматические роли в детских спектаклях и национальных музыкальных комедиях.

Основную роль в становлении репертуарной политики сыграл главный режиссер театра Анатолий Садинович Шереужев, который до приезда в Нальчик работал в Алтайском краевом театре музыкальной комедии. Это, прежде всего, интеллигентный, эрудированный, вдумчивый человек с богатой фантазией. Мы не слышали, чтобы он когда-либо повышал голос. Работать с ним было одно удовольствие, на площадке всегда царил творческая атмосфера. Его спектакли сыпались как из рога изобилия, в репертуаре было около 30-ти разнообразных спектаклей: это и оперы «Травиата», «Риголетто» Верди, «Паяцы» Леонкавалло, «Кармен» Бизе, множество оперетт, музыкальных комедий и детских

сказок. Огромное внимание Анатолий Садинович уделял детским постановкам. Ведь сочетание театрального действия и музыки является огромной воспитательной силой для будущих наших зрителей. Здесь были и балеты – «Муха-Цокотуха» Салиман-Владимирова, «Волшебный сон» Арустамяна, «Буратино» Дружинина, «Остров сокровищ» Боневича, «Бременские музыканты» Гладкова и другие. Как главный режиссер он был чуток, внимателен к молодому режиссеру Римме Темроковой, которая поставила оперы «Верность» Чайковского, «Алеко» Рахманинова. Оперетты «Марица» и «Цыган-премьер» Кальмана, «Моя прекрасная леди» Лоу, «Служебный роман» Журбина и др. А. С. Шереужев следил за творчеством Тамары Сафаровой, которая, будучи артисткой хора, стала проявлять интерес к режиссуре. Он старался помочь, поддержать в ее первых постановках («Долгожитель» Дмитриева, «Остров сокровищ» Боневича). А сейчас Тамара является интересным профессиональным режиссером. Рядом с А. Шереужевым работали такие корифеи сцены, как заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Х. Эркенов, который поставил четыре оперы – «Мадина» М. Болова и Х. Карданова, «Искатели жемчуга» Бизе, «Молодая гвардия» Мейтуса, «Даханаго» Молова и музыкальную комедию «Проделки Ханумы» Канчели. А заслуженный деятель искусств КБАССР Султан Азретович Теуважев осуществил постановки: «Летучая мышь» Штрауса, «Вольный ветер» Дунаевского, «Фиалка Монмартра» Кальмана; детские спектакли: «Чинчрака» Квернадзе, «Сын медведя Батыр» Карданова, «Золотой цыпленок» Улановского.

Анатолий Садинович старался пропагандировать творчество молодого коллектива музтеатра. Начиная с 1976 года, у нас начались ежегодные двухмесячные гастроли, на которые мы вывозили по 10–12 больших полномасштабных спектаклей, где были и опера, и балет, и оперетта. Мы объездили всю европейскую часть Советского Союза. Начиная от Западной Украины, работали более чем в 30-ти городах – Тернополе, Виннице, Харькове, Пскове, Новгороде, Смоленске, Чебоксарах, Калуге, Тольятти, Астрахани и многих других.

И только с приходом в 1978 году Арсена Ауэсовича Абидова балет стал оживать. Он поставил «Жизель» Адана, главные партии исполнили заслуженные артисты балета С. Захохова, Х. Архестов и Ю. Кузнецов, сохранив редакцию А. И. Проценко. Наряду с такими спектаклями, как «Кармен» Бизе, «Веселая вдова» Легара, «Холопка» Стрельникова, после десятилетнего перерыва состоялась премьера балета «Дон Кихот» Минкуса, где очень слаженный дуэт показали С. Захохова и Ю. Кузнецов. Танец Китри был наполнен жизненной силой, экспрессией, большой темперамент соответствовал стилю самого балета. Базиль в исполнении Ю. Кузнецова был ярким воплощением народного характера. Очень живой, с добрым лукавством, его неумный темперамент передается в виртуозном танце, особенно в финальном дуэте.

Репертуар театра был насыщен и разнообразен. Ежедневно шли разные спектакли, поэтому зритель имел возможность выбора, и это чередование было интересно и всем артистам. Репертуар постоянно пополнялся новыми премьерами: «Тайны сердца» Жирикова, «Долгожитель» Дмитриева, «Цыган-премьер» Кальмана, национальный балет «Легенда Чегемского водопада» Дружинина и Жеттеева и балет «Горянка» М. Кажлаева. Этот спектакль покоряет правдой человеческих чувств. Балетмейстер постарался средствами танца рассказать о судьбе девушки, нарушившей закон народов Кавказа, отказавшись выходить замуж за нелюбимого. Партию Асият очень ярко раскрыла в танце С. Захохова, показав характер и взаимоотношения героев. Главную партию Османа исполнил и серьезно заявил о себе молодой артист балета А. Азаров. Он создал образ сложного, противоречивого и самовлюбленного юноши. Его неистово темпераментный танец был пронизан нотами злобного, насмешливого пренебрежения ко всему, что противоречило его желаниям.

Работая в театре, Арсен Ауэсович вынашивал новый проект, пытаюсь воплотить в жизнь мечту своих братьев-близнецов, открыть «Школу классического танца братьев Абидовых». Последней его работой в театре стал балет «Шопениана».

С дипломной работой, куда вошли одноактные балеты «Испанские миниатюры» и «Лейли и Меджнун», в театр приехал Рамед Мулидович Пачев и успешно сдал ее 17 февраля 1989 года. Какое-то время еще выходили детские балеты «Кошкин дом» Кулешова, «Кот в сапогах» Березина, «Снежная королева» Бельц, но с каждым годом ухудшалось финансовое положение. Для театра настали тяжелые времена.

Радует то, что после столь длительного и тяжелого перерыва мы видим постепенное рождение новых постановок. Хочется сказать слова благодарности режиссеру Т. Сафаровой. Наряду с новыми постановками она старается сохранить традиции преемственности и с новыми исполнителями главных партий поставить спектакли наших ушедших из жизни режиссеров, сохранив их редакцию.

Не могу не назвать дирижеров, которые внесли огромный вклад в развитие музыкального искусства театра: А. Шахгалдян, И. Щербаков, Г. Манвелов, М. Попова, Б. Темирканов, А. Супер, Л. Бекулов; художников: С. Мальцев, И. Фаюткин, Г. Паштов, С. Урусов, В. Зохохов, Ч. Балкаргов, Л. и В. Шхацевы.

С этим замечательным юбилеем хочется поздравить, прежде всего, всех тех, кто стоял у истоков рождения музыкального театра. В лице директора театра Р. Барагунова поздравить весь творческий состав, все вспомогательные и технические цеха, причастные к созданию спектаклей. Пожелать не останавливаться на достигнутом, идти к новым творческим свершениям и требовательнее относиться ко всему, что выносится на суд зрителя.

ПРОФЕССИЯ, ДАННАЯ ПРИРОДОЙ

Очерк

Залина Ногерова (Ахъяева) – редактор Вещательного телеканала «Кабардино-Балкария» (1 КБР), победительница межрегионального телерадиофестиваля «Мир Бибигона», республиканского конкурса «Поют драматические актеры», лауреат телерадиофестивалей «Салам алейкум» и «Мои истоки».

Профессиональная актриса – выпускница Северо-Кавказского государственного института искусств, имеющая опыт работы в Балкарском драматическом театре им. К. Кулиева, выступает на сцене как певица и ведущая концертных программ, ведёт на республиканском телевидении детскую передачу на балкарском языке «Билляча», вместе с мужем растит маленькую дочку.

Статус работающей мамы обязывает всюду успевать, выполнять служебные обязанности и уделять достаточно внимания родным и близким.

Сложно? Безусловно. Но Залина не воспринимает работу как обязанность. Она из разряда счастливцев, для которых работа и хобби – одно и то же. Труд доставляет удовольствие и тому, кто его выполняет, и тем, кто наслаждается его результатами. Это ли не гармония, о которой мечтает практически каждый из нас?

Билляча и бибабо

«Билляча» в вольном переводе с балкарского – «Знайка». С названием этой телепередачи, предназначенной не только для детей, но и для взрослой зрительской аудитории, у многих жителей Кабардино-Балкарии ассоциируется образ Залины Ногеровой. В течение нескольких лет юные жители нашей республики узнавали много нового и интересного от ведущей программы с её забавным, любознательным напарником Айдуркью (ударение на последнем слоге).

«Я дарю вам стихи, веселые, как бибабо», – писал Владимир Маяковский. Бибабо – перчаточная кукла. Айдуркью – из этого семейства. По мнению Злины, её замечательный партнер – прирожденный «телевизионщик», появившийся на свет в Санкт-Петербурге. Мастер-кукольник Маргарита Ясинская, работавшая с ведущими кукольными театрами Европы, изготовила разговаривающего не своим голосом мальчишку по заказу начальника отдела вещания на балкарском языке ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» Ахузат Мишаевой специально для телесъемок.

Съемочный процесс проходит и в телевизионном павильоне, и в детских учреждениях. А летом Залина с Айдуркью ездили в детские лагеря отдыха – в гости к своим поклонникам.

Куклы – это серьезно

«Часто наблюдаю, как при виде моего маленького партнера люди начинают ему улыбаться, разговаривают с ним как с человеком. Оказывается, куклы имеют на нас влияние, – рассуждает Залина. – Зачем люди придумывают кукол и создают кукольные театры? Зачем дарят кукол детям? Вывод прост – куклы нужны нам для общения,

которого так часто не хватает в любом возрасте. И не удивительно, что образы кукол нашего детства не менее яркие, чем образы близких людей.

«Айдуркью» дословно переводится как «месяц, освещающий двор». Нести свет знаний и попутно развлекать пытливых мальчишек и девчонок – эту задачу ставила Залина Ногерова перед собой и своим бумажно-тканевым коллегой.

Почему «ставила»? Потому что недавно полуметровый бибабо ушел в отпуск, а ведущая программы стала приглашать на съёмки не игрушечных, а настоящих мальчиков и девочек.

Ребята и прежде нередко становились гостями студии – поздравляли мам и бабушек с Международным женским днем, радостно и ласково, как с маленьким ребенком, общались с пытливым малышом Айдуркью, терпеливо отвечали на его вопросы. В редакцию детской передачи из разных районов нашей республики от детей и взрослых приходили письма и поздравительные открытки. Но теперь главные герои познавательно-развлекательной программы – дети. А передачи, вышедшие в эфир, можно найти в интернете на видеохостинге youtube.

Для сохранения родного языка

Залина Дахировна убеждена в том, что основная задача, которую должна решать детская передача «Билляча» в любом ее варианте – содействие в сохранении национальной культуры и балкарского языка.

«Приходится с сожалением констатировать, что уровень знания родного языка из года в год снижается, – говорит телеведущая. – В кадре в основном приходится говорить мне, а ребята порой даже не могут повторить слова или фразу. Это в большей степени относится к городским детям, в меньшей – к сельским.

Для съемки передачи выбираю местность с компактным проживанием балкарцев. В городском округе Нальчик это сёла Хасанья и Белая Речка.

Моя особая благодарность – администрации, всем работникам и воспитанникам белореченского детского сада № 13. С этим учреждением образования наша телевизионная группа сотрудничает давно и успешно, и дети там неплохо знают балкарский язык. В этом я вижу заслугу не только родителей и других старших родственников ребят, но и членов педагогического коллектива, которые заботятся о сохранении национальных традиций, языка, культуры».

На задних бамперах некоторых автомобилей веселые водители иногда размещают надпись: «Двигайся за мной, я знаю короткую дорогу».

Одним из кратчайших путей к пополнению лексического багажа является песня. В особенности старинная, сохранившая не только общеупотребимые слова и выражения, но и архаизмы. Этот музыкально-лексический ресурс активно использует в своих передачах Залина Ногерова.

«Важно, чтобы пассивный словарный запас постепенно трансформировался в активный, – рассуждает Залина. – Чтобы слова, которые человек узнаёт при чтении и на слух, он стал использовать в устной речи и письме. Убеждена, что этому позитивному процессу содействует наша детская передача. В её подготовке задействовано большое количество моих коллег по телевизионному цеху – творческих и технических работников, я всем им благодарна за эффективное сотрудничество».

Телевизионная кухня

«Воплощение готового замысла в жизнь – это удовольствие, – продолжает рассказ о своей увлекательной работе Залина. – Но процесс созревания очередной передачи трудный. Надо каждый раз придумывать что-то нескучное, потому что дети терпеть не могут все скучное, даже если это очень полезная информация. Быть нескучным собеседником для ребенка нелегко. Образцом для подражания для меня является легендарная ведущая центрального телевидения Валентина Леонтьева. Ее передачи «От всей души» и «В гостях у сказки» смотрела вся страна, и каждый выпуск нес в себе свет доброты, свет души этой замечательной женщины.

Много интересных сюжетов в цикле детских образовательных программ «Шишкин лес» с кукольными персонажами (он также выходит на одном из центральных телеканалов). Некоторые из них представляются нам актуальными и хорошо ложатся на балкарскую тематику, становятся идейной основой для нашей передачи. В ней мы каждую субботу ведем разговор с ребятами не только о буквах и цифрах, но и о правилах дорожного движения, правилах этикета, о цветах и семье, взаимоотношениях между людьми – обо всём, что интересует детей и помогает им усваивать в лёгкой форме новые знания, формируя культурную систему координат.

Кстати, моя деятельность на телевидении начиналась с передачи так называемого лёгкого жанра – на самом деле весьма трудозатратного.

К съёмкам в юмористической передаче «Ойнай-ойнай» («Шутя, играя»), я привлекла однокурсниц Инару Байсултанову и Зульфию Уланову. Передача имела успех. Телезрители цитировали мою героиню Шамдарий, которую придумал режиссер Балкарского театра Магомед Атмурзаев.

Очередным этапом работы в этом направлении стала подготовка сольной программы, где юмористические сценки перемежаются с песнями.

В числе планируемых (реализуемых) телепроектов – интервью с представителями разных профессий, ведь нет ничего интереснее, чем слушать интересных собеседников».

Перечисление Залиной собственных планов невольно ассоциируется с выражением всё того же Маяковского: «Я планов наших люблю громадьё, размаха шаги саженьи...». По силам ли воплощение больших творческих планов молодой женщине, обременённой семьёй, заботами о ребёнке?

«В любом деле самое главное – желание человека. Если оно искреннее и сильное, всё будет», – убеждена талантливая актриса.

С благодарностью к старшим

«Актриса, певица, телеведущая и молодая жена» – под таким названием в 2012 году вышла в газете «Горянка» статья Марзият Байсиевой о Залине Ногеровой. Сейчас, спустя почти шесть лет, материал пришлось бы озаглавить так: «Актриса, певица, телеведущая и молодая мама».

Дочке Магомеда и Залины Ногеровых любознательной и весёлой Милане скоро исполнится три года. Когда бывшие одноклассники решили связать судьбы, старшие их в этом поддержали.

Залининой мамы Бабаевой Розы Тейповны не стало, когда девушке исполнилось семнадцать.

Тепло, как дочку, приняли Залину в родной семье мужа, главой которой является Мухадин Шокманович Ногеров. Свекровь – Лейла Хамбиевна – много лет работала заместителем директора нальчикской школы № 12, сейчас воспитывает прелестную внучку – маленькой Милане не было и года, когда невестка вышла на работу и продолжила профессиональную деятельность.

«Лела Хамбиевна, которую я зову мамой, – опытный педагог, высококвалифицированный специалист, и это проявляется не только в рамках образовательного учреждения, – рассказывает Залина. – Она очень рано стала покупать для внучки занимательные игрушки, различные мозаики, развивала моторику рук... Благодаря ее заботам девочка уже в два года знала буквы и цифры, называла основные цвета. Пожалуй, скоро начнет читать.

Мы с мужем, занятые работой, конечно, не можем уделять Милане так много времени, сколько хотелось бы, поэтому высоко ценим всё, что делает для нашего ребёнка любящая бабушка.

Убеждена, что роль бабушек и дедушек в воспитании малышей трудно переоценить. Они – главный авторитет в семье, они мудры и сте-

пенны, располагают большим количеством времени, чем люди молодые. Мы с благодарностью используем их опыт и знания.

Супруг поддерживает меня во всех творческих начинаниях, его семья стала моей семьёй, его родные люди очень дороги и мне. В семейной жизни я абсолютно счастлива, а значит, могу со спокойной душой, с радостью заниматься профессиональной деятельностью. Она очень интересна мне, её результаты, по признанию зрителей, нравятся жителям нашей республики».

Из прессы:

«Делать передачи для детворы – сложная и ответственная работа, – в этом убеждена редактор ГУ ВТК «Кабардино-Балкария» Залина Ногерова (Ахьяева). Тут не сфальшивишь, не отделаешься общими словами и фразами. Малыши – самая требовательная категория зрителей – ментально чувствуют неискренность. С детьми надо играть. Именно этим и занимается Залина».

Анна Габуева, журналист

«Способность талантливой телеведущей перевоплощаться и магическое притяжение ее куклы Айдуркью обеспечивают «Билляче» высокие рейтинги».

Марзият Байсиева, журналист

«Залина может озвучивать двух-трех персонажей мультфильма одновременно, разными голосами, вкладывая в них совершенно разные характеры. Такую скорость переключения с образа на образ нечасто можно встретить. Молодая телеведущая очень легко работает с детьми. «Овладела» куклой, установила с ней контакт мгновенно. Актерское начало помогает ей в работе тележурналиста».

*Ахузат Мишаева,
начальник отдела вещания на балкарском языке
ГУ ВТК «Кабардино-Балкария»*

«В обаятельной телеведущей Залине Ногеровой мы видим столько любви к родному языку, что это вызывает огромное к ней уважение.

Мои соседи-кабардинцы тоже смотрят «Биллячу». Их дети знают точное время этой передачи. Вот так и рождается дружба между народами.

Много лет я пишу на балкарском языке. Казалось бы, знаю язык. Однако из передач Залины Ногеровой черпаю для себя много нового. Благодарю ее от имени всех телезрителей».

Мухадин Теммоев, журналист

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА – ОПЫТ ПРЕДКОВ

Очерк

Валерий Тазретович Бетрозов

«Здоровье – это главное жизненное благо», – утверждал польский педагог, писатель, врач и общественный деятель Януш Корчак. А древнеримский писатель-эрудит Плиний Старший считал, что «нет искусства полезнее медицины». И действительно, что делать, когда тебя одолевает болезнь, которая стирает все краски жизни, а иногда и вовсе делает существование невыносимым? Обратиться к врачу с надеждой на выздоровление.

Современная официальная медицина находится в постоянном поиске инновационных способов лечения различных заболеваний, но и сегодня люди

обращаются к опыту предков, которые в борьбе с болезнями применяли народные средства. Ведь всегда существует запрос на разные точки зрения.

Лечение с использованием методов знахарства сейчас принято называть нетрадиционной медициной. Но с таким термином не согласен народный целитель, биоэнерготерапевт, член Ассоциации народной медицины КБР Валерий Бетрозов. Он уверен, что именно народная медицина, которой десятки тысяч лет, является традиционной.

Путь Бетрозова в народную медицину, как считает он сам, был предопределён. Известным знахарем был его дед Хажмет Бетрозов, которого внуку не довелось знать – он был расстрелян в 1919 году белогвардейцами. О нём часто говорили старшие, и истории о том, как дед излечивал разного рода ранения, кожные и простудные заболевания, вправлял кости, мальчик слушал с особым интересом. Этот интерес подпитывало и общение с отцом. Тазрет Бетрозов, уроженец села Старый Урух, работал на бричке, и с 1955 года, когда сыну исполнилось семь лет, брал его с собой в поле и в лес, когда ездил за хворостом и дровами. Во время таких выездов, которые продолжались вплоть до 1961 года, отец показывал ребёнку травы. Ещё в раннем возрасте Валерий узнал о свойствах крапивы, зверобоя, шиповника, иван-чая и многих других лекарственных растений.

Казалось бы, сама судьба толкает Бетрозова в медицину. Однако свою жизнь он связал со строительством. Был облицовщиком, плиточником, штукатуром, каменщиком. Работал в строительной организации до 1987 года. Дважды избирался депутатом Ленинского райсовета.

К обстоятельному изучению народной медицины в 1979 году Бетрозова побудил, по его мнению, генетический зов. «Генетику не обманешь», – говорит он. И можно верить или не верить в приметы и вещие сны, но почти каждому из нас приходилось сталкиваться с чем-то необычным, необъяснимым, что принято называть знаками свыше.

Именно так произошло у Валерия Тазретовича. Отправной точкой для постижения знаний о траволечении стало сновидение, которое отпечаталось в его памяти. Может быть, сработало подсознание, так или иначе произошёл разворот в направлении оздоровления людей, и Бетрозов стал буквально зачитываться книгами по народной медицине, прошёл обучение тибетской медицине в Барнауле.

В том, что выбор, сделанный в пользу народной медицины, был верным, Валерий Тазретович убедился, когда в январе 2000 года произошла случайная встреча с магистром народной медицины, академиком Академии традиционной народной медицины, руководителем Ассоциации народной медицины КБР Ниной Бекуловой. Просто взглянув на своего нового знакомого, она сказала: «Из вас выйдет великолепный целитель. У вас добрая душа, хороший взгляд». Эти слова искренне поразили Бетрозова, который на тот момент даже не успел сказать Бекуловой, что окончательно решил посвятить себя траволечению.

Знания Валерия Тазретовича о лекарственных растениях подкреплены дипломом, который даёт ему право на занятие народной медициной в любой точке России. В этой деятельности он руководствуется главным врачебным принципом – «не навреди». Отвечая на вопрос, от чего зависит успех лечения, целитель подчёркивает: «От правильной постановки диагноза и умения найти индивидуальный подход к каждому, кто пришёл за помощью».

Важны и настрой пациента на выздоровление, доверие и вера. Врач для больного – надежда на исцеление, и он должен суметь убедить человека, в том, что может ему помочь, вдохнуть в него желание бороться с недугом.

«Известный сирийский врач и писатель, живший в XIII веке, Абу Аль Фарадж, общаясь с пациентами, объяснял им: «Нас трое – ты, болезнь и я. Если ты будешь с болезнью, вас будет двое, я останусь один, и вы меня одолеете. Если ты будешь со мной, нас будет двое, болезнь останется одна, и мы её одолеем». Эти слова я привожу людям, которые обращаются ко мне», – замечает Валерий Бетрозов.

Нередко в своей практике он сталкивается с теми, кому не помогла официальная медицина.

«Когда удаётся излечить людей, долгие годы страдавших от тех или иных проблем со здоровьем, это дорогого стоит, – признаётся Валерий Тазретович и вспоминает эпизод, произошедший семнадцать лет назад, в начале его целительской деятельности: – Пациентка мучилась от туберкулёза, бронхита и пневмонии, протекавших в хронической форме. Когда по окончании назначенного мной лечения она прошла обследование и рассказала, что болезни отступили, на глаза мои навернулись слёзы».

Существует множество хворей, которые с трудом поддаются лечению, среди них заболевания кожи и суставов. Когда речь идёт об онкологических проблемах, Бетрозов утверждает: если опухоль операбельна, необходимо следовать рекомендациям официальной медицины.

Травник твёрдо убеждён, чтобы достичь высоких результатов в выбранном деле и лечить людей, нужно любить их и быть хорошим человеком. Методами, которыми он мастерски овладел, излечиваются разного рода аллергии, тонзиллиты, бронхо-лёгочные, нервные, дерматологические, гинекологические и урологические заболевания, ожирение, болезни суставов, печени, почек, желудочно-кишечного тракта, ишемическая болезнь сердца, простатиты, аденомы. Справиться с недугами помогают растения, о которых целитель готов говорить бесконечно.

«Каждая трава заслуживает внимания», – подчёркивает он. Когда спрашиваю, можно ли выделить какое-то одно уникальное растение, Бетрозов делится знаниями о свойствах символа России – берёзы: – Листья берёзы помогают бороться с кожными болезнями, заболеваниями органов дыхания, мочевыделительной системы, суставов, ЖКТ. А берёзовая чага сдерживает рост раковых опухолей. Сразу всего не перечислишь».

Другое исключительно полезное растение – крапива, настоящий кладёз биологически активных веществ. Она эффективна при старческой немощи, малокровии. Во время войны крепкий отвар крапивы использовали для остановки кровотечений. Но такое снадобье не подойдёт людям с гипертонической болезнью и тем, у кого густая кровь.

«Травы не безвредны, – предупреждает Валерий Тазретович. – Назначая лечение, необходимо в первую очередь правильно собрать анамнез, убедиться в отсутствии противопоказаний».

Как биоэнерготерапевт Бетрозов даёт рекомендации по питанию: «Здесь речь идёт о лечении болезней и патологий с помощью биологической энергии, которую человек получает с продуктами питания, – поясняет он. – К примеру, людям с заболеваниями желудка и печени, следует избегать трёх «ж»: жирного, жареного и желток куриного яйца. Хорошо, если в ежедневном рационе присутствуют свежие салаты, заправленные растительным маслом. Совершенно простой салат из капусты, свёклы и моркови станет прекрасным источником витаминов С и А. Есть у меня и рецепт для сохранения женской красоты. Рекомендую при отсутствии проблем с желудком утром натощак съесть смесь из мёда, подсолнечного

масла и лимонного сока, взятых в равных количествах – достаточно по одной чайной ложке».

Вернёт молодость и свежесть лицу, разгладит морщины творожная чудо-маска, результат от которой будет заметен уже через полтора месяца применения. Перемешать до полного растворения одну чайную ложку морской соли с одной столовой ложкой творога. Нанести на лицо на 15–20 минут. Смыть тёплой, а затем холодной водой. Применять ежедневно или через день в зависимости от состояния кожи.

Когда человек истощён болезнью, быстрее встать на ноги поможет пшеница, пророщенные зёрна которой имеют высокую питательную ценность и принесут неоценимую пользу организму. Около 50-100 грамм зёрен хорошо промыть, поместить в миску, залить водой комнатной температуры так, чтобы жидкость их покрыла примерно на два миллиметра, и оставить на сутки. Затем измельчить блендером. Употреблять утром, добавив по столовой ложке мёда и домашней сметаны.

В холодное время года, когда увеличивается количество простудных, бронхо-лёгочных заболеваний, важно полноценно питаться и включить в рацион чеснок и лук, которые благодаря содержанию флавоноидов борются с вирусами.

Как и представители официальной медицины, Валерий Тазретович советует выпивать ежедневно не менее двух литров чистой воды – она необходима для вымывания токсинов.

С тех пор как Бетрозов с головой ушёл в народную медицину, он начал по-другому воспринимать окружающий мир и остро реагирует на нарушения экологических норм: «Человек должен беречь природу, родную землю, которая отдаёт ему свои богатства – воду, пищу, полезные ископаемые, и принимает его после смерти. Разве земля не достойна уважения?!»

Интересуюсь у целителя, что делать, если хочешь прожить долгую жизнь в здоровом теле и здравом уме. Ответ такой: «Конечно, большую роль здесь играет генетика. Но каждый человек становится сам себе лекарем, когда начинает следить за собой. Нужно вести здоровый, активный образ жизни – не иметь вредных привычек, сбалансированно питаться и регулярно заниматься физкультурой. Достаточно следовать совету средневекового персидского учёного, философа и врача Ибн Сины:

*«С гимнастикой дружи, всегда весёлым будь,
И проживёшь сто лет, а может быть, и боле.
Микстуры, порошки – к здоровью ложный путь.
Природою лечись – в саду и в чистом поле».*

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на наш журнал
«Литературная Кабардино-Балкария» на первое полугодие
2018 года!

**Наш подписной индекс
по «Каталогу Российской прессы» – 78452**

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» – 32,04 руб., за 6 месяцев – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Звоните нам, если:

- Вам не доставили журнал по подписке;
- Вы нашли ошибки или опечатки;
- в журнале типографский брак.

В номере:

<i>Хасан Шаваев.</i> Омар. Документальная повесть	2
<i>Анатолий Парпара.</i> Парпаризмы. Миниатюры	36
<i>Муталип Беппаев.</i> Беглец. Новелла (перевод Ларисы Ахаевой)	47
<i>Хасан Тхазеплов.</i> Экспедиция – 2516. Главы из научно-фантастического романа	52
Книжные новинки. <i>Феликс Хараев.</i> «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Обзор	65
<i>Алим Алафаев.</i> Стихи	71
<i>Владимир Кудяев.</i> Мальбахов и национальные языки. Очерк	76
<i>Алим Кодзоков.</i> Пират из Кабарды. Рассказ	82
<i>Ольга Порозова.</i> Огонь зеленых лун. Новелла	118
<i>Жаухар Анпаева.</i> Слово о мастере. Очерк	124
<i>Светлана Моттаева.</i> Гордость отечественной науки. Очерк	128
<i>Ирина Богачева.</i> Его всегда будет не хватать. Очерк	133
<i>Кашиф Унежев.</i> Феномен Адыгэ хабзэ (адыгского этикета). Статья	138
<i>Пишкан Таов.</i> Горький привкус медового промысла. Статья	165
<i>Хасан Тхазеплов.</i> Путь длиною в 60 лет. Очерк	170
<i>Галина Белокопытова.</i> Как быстротечно время. Очерк	174
<i>Ирина Вольская.</i> Профессия, данная природой. Очерк	181
<i>Марьяна Белгорокова.</i> Народная медицина – опыт предков. Очерк	186

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*Фотографии предоставили Е. Листопадов, К. Толгуров, Е. Бит-Сава,
Ж. Кандорова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 23.12.17. Подписано к печати 31.01.18.
Выход в свет 16.02.18. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 660 экз. Заказ № 21. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).